

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2024

12.01.24 в Государственном концертном зале Нальчика прошло торжественное мероприятие, посвященное Дню российской печати. Журналистов республиканских и муниципальных печатных СМИ поздравили представители Правительства, Парламента, а также министерств и ведомств Кабардино-Балкарии.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2024 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

ТВОЙ МОЙ ДОМ

Драма

Перевод с кабардино-черкесского автора

*Место действия: село на юге России,
Северный Кавказ.*

Время действия: 2010-2020-е годы.

Действующие лица:

Дина – 16 лет, 26 лет. Выросла в селе, сирота, воспитана в бедной семье тети. С раннего детства приучена вести хозяйство, а также умеет шить, вязать.

Берд – муж Дины, 37 лет, 47 лет. Вырос в том же селе, что и Дина. Рано потерял родителей. Замкнут. От отца ему в наследство достался участок земли со старым домиком. Домик он снес и строит большой дом. Работает водителем грузовой машины (фуры), по заказу доставляя различные грузы.

Тетя Леся – 75 лет. Сестра отца Берда. У нее есть дочь, нет сына. Привязана к Берду.

Лимон – 20-30 лет. Водитель, напарник Берда. Простой сельский житель, без образования. Лимон – прозвище парня.

Марина – бывшая соседка Дины. Женщина лет 40. Семейная.

Старший мужчина.

Молодой мужчина.

Женщины-малыры.

Мужчины-грузчики.

Мужчины-вышибалы (пояснение для переводчика – так называют тех, кто силой забирает чьи-то деньги или долги).

АКТ ПЕРВЫЙ

На авансцене Дина и Берд. На них падает яркий свет. Действие происходит в доме тети Дины. Берд приехал к Дине. Он женится на ней, девушке нет 18-ти лет, и их брак невозможно зарегистрировать в государственных органах, но религия позволяет ранние браки, и брак Берда и Дины официально оформил сельский мулла (эфенди). Для этого

присутствие жениха не обязательно, по традиции – нежелательно. Но Б е р д не придерживается правил.

Б е р д. Вот и поженили нас, Дина (*улыбается, смотрит Дине в лицо*).

Д и н а. Мне тетя говорила, что тебя не будет здесь сегодня.

Б е р д. Мне друзья тоже сказали, что по нашим обычаям меня здесь не должно быть. Но я их не послушал. Если бы я слушал кого-то, то и на тебе не дали бы жениться.

Д и н а. Почему?

Б е р д. Говорят, что ты еще ребенок. Это правда?

Д и н а. Я играю с детьми, и сказки на ночь рассказываю. Это чтобы они слушались, а не потому, что я ребенок.

Б е р д (*берет руку девушки в свою*). Нянюшка. А мне будешь сказки рассказывать?

Д и н а. А ты не испугаешься?

Б е р д. Что?! Ты посмотри на нее!

Д и н а (*с нежностью в голосе*). Я сказки разные знаю. Сказки для детей, сказки для взрослых. И для взрослых детей!

Б е р д. По-твоему, я взрослый ребенок?

Д и н а. По-моему, ты мужчина, ради которого я сделаю все.

Б е р д. Диночка, какая же ты умница. Я тоже для тебя все смогу! Вот, я тебе даже кукол купил!

Б е р д достает большую коробку. Д и н а удивленно улыбается, открывает коробку и осторожно достает кукол – нарядно одетых мальчика и девочку. Д и н а гладит им волосы.

Д и н а. Это жених и невеста, как мы!

Б е р д. Если как мы, то уже муж и жена.

Д и н а. Да, я знаю. Мулла (эфенди) у меня даже спросил, хочу ли я замуж.

Б е р д. Что ты ему ответила?

Д и н а. То же, что и тебе. Да...

Б е р д. Тогда у нас будет свадьба. Я твоей тете дал деньги. Купишь себе красивое платье.

Д и н а. Я могу сама сшить!

Б е р д. Знаю, что ты рукодельница, но сшить не успеешь. Свадьба послезавтра.

Свет гаснет. Герои исчезают.

Звучит музыка. Свет снова зажигается, теперь видны комнаты недостроенного дома Б е р д а. Дом двухъярусный (в два этажа). На втором этаже стены комнат и балкон. На первом этаже гостиная,

где стоят старый диван, стулья, столик. Здесь находится каркас лестницы без перил, которая ведет на второй этаж.

В углу гостиной лежат строительные материалы. На первом этаже еще две комнаты – кухня и спальня.

Поздний вечер. Закончилась свадьба Б е р да и Д и н ы. Он привез ее домой. Слышен звук машины Б е р да. Она заезжает во двор. Затем раздается звук закрывающихся железных ворот.

Дина и Берд заходят в дом, в гостиную. Б е р д уставший, довольный, немного пьяный. Д и н а в свадебном платье, чуть растеряна.

Б е р д. Ты же весь день в этом платье. Почему не переделалась?

Д и н а. Хотела спросить, тебе нравится?

Б е р д (разглядывая платье). Красивое, конечно. Я же знаю, сколько оно стоит.

Д и н а. А я сама его сшила. Не думай, не из-за денег, просто я хотела сама.

Б е р д. Ладно, раз так. Пошли, дом покажу.

Берд начинает показывать комнаты. Из гостиной он ведет Дину на кухню. На кухне старая газовая печка, раковина, столик и стулья.

Посуда расставлена в небольшом старом шкафчике.

Б е р д. Здесь будешь разжигать очаг. (Смеется.) Я потом хорошей техникой обставлю всю кухню!

Д и н а. Мне и так нравится.

Б е р д. Здесь еще много чего надо сделать, просто я мало бываю дома, строительство медленно идет.

Подходят к каркасу лестницы.

Б е р д. Здесь будет нормальная лестница, пока так поднимаюсь.

Б е р д поднимается и сверху кричит Д и н е.

Поднимайся!

Д и н а осторожно поднимается, придерживая подол платья. Берд протягивает ей руку.

Д и н а и Б е р д стоят наверху, на пустой плоской поверхности второго этажа. Д и н а смотрит в небо.

Б е р д. Смотри, в каком месте мой дом! На холме!

Д и н а. Как красиво! Над нами звезды! Мы выше всех. Наверное, днем отсюда все село видно!

Б е р д. Конечно, видно. Главное, мой дом виден со всех сторон! Когда дострою, он еще заметнее будет!

Д и н а. Это хорошо, когда большой дом и в нем много людей.

Б е р д. Каким будет дом, от меня зависит, какая семья – тоже.

Б е р д одной рукой обнимает Д и н у за плечи.

Ты моя маленькая. У тебя все будет, я все смогу.

Сулицы раздаются мужские голоса, смех. Зовут Б е р д а по имени.

Б е р д. Это напарник мой с пацанами. Те, что на свадьбе были. Не нагулялись значит. *(Кричит друзьям.)* Иду! *(Обращается к Дине.)* Подожди меня тут, не показывайся лучше. А то начнут свои шуточки и не уйдут до утра. Я их выпровожу и вернусь!

Б е р д уходит. Д и н а послушно остается наверху.

Б е р д спускается по лестнице, выходит из дома, мужские голоса встречают его восторженно. Слышен голос Б е р д а.

Б е р д. Нет, нельзя в дом. Спит она уже. *(Смеется.)*

М у ж с к о й г о л о с. Раз к тебе нельзя, пойдешь с нами!

В т о р о й м у ж с к о й г о л о с. Или тебя уже не отпускают?

Б е р д. Ладно, пошли.

Голоса удаляются.

Дом Б е р д а. На рассвете.

Б е р д заходит в дом, заглядывает в комнаты, ищет Дину. Дина на втором этаже, сидит на корточках, пытаясь согреться пышной юбкой. Б е р д поднимается на второй этаж.

Б е р д. Дина, ты что?

Д и н а вскакивает, услышав голос Б е р д а.

Д и н а. Ты сказал, здесь жди.

Б е р д. Я же думал, что сразу вернусь. Не отпустили, сволочи такие. *(Улыбается.)* Пойдем вниз. Бедненькая, замерзла вся.

Спускаются вниз. Б е р д, дождавшись, когда Д и н а ступит на пол, поворачивает её за плечи лицом к себе.

Б е р д. И сними уже это платье. Пойдем, я сам сниму. И согрею тебя.

Б е р д уводит Д и н у в спальню, закрывает за собой дверь.

День. В доме Б е р д а, на кухне.

Д и н а в шелковом халате, накрывает на стол.

Заходит Б е р д, с помятым лицом, в майке – он не умывался.

Б е р д. Завтрак приготовила! Умница моя.

Д и н а (*улыбается мужу*). Уже обед. Я не знала, что ты любишь, поэтому на выбор приготовила.

Б е р д. Главное, чтобы выбор был!

Б е р д садится за стол, начинает есть. Д и н а стоит, по-прежнему ему улыбается.

Б е р д (*жует*). Я в рейс ухожу.

Д и н а (*удивлена и расстроена*). Когда?

Б е р д. Сегодня.

Д и н а. Так сразу?

Б е р д. Заказ хороший подвернулся. Не могу отказаться.

Д и н а (*присев на стул напротив мужа*). А когда вернешься?

Б е р д. Через неделю.

Д и н а. А что я буду делать одна?

Б е р д. Что хочешь. Хоть в куклы играй. Только чтобы соседи не видели, а то точно скажут, на ребенке женился. А ты не ребенок, а чертенок. Да, Дина? Сладкая моя девочка. Пусть все болтают, что хотят. Моя девочка. Иди сюда.

Д и н а послушно садится на колени Б е р д а.

Б е р д. А ведь я мог бы жениться на девушке побогаче, из хорошей семьи.

Д и н а. Я не дала бы тебе на другой жениться! Хоть сирота я, но не из слабых, свое не упушу!

Б е р д. Ты посмотри на нее!

Д и н а. Ты же, как увидел меня на улице, сразу меня спросил, как меня зовут. Спросил имя – значит, понравилась тебе!

Б е р д. Конечно, понравилась. (*Притрагивается к ее носу, к губам.*) А что мне в тебе понравилось?

Д и н а. Не знаю.

Б е р д. Твой носик? Или твой ротик? А ты знаешь, что этот ротик должен говорить мне только правду?

Д и н а. А я всегда говорю правду.

Б е р д. Это хорошо. И никогда меня не обманывай.

Б е р д чуть резко выпускает Д и н у и встает из-за стола.

Когда вернусь – сам отвезу тебя к твоим племянникам. Конечно, ты поначалу будешь по ним скучать.

Б е р д одевается, достав джинсы и куртку. Д и н а внимательно следит за тем, что он надевает. На полу стоит его дорожная сумка. Б е р д закидывает в нее вещи, Д и н а достает их обратно и аккуратно укладывает.

Сам тебя отвезу! А им незачем сюда приходить, когда меня нет дома. А когда я дома, то вовсе не нужно. (*Поворачивается к Дине.*) Не привык я, чтобы чужие приходили.

Д и н а. Они и не смогут прийти, в такую даль, маленькие еще.

Б е р д. Тетя Лёля будет заходить, подскажет, что нужно. Будь умницей. Жди меня.

Д и н а. Я буду ждать! Главное, чтобы у тебя все было хорошо.

Д и н а провожает мужа, выходит вслед за ним.

Дом Б е р д а. День.

Д и н а ходит по недостроенному дому, осматривает комнаты. Нежно прикасаясь, перебирает одежду Б е р д а в шкафу. Берет в руки его подарок – коробку с куклами. Достает кукол и садится на пол. Играет, держа по кукле в каждой руке.

Д и н а (*двумя голосами, мужским и женским*).

– Вот мы и встретились.

– Я так ждал этой встречи! А ты?

– И я ждала!

– Ты меня любишь?

– Да! А ты меня?

– Я тебя тоже люблю!

– Тогда выходи за меня замуж!

– Хорошо!

– У нас будет свадьба?

– У нас будет свадьба!

Куклы в руках Д и н ы обнимаются, целуются. Вдруг кукла-мужчина срывает платье с куклы-женщины. Голую куклу Д и н а ставит перед одетой.

Д и н а (*женским голосом*). Ты хочешь узнать, какая я внутри?

С улицы доносится зовущий голос – кто-то зовет Д и н у. Она выглядывает в окно, выходит, возвращается с М а р и н о й.

Д и н а ведет её на кухню.

М а р и н а. Диночка, как ты? Я знаю, что Берд уехал в рейс. Ты же одна в доме?

Д и н а (*тихо*). Одна, тетя Марина. Будете ужинать?

М а р и н а. Нет, спасибо. Тетя твоя не знает, что я пришла. А я не могла не прийти. Ты же на моих глазах росла, школу скоро закончила бы, и вдруг – замуж.

Д и н а. Я вас понимаю, тетя Марина.

М а р и н а. Все понимаешь, никогда не жалуешься, красавица моя.

М а р и н а обнимает Д и н у.

Девочки из класса тебе поздравления передают.

Д и н а. Спасибо. Я вам очень благодарна за все. Вы одна меня любили, с детства.

М а р и н а. Любила и люблю. Когда твои родители умерли, я хотела тебя взять к себе. Но тетя твоя не отдала. Ей просто стыдно было перед родственниками дочку брата соседке отдавать на воспитание. Не сладко тебе пришлось с ней. Много работы в доме, а еды мало всегда.

Д и н а. Наверное, в доме для сирот было бы хуже.

М а р и н а. Я не ругаю твою тетю, просто у нее самой пятеро детей, а у меня ни одного. И ты помощницей стала, с трех лет. И по дому все делала, и с племянниками возилась, и хорошо училась. Не жалко школу бросать, Диночка?

Д и н а. Тетя Марина, так уже все, бросила я школу. Я же замуж вышла.

М а р и н а. Понятное дело, что на уроки ты ходить не будешь. Но я могу попросить директора, чтобы тебя к экзаменам допустили.

Д и н а. Не нужно, Берд не разрешит.

М а р и н а. Как же так?! Что он за человек такой?

Д и н а. Вам не понять.

М а р и н а. Упустила я тебя...

Д и н а. Вы за меня не переживайте, я справлюсь.

М а р и н а. Что с хозяйством справишься – не сомневаюсь. Но я шла сюда и не была уверена, откроешь ли ты мне дверь.

Д и н а. Да, Берд сказал никого не пускать.

М а р и н а. Моя девочка...

Д и н а (*уверенно*). А мне легче сразу по его правилам жить. Мы, наверное, не будем часто видеться, тетя Марина. Вы не обижайтесь, хорошо?

М а р и н а. Диночка, а если он обидит тебя?

Д и н а. Почему вы так плохо о нем думаете?

М а р и н а. Да потому, что странный он, сам по себе, ни к кому не ходит, и в дом никого не пускает.

Д и н а. Так ведь не бывает его дома! Рано же родителей потерял, один остался, вот и работает все время. А в дом гостей приглашать пока рано. Вот достроим – тогда и начнем всех приглашать.

М а р и н а. Диночка, ты как старушка рассуждаешь. А твои ровесницы влюбляются, с парнями встречаются, прежде чем замуж выйти... Ты же еще не знаешь, что такое любовь.

Д и н а. Берд меня в жены выбрал. Я помогать ему буду. И он меня полюбит.

М а р и н а. Пойду я, Дина. Дом красивый у вас, большой.

М а р и н а уходит. Д и н а провожает ее.

Дом Б е р д а. Кухня. Вечер.

Д и н а стоит у плиты, готовит. Слышен шум мотора. Д и н а подходит к окну.

Д и н а. Приехал...

Бежит встречать мужа.

Дом Б е р д а. Гостиная. Вечер.

Д и н а обнимает Б е р д а, радуется. Б е р д уставший, чем-то недовольный.

Дом Б е р д а. День.

Б е р д заглядывает в комнаты – ищет Д и н у.

Б е р д. Дина?.. Дина!

Б е р д поднимается по лестнице на второй этаж. Д и н а стоит на втором этаже и смотрит вдаль. Б е р д подходит к ней. Она вздрагивает от неожиданности.

Б е р д. Что ты здесь делаешь?

Д и н а. А я только что спускалась, тебя не было.

Б е р д. Спускалась? А на землю когда спустишься, Дина?

Д и н а. На землю?

Б е р д. Когда поймешь, что замуж вышла?

Д и н а. Так я поняла, сразу.

Б е р д. Тогда почему не слушаешься меня?! Я же сказал тебе: не зови никого, потерпи, пока я не приеду.

Д и н а. Просто соседка пришла. Она беспокоилась за меня.

Б е р д (*удивленно*). Соседка?! Дина, не надо меня обманывать. Если ты передумала, пока меня не было... Если ты передумала, то я отвезу тебя обратно. Сегодня же.

Д и н а. Не хочу никуда! Я ждала тебя, и думала о тебе, все время!

Б е р д. Тогда я не понимаю. Разве неделя – это так много, чтобы после свадьбы провести ее одной? Посидеть спокойно, представить себе, как дальше будет.

Д и н а. Так все и было! Я сидела, представляла!

Б е р д. Дина, я же не заставлял тебя, не привел силой сюда. Ты такая юная, я намного старше. Увидел один раз, познакомились. А потом, когда второй раз случайно встретились, я же спрашивал, есть ли у тебя мальчик? Спрашивал же?!

Д и н а. Да.

Б е р д. И ты сказала, что у тебя никого нет и не было!

Д и н а. Никого не было!

Б е р д. И ни с кем не встречалась?!

Д и н а. Ни с кем не встречалась, даже не общалась я ни с кем.

Б е р д. Если не встречалась, то почему сейчас с тобой ищут встречи?

Д и н а. Соседка пришла, на пять минут, и она больше не придет.

Б е р д. А соседка, скорее всего, потому и приходила, чтобы предупредить тебя о свидании. Следом и парень твой заявился. Так ведь было?!

Д и н а. Нет у меня парня! Приезжали девочки из класса. На машине. За рулем мальчик был. Мы у ворот постояли, я их даже в дом не позвала.

Б е р д. А почему сразу не рассказала мне об этом? Если бы не тетя Леля, я бы и не узнал! Я же говорил тебе не обманывать меня?!

Б е р д делает шаг к Д и н е. Носок его ботинка цепляется за что-то, он под грохот инструментов и строительных материалов падает, подвернув ногу. Д и н а бросается в его сторону, защищая его от удара падающих предметов.

Д и н а. Берд! Берд!

Дом Б е р да. Б е р д лежит на старом диване, нога забинтована. Рядом на стуле сидит Л и м о н. В комнату входит Д и н а.

Л и м о н. Ты везунчик! Отделался трещиной в ноге. А мог шею сломать или позвоночник!

Б е р д. И утешать ты умеешь, Лимон. Можешь ещё порадоваться, что в рейс выходить не смогу.

Лимон. А что?! Раз женился, хотя бы недельку надо было дома побыть. Думаю, теперь минимум полгода ты своей ногой на педаль давить не сможешь!

Б е р д. И не мечтай, через месяц жди! А пока и дома есть чем заняться, стройка у меня!

Л и м о н (*обращаясь к Дине*). Дина, следи, чтобы этот старик больше не падал. (*Смеется.*) Лимон говорит – Лимон знает!

Б е р д. Нашел тоже старика! Я и тебя, и твоих ровесников перепрыгну. (*Смотрит на Дину.*)

Вечер. Б е р д и Д и н а сидят на диване.

Б е р д. У меня крепкие кости. И реакция хорошая.

Д и н а (*улыбается*). Да, конечно!

Б е р д (*замечая синяк на шее Дины*). Это что на тебя так упало?

Д и н а. Пустяки. Мне совсем не больно. Я все-таки хочу рассказать, как было, а то тетя Лёля неправильно все поняла. Приехали, значит, три девочки и мальчик на машине. Они посигналили. Я вышла. Девочки подошли ко мне сразу, и мы обнимались. С мальчиком мы за руку поздоровались. Болтали минут пять. Мальчик сразу сел обратно в машину и ждал девочек... Я очень люблю воздушные шары. На выпускном вечере было много шариков. Мне три штучки привезли, подарили.

Б е р д. Шарики, девочки, мальчики... Детский сад какой-то! Вот реально, я сейчас чувствую себя стариком.

Д и н а. А говоришь, молодых перепрыгну!

Б е р д (*смеется*). А ты покажи, где твои ровесники? Перепрыгну и шею сверну, если нужно.

Д и н а (*улыбается*). Они больше не приедут...

Б е р д. И правильно! Отучилась уже! Прощай школа, здравствуй семейная жизнь! А шары я сам тебе куплю.

Д и н а. Здравствуй, семейная жизнь! (*Обнимает Берда.*) Я люблю синие шары!

Б е р д. Будут синие!

Д и н а и Б е р д улыбаются друг другу.

АКТ ВТОРОЙ

Прошло десять лет.

Дом Б е р да. Комнаты. Вечер.

Нижний этаж обжит, но дом еще не достроен. Видны следы стройки, отделочных работ. Д и н а смотрит в окно. Слышен шум мотора машины Б е р да – грузовик подъезжает. Д и н а выходит встречать мужа. Заходят в дом вместе. Дорожную сумку Б е р да несет Д и н а.

Д и н а. Ужинать будешь?

Б е р д. Поем потом. Сперва тебя...

Б е р д идет в спальню, Дина за ним. Слышны их голоса.

Д и н а. Ты же знаешь, ты же знаешь...

Б е р д. Не знаю, скажи.

Д и н а. Знаешь!

Б е р д. А ты скажи все равно...

Д и н а. Хочу!

Б е р д. Скажи, как ты хочешь!

Д и н а. Как я хочу?

Б е р д. Да...

Д и н а. Я хочу! *(Смеется и кричит.)*

Тот же вечер. Д и н а и Б е р д на кухне. Б е р д в нижнем белье, сидит за столом, ест. Д и н а в красивом домашнем халате.

Д и н а. Есть можно?

Б е р д *(ест с аппетитом)*. Можно.

Д и н а. Раньше я спрашивала: вкусно? А ты же всегда отвечаешь: «Есть можно».

Б е р д. Ты хорошо готовишь. Не хвалить же каждый раз? Не умела бы готовить – не проблема, с таким мужем, как я, научилась бы.

Д и н а. Да я и не помню уже, когда я что-то не умела.

Б е р д. Да? И с мужчиной так умела, как сейчас?

Д и н а. Нет. Но ты на то и мужчина, чтобы научить.

Б е р д. Ты думаешь, все могут, как я?

Д и н а. Наверное, не все...

Б е р д. Что значит – «наверное», «не все»?! Что ты знаешь о других мужчинах?

Д и н а, хитро шурясь, смотрит на мужа, улыбается.

Б е р д (*улыбаясь*). Ты не уйдешь от ответа. Скажи мне, что ты знаешь о мужчинах?

Д и н а. Что я знаю или о чем догадываюсь?

Б е р д. А какая разница? Если догадываешься, то откуда-то знаешь.

Д и н а. Я знаю тебя, а через тебя я знаю всех.

Б е р д. С чего ты решила, что я такой, как все?

Д и н а. Такой же, и не такой. Это не важно. Ты мой мужчина, и мне этого достаточно. Но иногда мне кажется, что твоя душа так глубоко запрятана, что ты сам про нее забыл.

Б е р д. Иногда просто моя жена умничает!

Д и н а. Боишься меня? Боишься, боишься! Я же одна в пустом доме, десять лет почти как. Никто не знает, что у меня на уме.

Б е р д. Ты лучше следи за собой, а то поедет у тебя крыша – в психушку сдам.

Д и н а. Ты серьезно? Значит, боишься!

Б е р д (*уловил желание Дины, переходит на интимный тон*). Хочешь еще? Еще хочешь? Я тебе покажу, кто кого должен бояться.

Д и н а (*тихо*). Кто любит – не боится...

Б е р д. Ты любишь меня?

Берд тянет Дину обратно в спальню, она смеется.

Дом Берда. Кухня. День.

За кухонным столом сидят Д и н а и т е т я Л е л я, чистенькая старушка среднего роста. Д и н а выглядит грустной. На столе разложены медицинские справки.

Д и н а. Тетя Леля, я еще раз прошла полное обследование. У меня все анализы хорошие.

Л е л я. Это хорошо, только сейчас врачам особо нельзя доверять.

Д и н а. В третий раз мне говорят, что я могу иметь детей. Раз так, Берду провериться бы тоже.

Л е л я. В роду у него не было бездетных! И сам он такой здоровый, видный мужчина. Не знаю, Диночка...

Д и н а. Я не говорю, что он не может иметь детей! Просто провериться бы. Уговорите его, тетя Леля! Я очень вас прошу.

Дом Берда. Гостиная. Вечер.

Работает телевизор.

В комнате Берд (смотрит телевизор) и Л е л я. Когда тетя начинает разговор, Б е р д убавляет звук телевизора.

Л е л я (*волнуясь*). Берд, племянничек мой. Я тебе что-то скажу, но ты не сердись.

Б е р д. Скажи, тетя Леля, ты же у меня главный информатор.

Л е л я. Нет, ты сперва обещай, что не рассердишься на меня.

Б е р д (*ухмыляется*). Обещаю.

Леля. Все равно я боюсь говорить...

Б е р д. Ну а когда я тебя обижал? Ты же одна у меня, единственная.

Л е л я. Да и ты у меня один, сына нету, только дочки. Вот я осторожничаю, вдруг рассердишься, отвернешься от меня и, когда помру, не похоронишь.

Б е р д. Ну вот опять. Помирать-то зачем?

Л е л я. Ты не знаешь, как это важно, чтобы тебя похоронили, как нужно. А без мужчины в доме похороны разве похороны?

Б е р д. Вот твой дом, тетя Леля, не для себя же одного строю. Если хочешь – живи с нами. Может, скажешь уже?

Л е л я. Обещай...

Б е р д (*без церемоний*). Обещаю, что не рассержусь и похороню, как надо! Говори уже! Что она опять натворила?

Л е л я (*начиная издаലെка*). Хорошая у тебя жена, Берд. И смирилась ведь, что одна тут сидит, никого не видит.

Б е р д (*насмешливо*). Как не видит? Тебя вот видит каждый день.

Л е л я. Карга я старая. Я ей, наверное, давно надоела. Все, что скажу, она наперед знает, все мои истории по сто раз слышала.

Б е р д. Я же ее устроил на почту. Она сама оттуда ушла.

Л е л я. Ты же знаешь, почему она ушла? После такого скандала она разве могла там работать?

Б е р д. Ты же сама мне и рассказала, что на почте творилось из-за нее. Мужики с подарками подкатывали.

Л е л я. Она помогать любит, вот и помогла одному инвалиду. Письмо для него грамотно составила, да кому надо отправила. И инвалиду списали все долги за газ. Он на радостях и принес Дине подарок. Как благодарный человек подарок принес, а не как ухажер. Инвалид же...

Б е р д. Во-первых, этот инвалид выглядит как мастер спорта, а вторых, не женат. Об этом я узнал тоже от тебя.

Л е л я (*качает головой*). И ты чуть не убил его.

Б е р д (*уже нервничает*). И убил бы!

Л е л я. Убил – посадили бы тебя! (*Делает паузу*.) А чтобы он свое заявление из полиции забрал, я все свои сбережения ему на лечение отдала.

Б е р д. Ты за что больше переживаешь? Что потратила деньги, припрятанные на свои похороны, или что невестка твоя с работы ушла и дома скучает?

Л е л я. Честно? И денег жалко, и Дину.

Б е р д (*уже смотрит на экран телевизора*). Ну, хотя бы честно.

Л е л я. Душа моя, по-хорошему, вам давно пора ребеночка... (*переходит на быструю речь*) Берд, сходи к врачу хоть один раз, проверься, Богом прошу.

Б е р д. Ты это хотела сказать мне?

Л е л я. Да...

Б е р д. А теперь меня послушай. Ты говоришь, как к сыну, ко мне относишься? А мать сыну верит. А ты кому веришь? Это я твой родной человек, а не она! Она тебе чужая!

Л е л я. Да я и не подумала...

Б е р д. И ты ее защищаешь. От кого ты ее защищаешь? От меня? Как будто я ей враг!

Л е л я. Берд, дорогой, я лишь хотела сказать, что, бывает, пролечись самую малость, и все, сразу ребеночек получается! Я же не говорю, что ты бездетный, а жена может родить.

Б е р д. Не говоришь? Но вот, сказала же!

Л е л я. Я прошу тебя. Я тебя очень прошу, мой дорогой, только не надо...

Б е р д. Чего ты боишься? Что не похороню?

Л е л я. Да... Нет! Боюсь, что ты на Дину подумаешь, что она мне пожаловалась. Клянусь, она мне не жаловалась. Я и так тут твои глаза и уши, а она меня столько лет терпит, прощает. Она мне ни слова не сказала про твоё здоровье!

Б е р д. Она и не скажет, потому что я здоров!

Л е л я. Ну вот и хорошо! Ты мой золотой. Значит, будут еще малыши.

Б е р д. Тетя Леля (*делает паузу*), у меня нет никаких проблем. Вот дом дострою – и все. Деньги приходят, дела хорошо идут! И дети будут!

Л е л я. Чтоб у тебя все дороги были открыты, чтобы все дела складывались! Молюсь за тебя, мой родной.

Дом Б е р д а. Кухня. День.

Б е р д *стоит на кухне у окна, он видит, как Д и н а во дворе собирает посуду со стола, за которым обедали рабочие. Б е р д нанял группу мастеров, они достраивают дом. Д и н а заходит в кухню с грязной посудой, начинает ее мыть. Не домыв, поворачивается к Б е р д у .*

Д и н а. Ты почему их прогнал?

Б е р д (*ухмыляется*). Тебе уже доложили?

Д и н а. Они попросились, поблагодарили за еду, за все...

Б е р д. За все? И за то, что ходишь перед ними, задом виляешь?

Д и н а. Не смешно!

Б е р д. А я не смеюсь! Ты хоть раз замечала, что мне весело, когда на мою жену смотрят таким похотливым взглядом?

Д и н а. Неправда, они на меня так не смотрят! Я тебя уже просила найти женскую бригаду, раз так ревнуешь!

Б е р д. Я не слепой. Этот молодой вот-вот готов тебя завалить, когда ты мимо проходишь.

Д и н а. Я во двор выхожу, только когда обед накрываю! Могла бы их и не кормить! Ты сам ведь этого требуешь!

Б е р д. В селе все кормят рабочих. Ты хочешь, чтобы обо мне говорили, что мне еды для людей жалко?

Д и н а. А то, что люди говорят, что мы дом не можем никак достроить, тебя не волнует? До меня строил, при мне десять лет уже строишь!

Б е р д. Такой дом мало у кого есть, пусть и недоконченный. И я дострою его.

Д и н а. Когда?!

Б е р д. Когда жена онемееет.

Дом Б е р да. Комната. Вечер.

Д и н а в доме одна, сумерки. В комнате полумрак, горит лампа у дивана. Д и н а вяжет, сидя на диване. Что-то почувствовав, смотрит в окно.

Стук в дверь. Д и н а включает свет. Разговаривают через закрытую дверь.

М о л о д о й м у ж ч и н а. Дина, я сегодня ключи потерял. Не нахожу нигде. Открой, пожалуйста. Там поищу.

Д и н а. Здесь нет никаких твоих ключей, вы сюда вообще не заходили.

М о л о д о й м у ж ч и н а. Да, точно. Может, я наверху уронил? Мы же там переодевались. Можно я там посмотрю?

Не дожидаясь разрешения, парень по внешней лестнице поднимается на второй этаж. Слышны его шаги наверху. По внутренней лестнице – она уже построена – спускается вниз и идет в комнату к Дине.

Д и н а. Сейчас же уходи!

М о л о д о й м у ж ч и н а. Дина, я знаю, что Берд уехал.

Д и н а. Он часто уезжает. Но сюда никто, кроме него, не заходит. Он убьет тебя за это. Ты знаешь.

М о л о д о й м у ж ч и н а. Прошу тебя, дай мне сказать. Просто послушай меня. Дай мне тебя защитить. Он не стоит тебя, он тебя не ценит..

Д и н а. Уходи!

Д и н а хочет открыть дверь, выбежать на улицу, но парень не дает ей этого сделать.

М о л о д о й м у ж ч и н а. Дина, я люблю тебя. Я не могу без тебя...

Мужчина хватается Д и н у в объятия.

Д и н а. Нет! Отпусти! Нет!

Мужчина целует ее. В момент поцелуя Д и н а слабеет, теряет контроль над собой, как и он. Д и н а, опомнившись, вырывается из рук мужчины, бежит на кухню и хватается за нож. Мужчина бежит вслед за ней. На пороге появляется Б е р д. Он быстрым шагом проходит на кухню.

Б е р д. Думал, я далеко?

Парень в ужасе смотрит на них. Б е р д первым наносит удар кулаком в грудь парню, тот отвечает ему ударом, валит с ног; Берд, ударившись головой, лежит, не может встать. Молодой мужчина уходит.

М о л о д о й м у ж ч и н а (Дине). А ты сильная. Такая ты мне еще больше нравишься.

Дом Берда. Комната. День.

На диване, на кресле разложены вязаные изделия, Д и н а держит лист бумаги в руке, сверяя со списком заказов, раскладывает изделия по коробкам. Лея сидит рядом и наблюдает.

Л е л я. Диночка, как же ты хорошо вяжешь. Каждый раз думаю – лучше некуда, еще лучше связать невозможно, а у тебя все красивее и красивее получается. И заказы только растут. Дочка говорит: мама, это что-то нереальное, столько заказов! Из разных городов! Хорошо, что ты дочку взяла в свой этот... бизнес! Она тоже шустрая, все быстро отправляет по почте.

Д и н а. Раз спрос есть, надо вязать.

Л е л я. И сама научилась, умница.

Д и н а. Шила, вышивала, но не вязала раньше. А теперь вот, вяжу. Тетя Лея. Там один заказ был на десять платков. А деньги пришли только за девять.

Л е л я. Даже не знаю, как это получилось, Диночка. Мы с дочкой тебя не обманываем, ты это знаешь. Она очень даже довольна, что может подзаработать. Заказы отправляет, свой процент получает. Все ясно.

Д и н а. Конечно, она все аккуратно делает, и вовремя. А то мне же нельзя никуда, ни на почту, ни в город, ни в магазин даже лишний раз...

Л е л я. Диночка, ты меня прости, что я тогда Берду рассказала про твою помощь этому бедному инвалиду...

Д и н а. Тетя Леля, так вы не только про помощь мою рассказали, а еще про его скромный подарок за эту помощь.

Л е л я. Да, про подарок. Бедный, как его Берд избил. Я думала, не выживет, но хорошее лечение ему помогло. Кажется, ему даже на пользу пошло, что его побили, а то бы он никогда в такую хорошую больницу не попал!

Д и н а. Я на вас не сержусь никогда. Не потому, что дурочка и все прощаю. Мне же с вами работать (*улыбается*). Других партнеров по бизнесу у меня нет, так ведь, тетя Леля? А про деньги на лечение бедного инвалида, хорошо, что Берду сказали, что вы свои потратили.

Л е л я. Так я считаю, что у женщины должны быть свои деньги, от мужа припрятанные. Если бы я сказала, сколько у тебя нашлось для этого бедолаги, он понял бы, сколько ты получаешь за свои заказы!

Д и н а. Да, пусть пока не знает. Это единственное, о чем я вас прошу ему не говорить. Хочу сюрприз ему сделать, машину ему купить, когда дом, наконец, закончим.

Л е л я. Про это я смогу молчать, обещаю!

Д и н а. Тетя Леля, вы одна у нас доверенное лицо, одна для двоих, и Берд одной вам верит.

Л е л я. Диночка, да мне он как родной сам! И к тебе я привыкла. Как будто всю жизнь ты жила в этом доме. Очень хочу, чтобы вы с Бердом были счастливы.

Д и н а. А я счастлива, я ведь нужна ему...

Раннее утро.

Д и н а в доме одна. Она на диване с вязанием в руках. За окном на улице – рассвет. Поют петухи. Слышен шум мотора. Дина откладывает вязание рядом с собой на диван, выходит встречать мужа. Возвращается с дорожной сумкой Б е р д а. Слышен голос Б е р д а – он кричит ей со двора.

Голос Б е р д а. Подожди, посмотри, что я тебе привез!

Д и н а (*про себя*). Видела я, какой ты подарок мне сделал... Я тебя всю ночь ждала, а ты с проститутками был. Весь салон загадили. Сам будешь чистить, не притронусь я.

Голос Берда (*кричит*). Кузов открой, я сказал!

Д и н а расстроена, но готова снова выйти к мужу. Однако он сам появляется на пороге, небритый, в помятой одежде, с синим воздушным шариком в руке, еле держится на ногах.

Б е р д. С днем рождения, Дина! У тебя день рождения сегодня

или уже был вчера? Это тебе! Целый кузов привез, разлетелись, гады!
(Протягивает жене шарик.)

Д и н а смотрит на шар со слезами на глазах.

Д и н а. Мне бы тоже с ними в небо, далеко отсюда...

Дом Б е р да. Спальня. День.

Б е р д лежит в постели, храпит. *Д и н а* в тонком халате сидит рядом, на ее шее дорогое колье. *Д и н а* тихо встает. *Б е р д* резко просыпается.

Б е р д. Куда пошла?

Д и н а. Ой, куда только я не пошла. И туда ходила, и сюда ходила. Колье красивое, дорогое. Погуляла в нем по кухне, по залу, теперь по второму этажу пройдуся.

Б е р д. Тебе оно нравится или нет?

Д и н а. Нравится! Ты молодец, украшения – это хорошее вложение. Ты правильно рассчитал.

Б е р д. Да, я все рассчитал. Хотя вчера не рассчитал, голова болит. Все из-за тебя. Отмечали с друзьями твой день рождения.

Д и н а. А еще с кем?

Б е р д. Нашел одну. Красивая была, сволочь.

Д и н а. И что ты с этой красивой делал?

Б е р д. А ты как думаешь? Зря ей деньги заплатил?!

Д и н а. Думаю, у тебя с ней, такой красивой, не получилось.

Б е р д меняется в лице.

Б е р д. Ты что болтаешь? Думаешь, ты лучше всех?

Д и н а. Знаю, что только со мной у тебя получается.

Б е р д. Наверное, мне доступные женщины уже не нужны просто. Значит, буду искать недоступных. Молодых...

Д и н а. Тебе лучше этого не делать.

Б е р д. Ты мне приказываешь, что делать?

Д и н а. Я просто предупреждаю, что нельзя тебе через меня переступить. Уже нельзя. Понимаешь?

Б е р д. Я мужчина! Могу и переступить!

Д и н а срывает с себя колье, кидает в сторону мужа. *Б е р д*, подбирает колье, кладет его в коробочку, выходит из спальни.

Д и н а (сама себе и вслед мужу). Ты думаешь, все, что можно трогать,

щупать, разломать – все должно быть понятно. Если твое, то только твое. Руль повернул влево – трасса, повернул вправо – открылась другая. Меня повернул, на колени поставил, развернул, на спину положил... Вся твоя, внутри меня – ты, в моих мыслях ты, никого нет, кроме тебя. Но тебе тревожно, все время тебе тревожно. Подвоха ждешь, обмана ждешь, там, где прозрачно, муть одну видишь. Перед тобой стою, какая есть, а ты разломать меня хочешь, посмотреть, что внутри, что не так. Ты хочешь меня знать всю. А я столько лет говорю с тобой, о себе говорю, о себе молчу. Я открыта для тебя, но я не могу показать своего дна, дна нет! Ведь я сама себя не знаю! Каждый день что-то меняется, хотя вроде бы ничего не происходит.

Ты меня закрыл одну, в пустом доме закрыл. Чтобы я никому не доставалась, ни с кем не соприкасалась. Только твоя, только ты прикасаться должен! Ты меня закрыл, а внутри меня открывается. Не в голове, не в животе, не в груди... Там, внутри, в тумане пропасть открывается! И я падаю туда, и я уже не я, там, где нет любви...

Дом Б е р д а. Комната. День.

Наверху работают женщины-маляры. Одна выравнивает стену, вторая красит.

Д и н а в комнате на первом этаже вяжет, сидя на диване. Все двери в доме открыты, Д и н а слышит разговор женщин.

П е р в а я ж е н щ и н а. Не скоро мы тут управимся.

В т о р а я ж е н щ и н а. Да, и переделывать много.

П е р в а я ж е н щ и н а. Вот странная пара, да? Зачем им вдвоем такой большой дом? Да еще мужик этот редко дома бывает.

В т о р а я ж е н щ и н а. Зато эти двое, когда вместе, дни напролет кувыркаются. То тут, понимаешь, то там. Им везде тесно. И не смотрят, что в доме чужие...

П е р в а я ж е н щ и н а. А ты подсматриваешь, оказывается.

В т о р а я ж е н щ и н а. А то они будто скрываются?!

П е р в а я ж е н щ и н а. Завидуешь, небось! (Смеется.)

В т о р а я ж е н щ и н а. Я тебе покажу, кто завидует! (Макнув в раствор валик, брызгает на свою напарницу. Кричат, смеются.)

Дом. Вечер.

Б е р д на втором этаже, женщины ушли, оставили инструменты – работу еще не закончили. Он с недовольным выражением лица, ходит, осматривает проделанную работу. Под ноги ему попадает малярный валик, Б е р д отпихивает его ногой. Спускается по лестнице на первый этаж. Д и н а сидит в кресле, вяжет. К ней подходит Берд, нервный, размахивает руками. Рукой показывает наверх.

Б е р д. Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты проверяла стены и углы?! Все углы кривые!

Д и н а (*отрывает глаза от вязания, смотрит на мужа*). Я смотрела, ровно же.

Б е р д. По-твоему, у меня глаза кривые? Завтра как придут, пусть переделают! Иначе не заплачу.

Дина (*откладывает вязание в сторону*). Эти переделывают то, что предыдущие делали. Я все проверила и приняла работу. Как я завтра скажу, что работа плохая? За ночь все испортилось, что ли?

Б е р д. Если хотят, чтобы я им заплатил – сделают как надо. Не выводи меня, а то они ничего не получают, даже после переделки.

День.

Д и н а *открывает старый сундук, достает коробочку с деньгами, отсчитывает сумму, остальное прячет обратно. Достает кукол. Задумчиво рассматривает их. Кладет их обратно.*

День.

Д и н а *открывает дверь, впускает П е р в у ю ж е н щ и н у – маляра. Пересчитывает деньги и протягивает ей.*

П е р в а я ж е н щ и н а. Спасибо вам большое. Если не вы, не видать бы нам своих денег.

Д и н а. Берд не знает, что я вам заплатила.

Женщина (*пересчитывает деньги*). Он не узнает! Мы не скажем, что вы заплатили! Но вдруг передумал бы и позвонил, я и у него взяла бы деньги! Шучу, конечно, вы с нами расплатились, как мы и договаривались. Но ваш муж такой придиричивый и скупой, грех у него что-то не забрать.

Женщина прячет деньги в сумку.

Д и н а. Обсуждать с вами мужа я не собираюсь.

Ж е н щ и н а. Извините, просто вы такие разные...

Д и н а. Просто я не хочу, чтобы вы по-плохому вспоминали наш дом, вот и все.

Ж е н щ и н а. Наш ваш дом... Спасибо и на том!

Утро.

Грузчики заносят в дом новую мебель.

Б е р д *внимательно следит за тем, чтобы они не задели углы, стены, не оставили царапин.*

День.

В доме Берд, Дина и Леля. Дина суетится, готовит угощение для гостей, вытирает посуду. Она то поднимается на второй этаж, накрывает там стол, то спускается вниз, на кухню. Тетя Леля сидит на кухне, за столом. Берд на втором этаже, смотрит вдаль, держит в руках телефон.

Леля. Диночка, я вот о чем думаю, а кто придет? Кого вы позвали? Дина. Всех приглашал Берд. Он и друзьям своим сказал, и кого-то из родни пригласил.

Леля. Вот и я об этой родне. Родня-то она, какая? Если ты сам не ходил на свадьбы да на похороны, они к тебе не придут. Ты им вчера отнес подарки – сегодня они – тебе. А так никто денег в воздух не бросает.

Дина. Тетя Леля, а в воду?

Леля. В какую воду?

Дина. Говорят же: сделай добро да брось в воду. Пословица такая есть.

Леля. Люди нынче не пословицам живут, а по поговоркам. Например: «Ты – мне, я – тебе».

Слышен голос Берда, он говорит по телефону.

Берд. Короче, вы не придете! Просто скажи, как есть! Не нужны мне твои оправдания!

Женщины, замерев, слушают. Берд сам делает следующий звонок.

Вы придете? Нет, значит...

Берд спускается по лестнице, идет на кухню к Дине и Леле.

Берд (Дине). Ты видела, как там шкаф стоит? Стена горбатая, шкаф стоит не ровно!

Дина (усталым, равнодушным голосом). Видела. Ровно стоит шкаф.

Берд. Это ты настояла, чтобы женщины доделали второй этаж! И как они сделали? Все криво!

Леля. Ну, прямо мой муж, точно так же и ругал меня, все криво ему было, все не так.

Берд (бросает взгляд на старушку). Что?

Дина. Они все исправили, все выровняли.

Берд. По-твоему, я выдумываю, да?!

Леля. Я пойду, поздно уже.

Дина. Тетя Леля, может, он, наконец, при вас скажет, когда он закончит свой дом.

Б е р д. Да, это мой дом! И я должен быть доволен, как он сделан!
Д и н а (*Берду*). Ты просто думаешь, что раз они не получили деньги, то недоделали!

Л е л я. Пусть меня простят наши предки, что назову по именам тех, чьи имена снохи не произносят. У Дербы, прадеда Берда, было два сына – Нану и Машут. Нану совсем юным ушел на войну и не вернулся, детей не оставил и сам без вести пропал.

Б е р д (*Дине*). Я не понял, что ты сейчас сказала?

Л е л я. У Машута было пятеро детей, три дочки и два сына. Кармыт – муж мой, и Ляша – отец Берда. Два брата.

Д и н а (*Берду*). Я сказала, что стены ровные!

Л е л я. Кармыт всю жизнь меня упрекал, что сына ему не родила. А радости сколько было, когда у его брата Ляши сын родился – Берд наш! (*Смотрит на племянника.*) А какой крепыш ты был с детства! Я так завидовала твоей маме! Думала часто – отдала бы двух своих дочерей в обмен на такого мальчугана.

Б е р д (*Дине*). Думаешь, я не знаю, что ты им доплатила? Дура ты, раз за такую работу доплатила!

Л е л я. Дочки что? Замуж вышли – и все. Двор наш опустел ведь. Считай, я не дала роду продолжения.

Б е р д. Тетя Леля, идите уже домой!

Д и н а. Не надо на ней срываться!

Б е р д (*Дине*). А я еще не срывался!

Л е л я. А ведь почему не ладите? Давно вам пора детей завести. Хоть одного ребеночка.

Б е р д (*Дине*). Вот как! Вот что вы дни напролет обсуждаете, вините меня в своей бездетности. Одна сына не смогла родить, другая ни разу не забеременела за десять лет.

Д и н а. Не смей так про нее! Она тебе предана, всей душой!

Б е р д (*Дине*). А ты, ты кому предана?

Д и н а. Кому я могу быть предана? Здесь других людей, кроме тебя, нет!

Л е л я (*отрешенно, про себя*). Если у вас не родится мальчик, то ветка рода на Берде обрывается.

Берд и Дина замолкают и смотрят на старушку – Леля озвучила причину мучительной боли пары.

Л е л я. Хотя в вашем случае, какая разница – хоть мальчик, хоть девочка. Лишь бы здоровенький был ребеночек-то.

Б е р д. Тетя Леля, замолчите!

Д и н а. И я буду молчать. Мне уже все равно, кривые так кривые стены. Все равно их никто не видит.

Б е р д. А ну пошли наверх!

Берд берет Дину за локоть, тащит ее по лестнице наверх, Леля идет за ними, цепляется за Берда, хочет идти с ними наверх.

Б е р д (Дине). Радуетесь, что никто не пришел?!
Д и н а. Что ты выдумываешь?! Отпусти меня!
Л е л я. Берд, мальчик мой, как же ты переживаешь за дом...

Леля пытается взять племянника под руку – тот не дает. Она балансирует на краю ступени, но продолжает.

Л е л я. Зачем ты ее тащишь наверх, когда все проблемы у вас внизу?
Б е р д (уже не выдерживая услышанных слов). Уйди ты, наконец, отсюда!

*Берд отталкивает от себя тетю Лелю и та падает вниз.
Леля лежит без движения, Дина быстро спускается вниз, наклоняется над старушкой, трогает ее.*

Д и н а. Тетя Леля...
Б е р д. Помоги ей! Я сейчас «скорую» вызову!
Д и н а. Она умерла...

Берд встает на колени, осторожно касается головы бабушки.

Б е р д. Тетя Леля, как же так? Моя родная. Единственная моя... Я убил тебя... (Плачет.)
Д и н а (обнимает мужа). Ты не убивал. Ты никого не убивал.

*Дом Берда. Комнаты. День.
Похороны тети Лели. Женщины, как принято, находятся в доме, мужчины во дворе, их не видно. Лица женщин тоже не видно, они, как тени, стоят, не двигаются, разговаривают шепотом.*

П е р в ы й г о л о с. Леля, бедная, всю жизнь мечтала, чтобы ее племянник достойно похоронил. Вот и похоронил. Все как нужно сделал. Жаль, что вместо новоселья в новом доме похороны прошли.

В т о р о й г о л о с. Берд, наконец, достроил дом. Откуда ни глянь – он в глаза бросается. Большой такой, красивый.

Т р е т ь и й г о л о с. И жена красивая, только бездетная.

П е р в ы й г о л о с. Несчастные они...

Двор дома. День.

(на авансцене – Берд и Старший мужчина)

Мужчина пожимает руку Берду – соболезнует.

Мужчина. Леля к тебе, как к сыну, относилась. И ты сделал все так, как она просила. Пусть воздастся тебе, Берд.

Берд кивает опущенной головой.

Мужчина. Давно хотел с тобой поговорить, только ты к нам не приходишь, и сам к себе не зовешь. Хоть и родня мы тебе, особняком держишься.

Берд. Тому причина есть. Вы с отцом моим не дружили, потому что он беден был.

Мужчина. Ты о чем?! Не в моих правилах из родни выбирать богатых.

Берд. Это в общих правилах. А я уже не принимаю ваши правила. Никакие.

Мужчина *(искренне сочувствуя)*. Ты зря так, Берд. Ведь мои сыновья искали дружбы с тобой.

Берд *(усмехаясь)*. Один раз приходили ко мне. Может, мне с песней их надо было встречать? Дерево в их честь посадить?

Мужчина. Нет, моим сыновьям ничего такого не нужно. Но посмотришь на тебя и невольно подумаешь, что мы всем родом должны в твою честь и деревья сажать, и песни петь.

Берд. Нету у вас прав что-то требовать от меня. Мне ни род, ни село не помогали, сам на ноги встал, и живу, как хочу.

Мужчина. Никто так себя не ведет, как ты. Ты же в селе живешь, а с людьми не здороваешься даже.

Берд. Говорят же: новое время – новые правила.

Мужчина. Ты глух и слеп, Берд. Да простит нас Всевышний, что мы допустили такое с одним из нас...

У ворот дома Берда. Вечер.

На авансцене – Лимони двое незнакомых мужчин. К ним выходит Дина.

Дина. Что случилось?

Лимони. Они потребовали, чтобы я показал им ваш дом. Я тут ни при чем.

Первый мужчина. Позвони и скажи своему мужу, чтобы он нам все вернул!

Второй мужчина. Если ты хочешь, чтобы он остался жив.

Д и н а (Лимону). Что происходит? Где Берд? Что с ним?
Л и м о н. Берд им сказал – делайте, что хотите, это мои деньги!
Он кинул их! Понимаешь?! Кинул! Я тут вообще ни при чем!
Д и н а. Сколько денег он вам должен?
П е р в ы й м у ж ч и н а. Много! И мы выжмем из него все!
Д и н а. Не трогайте Берда! Я вам отдам все, что у меня... что у нас есть!
В т о р о й м у ж ч и н а. Мы его не держим. Пусть вернет чужое. И вернет немедленно. Не вернет – не жить ему.

Д и н а бегом возвращается в дом, достает из сундука свои деньги. В руки ей попадают куклы – она их бросает на пол. В комнате достает из шкапулки свои украшения. Выносит все это незнакомцам и вручает.

П е р в ы й м у ж ч и н а (забирая деньги и ценности). Этого не хватит, но я возьму. Пусть твой муж сегодня еще побегаёт. До завтра ему время даем. Пусть тебя за это благодарит.

*Мужчины уходят, Д и н а заходит обратно в дом.
Возвращается Б е р д, нервный, взмокший. Дина выбегает к нему навстречу, он не замечает ее, забегаёт в комнату.
Он из-под дивана достает ружье.*

Д и н а. Берд, что случилось? Что происходит?
Б е р д. Уйди!
Д и н а. Ты можешь сказать, что происходит? Я же вижу...
Б е р д. Что ты видишь? Что ты видишь вообще дальше своего носа?
Д и н а. Я не про себя сейчас. Я про твои дела.
Б е р д. Мои дела точно тебя не касаются!
Д и н а. У тебя враги завелись. Они приходили сюда!
Б е р д. Что? Сюда?! Нашли с кем говорить! С женщиной!
Д и н а. Берд, подожди, не уходи так. Не отказывайся от помощи!
Б е р д. Когда мне кто-то помогал?!
Д и н а. Бывало и помогали, просто ты старался этого не замечать.
Б е р д (останавливается). Что?! Кто мне помогал? Ты, что ли?
Д и н а. Ты так и не научился доверять никому. Даже мне.
Б е р д (отодвигает Дину в сторону). Что ты возомнила о себе? Ты забыла, что ты никто? И звать тебя никак!
Д и н а. А ты бы дал мне имя! И ребенка бы дал! Как все мужчины, женам имена дают, и по несколько детей! Оставил меня одну. Тетя твоя знала, какой ты жестокий.
Б е р д. Некому на меня пожаловаться? Тогда не надо было Лелю убивать!

Д и н а. Что? Ты... (*в ужасе от слов Берда пятится назад*). Я скрыла от всех, что ты сделал. А ты... Нет, ты не можешь меня винить в ее смерти.

Б е р д. Могу. Будешь мешать мне, и не такое смогу. И я сам разберусь со своими делами!

Держит в руках ружье.

Они сюда не зайдут! Попытаются – убью всех! Закрой ворота и не открывай, пока не вернусь!

Б е р д выходит, вслед за ним машинально выбегает Д и н а. Закрыв невидимые ворота, она остается одна.

Д и н а (*обращаясь в никуда, глухим тихим голосом*). Ты опять меня здесь оставил. Ты... кого здесь сейчас оставил? Что ты со мною сделал, Б е р д? Что же ты сделал...

Дом.

Дина стоит у окна на втором этаже. Слышен знакомый шум мотора грузовика Берда. Затем он подает сигнал. Д и н а не трогается с места. Дина поворачивается лицом к зрителям. Свет гаснет и включается снова, освещая авансцену. Перед невидимыми воротами стоит Берд.

Б е р д. Дина, открой! Впусти меня! Они гонятся за мной! Дина! Впусти меня в мой дом! (*тихо*) В наш дом...

Б е р д падает на колени перед силуэтом дома. Раздается шум автомобиля. Появляются мужчины, которые забрали деньги и украшения Д и н ы. Они подходят к Б е р д у, избивают его, хватают и тащат прочь. Мужчины исчезают.

Свет выхватывает лицо Д и н ы – она все видела.

Финал

*К 80-летию депортации
балкарского народа*

Три посвящения Кязиму Мечиеву (1859-1945)

РОДНИК ПОЭЗИИ

Как рана гор, твоих стихов родник
В себе хранит народа боль былую.
Встав на колени, к роднику приник,
Нет, я не пью, а плачу и целую...

СУДЬБА

Ты проклинал насилие стократ
И был всегда с родным народом рядом.
Судьба слепа... Ты умер, наш Сократ:
Боль ностальгии горше кубка с ядом.

БЕССМЕРТЬЕ

Куёт стихи хромой кузнец Кязим
И, как скала, глядит на нас живым.
Любя до слёз улыбку и морщины,
Я, кланяясь, иду к святой вершине.

1974

ПАМЯТИ КЕРИМА ОТАРОВА

В народе – бессмертье поэта,
Бессмертен народный поэт.
Известна всем истина эта,
Но в ней утешения нет.

Остался в сердцах не иначе:
Задумчивым, добрым, живым.

Для горцев ты многое значил,
Как мудрый учитель Кязим.

Воспел и Баксанские воды,
И годы, что были лихи.
Мечтой о весне и свободе
Твои согревали стихи.

Был ранен жестокой войною,
Сражаясь за счастье земли.
С обидой и болью двойною
Сжимал, как перо, костыли.

Вела на чужбину дорога –
Ударил насилия гром.
Восстал против ложного бога,
Борясь не штыком, а пером.

Вернулся народ невиновный
Из ссылки в родные края
И стал обживать в гнездовьях –
Заслуга в том есть и твоя.

С поющим Кайсыном прославил
Седую Балкарию – мать.
Воспел ты Эльбрус величавый,
Сумев, как орёл, клекотать.

Поведал правдивую повесть
О жизни, какой она есть,
Народа балкарского совесть,
Народа балкарского честь!

Промчатся крылатые годы,
Но вспомнят, гордясь и любя,
И горцы, и реки, и горы –
Никто не забудет тебя.

Со временем светлое имя
В сказанья о нартах войдёт,
О славном поэте Кериме
Споёт свои песни народ...

А осень приносит прощально
Звонящий букет золотой
И слёзы роняет печально,
Как дочь, над могилой святой.

1974

ПЕСНЯ О КАЙСЫНЕ

*Жанне Кулиевой,
дочери поэта*

Познав, как сын,
Язык живой природы,
Слагал Кайсын
Ей песни, гимны, оды.

Он пел о ней
С любовью пантеиста, –
Как соловей,
Как водопад и листья.

И был любим:
Деревья, реки, травы
Общались с ним
По-горски величаво.

Орлиный взгляд
Немало видел горя.
Войну и ад
Прошел, со смертью споря.

Ему пришлось
Изведать соль чужбины,
Любя до слёз
Балкарских гор вершины.

Поэт стихом
Лечил родные камни,
Омыв дождём
Их боль, тоску и раны.

Душой внимал
Теплу земли и хлеба
И понимал
Молчанье гор и неба.

Родством могуч
Певец снегов Чегема:
Взяв солнца луч,
Ковал стихи, поэмы.

Воспел пером
Красу родного края,
Но грянул гром –
Замолкла песнь земная...

Ушёл Кайсын...
Осиротев, природа
Дождём косым
Рыдает в непогоду.

Он камнем стал,
Уйдя в страну покоя.
Сын снежных скал
Глядит на мир с тоскою.

Поэт, молясь,
Поёт кизил и розы.
И верит в связь:
Земля, зерно и звёзды.

В своих стихах
Кайсын к друзьям вернулся:
Земля – в цветах,
И солнце – над Эльбрусом.

Он жизнь обрёл
В веках, он рядом с нами...
Парит орёл
В горах, взмахнув крылами.

2005

КРЫЛАТЫЙ ГОРЕЦ¹

Адильгерия Соттаеву

*Смерть за счастье народа,
за истину означает бессмертие.*

А. Х. Соттаев

Воспитали старцы
И простой народ:
Каждый из балкарцев,
Как орёл, живёт.

Зла исчадьё, Сталин
В предпобедный год
Выслал, словно стадо,
Без вины народ.

¹ За своё открытое и откровенное письмо Сталину (1946 г.) балкарский ссыльный А. Х. Соттаев (1910-1979), пришедший с фронта в звании гвардии капитана и с наградами, был приговорён Фрунзенским областным судом Киргизской ССР 14 апреля 1950 г. к 25 годам каторги, которую отбывал в Верхоянске (Якутия). Однако 11 октября 1954 г., после смерти жестокого диктатора Сталина, ставшего «отчимом» депортированных им народов, освобождён решением Верховного Суда СССР «за необоснованностью обвинения». С 1957 г. Адильгерий Соттаев вернулся со своим незаконно высланным народом в Нальчик, где активно и плодотворно работал во имя Отчизны. Он действительно заслужил свое бессмертие. Долгое время «крылатого горца» местная власть и интеллигенция почему-то замалчивали, но народы КБР всегда чтили его, как видного спортсмена, крупного учёного, педагога, поэта, прозаика, общественного деятеля и прекрасного человека.

В литературной и политической истории Балкарии Адильгерий Соттаев, совершив свой великий подвиг, стал для многих горцев, в том числе и для меня, путеводной звездой. Многогранная жизнь и творчество А. Х. Соттаева (1910-1979) освещены в талантливой книге Асият Додуевой (2019). Следует заметить, монографическая работа А. Т. Додуевой заложила краеугольный камень в изучении легендарной личности А. Х. Соттаева, явившегося при жизни признанной вершиной в истории и культуре балкарского народа. Как профессиональный историк, не могу не сказать, что учёный труд Асият Додуевой – это настоящий научный подвиг, достойный самого высокого признания со стороны властей и читателей нашей республики.

Ты, любя отчизну,
Против зла восстал
И вознёсся в жизни
Выше снежных скал.

2009

ЗАПОЛЯРЬЕ

Заполярье, Заполярье,
Воет ветер воем волчьим.
Заполярье, Заполярье
Обернулось вечной ночью.

Край забытый и тревожный
Плачет-стонет вьюгой злою.
Заполярье, мы так схожи
И душою, и судьбою.

Сердце стало твёрже камня,
Принимая жребий тяжкий.
Ах, как трудно старой маме,
Как помочь моей бедняжке?

Ах, отец, что плачут детки,
Пасынки чужой пустыни?
Бьюсь орлицей в чёрной клетке,
От бессилья сердце стынет.

Заполярье, Заполярье,
Ломит кости лютый холод.
Заполярье, Заполярье,
Ты – советской власти молот.

Край несчастный и опальный,
Что не спится в непогоду?
Заполярье, ты – печальный
Лик балкарского народа.

2011

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ
ИЛИ ОГОНЬ И СВЕТ БАЛКАРИИ ¹

Кязиму Мечиеву

Народ балкарский, делая намаз,
Хранит в душе его святое имя.
И доброте, и мудрости учась,
Читает, как Коран, стихи Кязима.

Поэт в горах, чья нартова душа
Несёт планете Прометея силу,
Огнём любви и верою дыша,
Парит, как солнце, над Россией!

2014

ТРАГЕДИЯ ДЕПОРТАЦИИ

Чингизу Айтматову

О сколько их, погибших на чужбине,
Лежат в земле, далёкой и сырой?
А сталинисты ходят и поныне,
Служа властям безмозглой головой.

Народы не забудут боль изгнания
И воспоют того, кто был герой!
Пусть для манкуртов станет наказаньем
Услышать суд потомков над собой.

2016

¹ Перевод с балкарского языка стихотворения Ф. С. Атмырзаевой (1918-2010). Будучи переселенкой, она по ложному доносу (1950) была приговорена к 25 годам каторжных работ в Заполярье. В период «хрущёвской оттепели» вместе с реабилитированным народом вернулась на древнюю землю предков. Долгое время работала учительницей в с. Кёнделен.

ХАДЖ К МОГИЛЕ КЯЗИМА

Прихожу поклониться тебе,
Завершая в Долинске свой хадж.
Ты – поэт, что ниспослан с небес,
И кузнец, и мудрец, и мираж.

Ты стихи и подковы ковал
Среди скал, как Дебет Золотой,
За народ и за правду вставал
Безенгийской великой стеной!

Яд изгнания испил аксакал
С невинным народом своим.
Ты в голодной степи умирал
От тоски по горам снеговым.

На чужбине оставшийся прах
Привезли горцы в трудные дни.
Им помог всемогущий Аллах,
Чтобы вместе молились они.

Ты воскрес и нам веру принёс!..
Строят горцы, как крепость, свой дом,
Чтобы жить без страданий и слёз,
Согреваясь кузнечным теплом!

Из Музея доносится плач
Матерей, стариков и детей.
Красный Фук гонит их, как палач,
Разлучая с отчизной своей.

Над могилой играет свирель,
Вспоминая о горе былом.
И скорбит рядом горная ель,
И парит солнце в небе орлом.

В изголовье стоят три сосны,
Охраняя пророка покой.
Словно нарты, застыли они
У могилы святой.

2016

Шарданов Анатолий Назирович – начальник Музыкального кадетского корпуса Северо-Кавказского государственного института искусств, председатель общественной организации «Совет ветеранов комсомола Кабардино-Балкарской Республики», заслуженный работник образования КБР, отличник профессионально-технического образования Российской Федерации, кандидат философских наук.

Публиковался в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» (ЛКБ № 4, 2001 г.; № 5, 2013 г.; № 2, 2014 г.; №№ 1, 5, 2015 г.; №№ 1, 3, 2017 г.). Призер ежегодного Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы-2019».

В 2022 г. в издательстве М. и В. Котляровых – вышла книга А. Н. Шарданова «Восьмая горизонталь Черкесии». Эта повесть, главы из которой публикуются в данном номере, является историко-приключенческим, героическим сказом о рыцарстве воинов средневековой Кабарды, взаимоотношениях с соседними народами, особенностях нравственного воспитания адыгов, погружением в мир народной мифологии, фольклора и быта.

Книга, обращена к непростой истории и культуре Северного Кавказа. Кто-то здесь увидит жизненную драму, кто-то историческое приключение, а кто-то – типичный эпизод из очень сложной, противоречивой и во многом трагичной истории Черкесии.

ВО ДВОРЦЕ ХАНА

Хан Саид проснулся рано. Он попытался повернуть голову, и резкая боль в шее заставила его вскрикнуть. Тотчас к нему в опочивальню вбежали два воина с устрашающего вида шамширами¹ и начальник его охраны. Они быстро осмотрели опочивальню и склонились перед ним. Начальник стражи с почтением обратился к хану:

– Что случилось, защитник веры, достойный из достойнейших? Да будет благословен тот день и час, когда ты явился миру!..

– Хватит болтать! Поднимите края балдахина и позовите лекаря и михтара², – приказал хан.

¹ Шамшир (шемшир, шамшер) – персидская кривая сабля с булатным кринкам.

² Михтар – дворецкий.

В опочивальню вошел стройный мужчина средних лет, в руках он держал небольшой сундучок. По его рассудительному, одухотворенному лицу с удивительно пронизательным взглядом серых глаз было видно, что он постоянно находится в поиске истинного смысла явлений и событий, входящих в круг его обширных интересов. Это был ученый медик Султан-Али, принявший участие в написании немалого количества умных книг, среди которых был такой блистательный труд, как «Дастур алилож»³.

Следом вошел михтар Абулгази. Это был совершенно другой человеческий материал. На вид ему было около пятидесяти лет. Его цепкий и ищущий взгляд, полусогнутая, худощавая фигура, тщательно ухоженное лицо и одежда выдавали человека, который жил по принципу: «Служи своему господину, и удача всегда будет на твоей стороне». Он низко склонился перед ханом и хотел произнести заученную похвалу Аллаху за то, что его «жалкие глаза ослеплены небесным светом, исходящим от несравненного владыки», но хан Саид нетерпеливо и грубо опередил его:

– Оставь свои восхваления для следующего раза, михтар. Подай мою одежду и воду для омовения.

Затем, обернувшись к лекарю, хан Саид более спокойным голосом сказал:

– А ты, лекарь, осмотри мою шею, я с утра не могу повернуть голову. Ворочаю туда-сюда глазами, а повернуть не могу. Это просто мучение. Для того, чтобы посмотреть направо или налево, должен, как волк, поворачиваться всем телом.

Михтар и лекарь кинулись выполнять приказы хана. После одевания и омовения, по красноречивому жесту руки, обращенному к михтару, тот удалился.

Лекарь долго возился со своими склянками и жидкостями, которые он доставал из сундучка, мазал ими шею хана, но облегчения не наступало. Тогда он решил и достал какую-то пахучую жидкость и решительно поднес к шее хана.

– Ты что делаешь? – встревожился хан. – Почему это лекарство так воняет?

– Если позволишь, великий, это самое сильное лекарство, но оно особенное, сделано из яда змеи. Все знают, – продолжал Султан-Али, – что яд змеи убивает даже самого большого и сильного быка, но иногда и сладкий щербет может навредить здоровью, если съедать его в непомерных количествах. А в нашем случае самый страшный яд будет лекарством – все зависит от количества. По-иному, речь идет о мере или дозе этого яда. Меру нужно соблюдать во всем. Это касается не только лекарств, но и людей.

– Я знаю, что ты, Султан-Али, великий лекарь и ученый, достигший

³ «Дастур алилож» – руководство по исцелению (Узбекистан).

самых больших вершин в своем мастерстве. Я слышал и о том, что ты изучал труды Али ибн Сины ⁴, который мог воскресить и мертвого. Но помимо всего этого, меня всякий раз забавляют твои рассуждения о вещах, даже очень далеких от медицины. Что же ты хотел сказать о чувстве меры? – спросил хан Саид.

– Я продолжу, с вашего разрешения, – сказал Султан-Али. – Так вот, я долго размышлял над вопросом, как отличить умного от дурака. Ну, я не о тех, кто явно «не в себе» – не о дурачке из кишлака, у него на лице все написано. Я говорю о других – тех, кто на первый взгляд вроде бы нормальный. И вид у него вполне приличный, и рассуждает вроде по-умному, а все равно дурак. Иного дурака заслушаешься, когда он откроет рот и начнет рассуждать на те или иные темы. Главное, чем умный отличается от дурака, только одним – чувством меры. Убежден, если у человека нет чувства меры, то он настоящий дурак. Я имею в виду чувство меры во всем. В одеянии, в прилежании, в еде, в речах, в споре. Другими словами, кто не имеет этого чувства, тот настоящий дурак.

Эта занимательная беседа отвлекла хана от его больной шеи, но ненадолго. Желание избавиться от мучений, которые при каждом движении доставляла шея, пересилили страх перед лекарством, изготовленным из яда, и он разрешил лекарю его применить. Эта процедура принесла некоторое облегчение хану, и он отпустил лекаря. Тотчас к нему вошел катта-сипах ⁵ Абдурахман.

Низко поклонившись, Абдурахман, обратился к хану Саиду:

– О, наш справедливейший из справедливых, повелитель, награжденный драгоценными дарами Аллаха, владыка пребогатый, да не прекратится распространение справедливости твоей над верноподданными тебе тварями, кои верой и правдой служат тебе! Да увековечит Всевышний царство твое и да распространит над подданными тварями твоими изобилие и добро, господин наш хан Саид!

Выразив также восхищение хану в связи с тем, что: «Его недостойные глаза видят неугасимое солнце и надежду всех мусульман мира, уповающих на долгие годы его мудрого правления», – он склонился в глубоком поклоне. Шея хана уже не так сильно его беспокоила, и он терпеливо и снисходительно выслушал восхваления катта-сипаха.

– Скажи мне, Абдурахман, – обратился хан к катта-сипаху, – какие вести пришли с наших границ? Все ли там спокойно? Как дела у нас на границе с Китаем и как дела на Великом торговом пути?

– Хвала Аллаху, все сейчас спокойно на наших границах. Наши

⁴ Али ибн Сина (полное имя Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина) – известный на Западе как Авиценна (980–1037) средневековый персидский ученый, философ и врач.

⁵ Катта-сипах – должность высшего сановника в Бумияте.

караваны ходят на север и на юг, в Индию, Персию, Китай, Кашгар и к османам. Мы везем туда хлопок, кожу, шерсть, ткани. Торговля идет бойко. В городах этих стран у наших торговых людей свои караван-сарай и лавки. Из Китая нам везут шелковые ткани, фарфоровую посуду, лекарства и чай, из Индии – драгоценные камни, золотые нитки, из Персии – ковры, кашгарцы продают нам дурман-траву для кальянов, у османов мы покупаем изделия из железа. Казна наша постоянно пополняется золотом, серебром, драгоценными камнями. Купцы, ремесленники, дехкане, племена, занимающиеся разведением скота, исправно платят харадж, закят и ихраджат. А те, кто не могут платить, привлекаются к строительству каналов, очистке арыков и к другим работам. Наши муллы в своих проповедях объясняют правоверным, что все это священный долг каждого мусульманина...

Абдурахман немного помолчал и следующую новость сообщил, изобразив на лице скорбь и непонимание:

– Есть, правда, в Вашем государстве одна область, которая нас беспокоит, – Гиссарская, где население выразило недовольство введением новых серебряных монет. Цена их упала в четыре раза, и купцы позакрывали свои лавки. Не стало повседневных продуктов, даже для некоторых умерших нельзя найти ткань для савана и их хоронят без него. Вот уже два дня, как толпы возмущенных дехкан окружили дворец наместника, бросают камни в ворота, кричат ругательства в его адрес.

Хан Саид задумался. Если не принять срочных мер, то это волнение докатится и до ханского дворца.

– Сделаем так, – медленно и задумчиво сказал Саид, – для умирения дехкан и установления порядка направь в эту область пятитысячное войско. А чтобы купцы не закрывали свои лавки, выпустим новые монеты, но уже не в четыре, а в два раза с меньшим содержанием серебра. Этого, я думаю, будет достаточно. Иди, ты свободен, Абдурахман, – сказал напоследок хан. – ...Нет, – тут же отменил свой приказ хан Саид, – подожди! Нам надо подумать о грамотности сборщиков налогов, хакимов валлиятов ⁶ и начальников туменов, религиозных служителей. Наверное, у нас еще недостаточно мактабов ⁷ и мадрасе ⁸. Мы создали величайшие и красивейшие дворцы и

⁶ Валлияты – область, которая, в свою очередь, состояла из более мелких административных единиц – туменов.

⁷ Мактабы – мактаб представлял собой начальную конфессиональную школу, где дети в возрасте от 6 до 15 лет обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия.

⁸ Мадрасе – высшая мусульманская школа в Средней Азии, носившая название «мадраса», также была чисто конфессиональным учебным заведением, программа которого была построена почти целиком на изучении богословской схоластики и шариата – мусульманского канонического права.

мечети, неприступные замки, познали тайны звезд, законы арифметики, достигли вершин в медицине, стихосложении, истолковании Корана. У нас есть Дом мудрости, где собраны величайшие книги и рукописи наших мыслителей и мудрецов из дальних стран. Но надо же грамотно управлять людьми. Нельзя больше терпеть безграмотных и бездарных правителей. Даже такое простое дело, как сбор налогов, нельзя доверять неграмотным дуракам. Нужны правильные математические вычисления и точные расчеты, чтобы дехкане, ремесленники и купцы, после сбора налогов, имели возможность работать лучше, чтобы и у них оставалось не только на пропитание, но и появилось желание в следующем году работать лучше. Им нужен стимул для лучшей работы. Не должен хороший и плохой работник оставаться после сбора налогов с одинаково скудной лепешкой. Раз результат для всех одинаковый, то нет и стимула работать лучше. Нужно получать еще больше налогов, не вызывая недовольства черных людишек. Надо управлять так, чтобы они приносили еще большую пользу государству, но при этом раньше времени не померли с голода, а назавтра давали казне больше, чем сегодня. Повторюсь, надо строго следить за тем, чтобы в мактабах и мадрасах учились только богатые – будущие хакимы валлиатов, начальники туменов, муллы и те, от которых зависит благополучие нашего государства. Очень опасно давать знания простому народу, ведь недаром говорят: «Тот, кто ничего не знает, всему верит». И еще одно: нам нужно крепко-накрепко внушить народу одну простую истину – так было, так есть и так будет впредь. И еще, – после некоторого размышления добавил хан Саид, – нужно, чтобы люди верили, что опыт и трудовые навыки, которые передаются от отца к сыну, из поколения в поколение, неизменные на протяжении веков традиции и обычаи являются не только непоколебимой мудростью предков, но и божественным предначертанием. И тогда мы сможем всем внушить, что сын пастуха не может и не должен быть никем иным, как только пастухом, сын пекаря – пекарем, сын пахаря – пахарем, и так далее. Иди, Абдурахман, подготовь обо всем, что я тебе сказал, фирман⁹, и я его подпишу.

Наконец хан Саид отпустил Абдурахмана. Оставшись наедине с собой, хан бросил на ковер недалеко от себя два маленьких кубика с нанесенными на них арабскими цифрами.

– Нечет, – сказал хан Саид и его губы расплылись в широкой улыбке.

Лицо хана можно было признать красивым, если бы не легкое косоглазие и привычка щурить свои большие черные глаза. У него была

⁹ Фирман – указ шахов Ирана, султанов Османской империи, других государей в странах Ближнего и Среднего Востока.

небольшая с красным отливом борода на персидский манер и красиво стриженные рыжие усы. В некоторых случаях он непроизвольно выпячивал нижнюю губу, что выдавало в нем натуру увлекающуюся, возбудимую и обидчивую. Фигура хана была крепкой и соразмерной. Он был большим поклонником верховой езды и считался одним из лучших наездников ханства. Его любимыми занятиями были укрощение жеребцов, соколиная охота и азартные игры. Кроме карт, особое пристрастие хан имел к игре «Чет – нечет», которой уделял такое большое значение, что не принимал ни одного важного решения, не положившись на числа, случайно выпадавшие в этой игре. По праздникам хан, после богослужения, устраивал азартную потеху – бился об заклад во время борьбы на поясах, боев баранов и верблюдов. А так как пари держит всегда одна сторона против другой, то за хана заклад ставил кто-то из его приближенных. Любил он наблюдать и за шахматными партиями. При шахматных спорах около каждого играющего собирались сторонники, и когда каждый из держащих пари намечал свой ход, то он вслух обсуждался окружающими. Удачный ход или промах противников вызывали взрывы хохота, крики удовольствия, остроты, на которые противная сторона нередко отвечала кулаками. И это всегда забавляло и веселило хана.

Приход к власти хана был непростым. С детства он слышал о трагической судьбе своего деда – хана Саадулы, с которым воевали за власть его собственные сыновья. Три взрослых сына Саадулы жили во дворце вместе с отцом, а два других владели валлиятами, подаренными им в управление. Жажда наживы и власти, а главное, такая же пагубная страсть советников правителей валлиятов, толкали их на открытую борьбу с отцом. В первый раз войска отца и трех братьев, живших во дворце, одержали абсолютную победу над объединенным войском других сыновей, владевших валлиятами. После поражения оба непокорных сына были вызваны ханом Саадулой для ответа во дворец. С небольшой охраной из остатков своих разбитых войск выехали сыновья к отцу. Зная о коварстве и непредсказуемости своего отца – Саадулы, они ехали к нему как бычки, приговоренные к закланию.

Еще свежи были в их памяти события, которые произошли накануне с воинами, которые пришли в Бумият ¹⁰ с Кавказа. Заранее узнав о надвигающейся опасности, хан Саадула задумал недоброе и направил к ним переговорщиков во главе с хитромудрым хакимом Аббасом. Делегация Аббаса с трудом, но все же убедила чужеземных воинов разделиться на три части. Предлог, который использовал Аббас для того, чтобы просить о разделе войска кавказцев, был самый безобидный – хан Бумията хочет нанять их для охраны караванов на

¹⁰ Бумият – одно из названий Бухарского ханства.

Великом торговом пути и щедро одарить их за эту услугу, но впереди еще десять дней перехода и лишь несколько оазисов, где можно найти воду и пищу. А так – следуя тремя разными дорогами, они смогут благополучно прибыть во дворец хана. Хаким Аббас заверил их, что никто не нарушит этот договор. Но кавказских воинов впереди ждали засады, в которых по численности было в двадцать раз больше воинов Саадулы. Много воинов хана погибло в тех сражениях, но и воины с Кавказа не уцелели. Они были разбиты порознь. Не понаслышке зная о коварстве своего отца, сыновья приготовились к самому худшему. Призвав сыновей во дворец, хан Саадула неожиданно пожалел и простил сыновей, и в знак примирения подарил каждому еще по одной области. Он надеялся, что это утолит их жажду наживы и власти. Первое время так и было. Доходы сыновей хана возросли, их авторитет и власть укрепились.

Но ничто не вечно под луной. Как правило, время стирает остроту переживаний, и даже великие радости или горести не так сильно утешают или печалят. Братьям показалось, что они имеют право на большее, чем у них есть. Оправдывая свои коварные планы, они считали, что их стремление к богатству и власти – это не происки шайтана, а естественное стремление человека к лучшему и большему, заложенное в нем от рождения. В самом деле, рассуждали они, кто имеет казну из десяти тысяч серебряных и золотых таньга, не хочет, чтобы там остались одни только медные пулы, подавай ему сто тысяч монет, кто имеет войско из тысячи воинов, завтра захочет пятидесятичное или десятидесятичное, кто имеет гарем из тридцати наложниц, захочет иметь сто или триста, у кого есть большой дом, назавтра подавай ему дворец.

Таковы законы мироздания, утешали себя сыновья хана, вынашивая планы дальнейшей борьбы с отцом за власть. Когда высокого нет близко, высоким кажется и то, что низко. Стараясь расположить к себе пограничные кочевые племена и приобрести союзников в будущей войне, они регулярно посылали дорогие подарки их вождям. Но сил для безусловной победы было недостаточно. Тогда они обратились за помощью к персидскому шаху. Обещая братьям прислать тридцатитысячное войско, он вынашивал свои далеко идущие планы – ослабить центральную власть хана Бумията и потом, по очереди, расправиться с братьями. Наверное, так бы и произошло после победы над Саадулой, если бы не восстание, вспыхнувшее в Дагестане, куда персидский шах вынужден был послать войска. Заручившись поддержкой руководителей племен наймун и уйтур, получив от персидского шаха обещание помочь, сыновья хана Саадулы вновь подняли мятеж против отца. Наконец, победу одержало объединенное войско сыновей, но в ходе войны погиб один из них. По приказу

выжившего сына – победителя, отец был взят в плен, ослеплен и заключен в канакхону. Спустя некоторое время он был тайно умерщвлен. Три других сына, воевавших на стороне отца, бежали к туштунским племенам. Так власть в ханстве досталась отцу хана Саида.

В те страшные времена Саид был ребенком и его главными занятиями были чтение Корана, изучение персидского языка, правил арифметики, стихосложение и верховая езда. Однако когда он подрос, нашлись люди, которые рассказали ему о страшной смерти его деда. И еще в юности хан Саид дал клятву не проливать ничьей невинной крови и править страной по законам шариата. Он безоговорочно верил в справедливость восточной пословицы, которая утверждала, что «палка, которую ты побьешь отца, когда-нибудь понадобится твоему сыну». У него были родные братья и жив был его отец, которого он боялся, почитал и во всем слушался, но так судьба распорядилась, что всех его братьев унесла чумная болезнь, не пощадившая ни лачуг бедноты, ни домов ремесленников и купцов, ни дворца хана. Однако Саид и его отец уцелели. И все же, через некоторое время его отец погиб в результате нелепого и странного случая.

Находясь в горах на охоте, отряд нукеров и приближенных отца Саида остановился на середине деревянного моста, раскинутого между берегами бурной реки, протекавшей на дне глубокого ущелья. Неожиданно отец Саида молча стал заваливаться на бок и упал с коня. Когда к нему подбежали охранники, перед ними предстала ужасающая картина. Полголовы отца Саида вместе с чалмой были срезаны камнем, прилетевшим с большой высоты. Потрясенные страшным зрелищем, охранники отпрянули от тела отца Саида, а когда посмотрели вверх, то увидели кружившего над ними огромного орла. Было неясно, то ли орел уронил камень, который он зачем-то нес в когтях, то ли камень упал, когда орел взлетал со скалы? Эта нелепая и внезапная смерть внушила всем присутствующим суеверный ужас. Возвращаясь с неудавшейся и так трагически закончившейся охоты, они перешептывались и строили различные предположения о гибели хана.

«Нашего повелителя постигла кара небес за отцеубийство», – тихо шептались они. Этот случай еще больше укрепил хана Саида в решении не проливать ничьей невинной крови. А то, что он огнем и мечом карал непокорных – так это предписано законами шариата, считал хан Саид.

Когда хану Саиду стало легче и его уже не так сильно беспокоила шея, он вспомнил сон, который приснился ему прошедшей ночью. Хану привиделось, что он лежит на крышке какого-то деревянного сооружения, похожего на сундук, но без одной боковой стенки. Внизу, он это четко видел, лежат три волка мордами друг к другу, таким образом, что их носы образуют круг, в самом центре которого сидит кролик с красными глазами. Кролик пытается убежать, но волки это

замечают и опять заталкивают его своими мордами в центр круга. Хану Саиду было жалко кролика, но он ничего не мог поделать, так как был не вооружен и сам подвергался опасности быть съеденным волками. Этот сон оставил в душе хана Саида неприятный осадок, и он распорядился позвать к нему толкователя снов.

К месту, где сидел хан Саид, приблизился высокий, мощный мужчина средних лет с привлекательным и улыбочивым красноватым лицом говоруна, светло-карими миндалевидными глазами и пригожими холеными усами. По соразмерному телосложению человека, увлекавшегося в юности борьбой и сохраняющего до сих пор готовность к немедленным и решительным действиям, природному обаянию, было понятно, что ему не трудно убедить любого слушателя в своей правоте. Он был весь в шелках, в роскошном халате, рубашке и шароварах, на голове был богато украшенный драгоценными камнями тюрбан. Прежде чем стать на ковер, лежащий перед балдахинном, он снял туфли. Став на колени, он склонился в глубоком поклоне перед ханом и произнес зауценную тираду:

– О, наш солнцеликий, победоносный, основатель и фундамент миродержавия, любящий святых и праведников, награжденный драгоценными дарами Аллаха, владыка пребогатый, господин наш хан Саид!

Хан Саид не стал прерывать поток восхвалений. Он реально побаивался своего толкователя снов Тахира. Свято веря в таинственную силу и особое значение снов и считая, что ему, как наместнику Аллаха на земле, снятся вещие сны, хан Саид не заметил, как стал зависим от предсказаний Тахира, который стал сказочно богат и не считался ни с чьим мнением, с выгодой для себя толкуя сны хана. В этот раз он сразу понял – если не сможет «правильно» истолковать сон хана Саида, то потеряет не только его доверие, но и нечто больше, может быть, и саму жизнь. Тахир и сам не мог бы объяснить, почему он стал так говорить, но выходило следующее:

– Я думаю, о великий, что три волка – это три опасности, которые в ближайшее время ожидают твое государство. Какие-то три силы будут пытаться отобрать у тебя власть. Эти три силы в одинаковой степени являются угрозой твоей власти, и их нельзя недооценивать. Каждая из них, и тем более все вместе, они опасны. Что это за силы и откуда они придут, я не знаю, но они будут нападать с трех сторон. А скажи, милостивейший, что с тобой было во сне? Не напали на тебя эти волки? Если ты уцелел во сне, то я думаю, ты сумеешь достойно отразить все нападения.

– Спасибо за предупреждение, – поблагодарил толкователя хан Саид и распорядился выдать ему сто золотых монет.

УСТАРХАН

В войске, совершавшем нападение на Бумият во времена хана Саадулы, был и отец Инала князь Устархан. Это был не первый его дальний поход. До этого набега Устархан успел побывать на Днепре, Волге, Дону и в Закавказье.

ЗекІуэ¹ были для него не только военными походами с целью захвата добычи и приобретения славы, но и познавательными путешествиями, благодаря которым он получал возможность открывать для себя новые неизведанные земли, узнавать, как жили и чем занимались жившие там народы, совершать визиты к друзьям, заводить новые знакомства в чужих краях и среди родственных народов. Такой, традиционный для князей и дворян образ жизни был еще и средством самоутверждения, дававшим возможность прославиться, проявить удаль и отвагу, заслужить авторитет и почет в обществе. Старинные песни и сказания сохранили предания даже о том, что черкесские отряды ходили в Хорезм и грабили города Тимура, уводили в рабство его подданных, совершали чэруан зекІуэ² – бесчинствовали на караванных путях. Приобретая славу удачного воителя, такие люди, как Устархан, получали возможность вносить на обсуждение всенародных собраний Хасэ³ важнейшие вопросы жизни общества, а на праздничных пирах Устархану преподносили рог или чашу героя – батырыбжьэ⁴. Самые знатные и красивые девушки считали за честь поднести Устархану этот напиток или составить с ним пару в танце, принять из его рук приз, выигранный им на состязаниях в стрельбе или в наездническом искусстве.

А это злополучное зекуэ Устархана на Бумият, когда он поверил лживым обещаниям хакима Аббаса, сложилось трагично. Когда отряд Устархана двигался по горной дороге, на них обрушился искусно подстроенный камнепад. Многие воины погибли от падающих на них камней и осколков скал, а на уцелевших с двух сторон набросились воины Бумията. Видя отрезанными все пути к спасению, черкесы убили своих лошадей и отстреливались за их телами, пока каждый из них не опустошил свой саадак и не закончились запасы пороха. Ясно осознавая, что это их последний и решительный бой, они сломали свои

¹ ЗекІуэ – (каб.-черкесск.) – военный поход.

² Чэруан зекІуэ (каб.-черкесск.) – чэруан – искаженное адыгское «караван», зекІуэ – «поход».

³ Хасэ – (кабард.-черкесск.) – сословно-представительное собрание, один из архаичных общественных институтов адыгов (черкесов).

⁴ Батырыбжьэ – (каб.-черкесск.) – рог для богатыря, батыр – «богатырь», бжьэ – «рог», из которого пили только хмельные напитки.

ружья, пистолеты, луки и шашки и обнажили кинжалы, зная, что с этим оружием их нельзя будет взять живыми.

Неожиданно один из них запел героическую песню, припев которой подхватывался всеми голосами и был похож на мощные волны, накатывающие на скалистый берег и усиливающиеся от припева к припеву. От этих непонятных и вместе с тем страшных звуков предсмертной песни странное оцепенение охватило воинов Бумията, которые перестали предпринимать какие-либо действия и молча слушали их. Чтобы разделить единую на всех судьбу, черкесы связались друг с другом поясами и бросились на противника. Считая пленение позором и поруганием чести, они сражались с таким остервенением, что заставили наконец убить себя. Пораженные отвагой черкесских воинов, нападавшие похоронили их по мусульманскому обычаю.

Еще в самом начале сражения один из камней вышиб отца Инала из седла, и он упал в водопад, низвергавшийся в этом ущелье, но он не утонул, водоворот вынес потерявшего сознание Устархана на один из берегов горной реки.

Он долго лежал на берегу без сознания, а когда открыл глаза, увидел, что на него заворуженно смотрит какая-то девушка. «Ну, что же поделаешь, наверное, я уже в раю. Только там есть такие красавицы, как та, что сейчас склонилась надо мной – черноокая, большеглазая, прелестница, подобная жемчугу хранимому»,⁵ – подумал Устархан, но сказать что-либо вслух не смог. Когда он попытался встать, резкая боль в левой ноге и спине опять погрузила его в беспамятство. Время от времени его разум прояснялся, и он пытался вспомнить, что с ним случилось и где он находится? В минуты прозрения Устархан понимал, что лежит на каких-то ветках и маленький ослик везет его по горной дороге куда-то сквозь лес. Прошло два дня, он стал понемногу приходить в себя, но по-прежнему еще не мог отделить действительность от горячечного бреда и тяжелых сновидений, вызываемых сильной болью в ноге и спине.

Устархан с ранних лет не боялся ранений, мужественно переносил боль. А раны, оставлявшие на теле шрамы, были для него и его соплеменников предметом особой гордости. Обилие шрамов свидетельствовало о том, что воин участвовал во многих сражениях и имеет большой боевой опыт. Особым уважением в черкесском обществе пользовались те, кто имел шрамы на лице, свидетельствовавшие о том, что враг никогда не видел его спину, потому что он встречался с ним лицом к лицу.

Прошло еще немало времени, прежде чем Устархан ясно и четко смог осмыслить, что он находится в деревянном строении с глиняными полами. Выйдя во двор, он рассмотрел, что на хозяйственном дворе стоит кузница, недалеко находятся загоны для овец, коз и коров, а дом, который

⁵ Представление мусульман о небесных девах-гуриях, населяющих рай.

его приютит, расположен в лесу, на покатых склонах какого-то хребта.

Ему стоило больших трудов уточнить, как зовут его спасительницу и какова судьба его соплеменников. Не зная языка друг друга, им пришлось изъясняться жестами, восклицаниями и рисунками на песке. Наконец, он понял, что его спасительницу зовут Айгуль, она живет в лесу с бабушкой и дедушкой, которые уехали на базар в Кашдар и должны скоро вернуться, а его соплеменники все погибли. Устархан, в свою очередь, назвал ей свое имя.

Его необычное одеяние заинтересовало Айгуль, и она, несколько не стыдясь, попросила его снять верхнюю одежду, чтобы заштопать. Устархан не привык ходить неопрятным и, помня, что скоро должны вернуться родные Айгуль, снял черкеску, штаны и остался в одной длинной рубашке. Айгуль вынесла из дома тулуп деда и подала его Устархану. Ему были нипочем холод и сырость, но, чтобы не смущать столь юное создание, он все же набросил его на себя. Соскучившись по солнцу и свежему воздуху, Устархан присел на поленницу, а Айгуль села на чубук недалеко от него. Она с интересом переводила взгляд с Устархана на его одежду и ловко орудовала иголкой, время от времени улыбаясь каким-то своим мыслям.

Сидя на поленнице, Устархан перевел свой взгляд на Айгуль. На вид ей было лет восемнадцать-двадцать. Гораздо позже он с удивлением узнал, что ей только шестнадцать. Дочери солнца – живущие в краях, где много света и тепла, имеющие доступ к фруктам почти круглый год, рано вступают в пору зрелости.

«Наверное, – думал Устархан, – именно такие стройные и длинноногие девушки становятся женами султанов, шахов и богатых купцов». Ее приятно ласкающая взор смугловатая кожа, густые темные волосы, большие черные глаза могли свести с ума любого, кто был неравнодушен к женской красоте.

Но не только красота юного создания занимала мысли Устархана. «Странно, – думал он, – вдали от родных краев, не совсем здоровый, с незнакомыми людьми, без привычного окружения, кто я? Нет, не то, что я не помню, кто я на самом деле. Речь не об этом. С рождения мы окружены родными, близкими, постоянно в кругу каких-то привычных дел, исправно исполняем то, что возложено на нас как на сына, на брата, на друга, на главу семьи, на предводителя воинов, на представителя своего народа и хранителя памяти великих предков, его традиций и обычаев. А кто я такой без всего этого, кто я внутри себя как существо, как существо?»

Каждый человек состоит из тела и души. И сейчас я обращаюсь именно к душе – кто я? И почему человек может внутри себя вести диалог с самим собой? Нас что, двое? Один задает вопросы, а другой отвечает на них? Если это так, то кто настоящий? И где он?»

Устархан не мог ответить ни на один из этих вопросов. Но один вывод он все-таки сделал: «Причина недостойных война и мужчины размышлений кроется в моей физической немощи. Я уверен, что как только окрепну, то все эти дурные мысли исчезнут из моей головы, как пропадает утренний туман под лучами жаркого кавказского солнца. Наверное, когда-нибудь, кто-нибудь ответит на эти вопросы, а сейчас моя задача найти возможность вернуться в родные края. Я по-прежнему все тот же Устархан, каким и был».

Так размышляя, Устархан перевел взгляд на открывшуюся его взору картину. На обоих склонах живописного ущелья была пышная растительность. Наиболее густая и зеленая она была по берегам горных рек и ручьев. Позже, бывая в лесу, Устархан обнаружил, что в здешних лесах растут тополь, грецкий орех, яблоня, дикий абрикос, боярышник, чинар, а на склонах некоторых хребтов – почти исключительно древовидный можжевельник, доставляющий жителям топливо и материал для поделок. Окрестные горы и леса были восхитительны и могли соперничать с любыми такими же местами на земле, но ничто, по мнению Устархана, не могло сравниться с его краем. Здесь все было почти так же, как на его родине, но все же различия были. Устархану казалось, что и горы, и леса его края значительно величественнее и выше, а небо над ними синее и краше.

И все же было то, что объединяло эти края. Общим и здесь, и там были требования, которые предъявляют горы к человеку. Они сразу выявляют все сильные и слабые стороны человека. Горы – это один большой дом, в котором невозможно прожить в одиночку. Горы – это крепость, в которой горстка храбрецов может сдержать орды незваных завоевателей. Находясь в окружении величественных исполинов, невозможно быть слишком самонадеянным или слабым. Горы сразу же накажут гордеца или труса. Накроют лавиной, сбросят в пропасть, обрушат на него камнепад, перемолотят в грязевом потоке, сожгут в раскаленной лаве. Трус со слабыми, трясущимися коленками не удержится на горном уступе, не сможет ночью выжить в диком ущелье, не найдет глухой ночью дорогу к родному дому. В горах всегда нужно иметь светлую голову, уметь правильно рассчитывать свои силы, помнить, что находишься в районе повышенной опасности. Здесь все иное, чем на равнине, и даже кратчайшее расстояние между двумя точками не прямая, а кривая. И в то же время, только горы могут подарить человеку истинное ощущение силы и величия. У покрытых вечными снегами вершин могут выжить только те, кто готов по-братски поделиться с любым человеком всем, что он имеет. Горы являются настоящим мериллом честности и искренности, они очищают человека от любого притворства.

Зная обо всем этом не понаслышке, Устархан пришел к

заключению, что человек, живущий в окружении высоких гор и могучих лесов, везде одинаково смел, свободолюбив, находчив, всегда готов прийти на помощь тому, кто нуждается в помощи и поддержке. «Мне повезло, – думал Устархан, – я нахожусь почти в привычной, знакомой обстановке, среди добрых, отзывчивых людей, которым не чужды все самые человеколюбивые качества души».

Через два дня вернулись с базара бабушка и дедушка Айгуль. Устархан им сразу понравился. Он был высокого роста, с широкими плечами. Было заметно, что он обладал большой физической силой, которая сочеталась с необычайной ловкостью и гибкостью. Лицо его было открытое и мужественное, нос прямой, лоб высокий, глаза серые, усы и борода негустые, волосы темно-русые. А когда они услышали его имя, во второй части которого было слово «хан», они прониклись к нему особенным уважением и поклонением.

Дедушка сказал внучке:

– Даже бриллиант, упавший в грязь, все равно остается бриллиантом, а пыль, поднявшаяся до небес, так и остается пылью. Устархан может оставаться в нашем доме столько, сколько захочет.

Но душа и мысли Устархана были далеки от этих мест. Они влекли его в милые сердцу и привычные взору родные места – на Кавказ, в Черкесию. Ну, а о том, чтобы вернуться в родной аул на ослике, имевшемся в хозяйстве дедушки Айгуль, не могло быть и речи. К тому же, Устархан еще не был так крепок, чтобы перенести тяготы длительного перехода. А после падения в водопад, у него оставался только кинжал, с которым черкесы не расстаются ни днем ни ночью. Уцелел и его кольчужный панцирь, который был у него под черкеской. Прочность его была настолько высокой, что даже острые камни горной реки, в которую упал Устархан, не смогли его повредить. Но все же, оставив его в живых, горная река взяла с него трудно восполняемую дань. Она забрала у Устархана ружье, пистолеты, шашку, лук и стрелы. Пришлось Устархану сделать примитивный лук из подходящей для этой цели ветки чинары. К нему он изготовил три сотни стрел с калеными наконечниками. Помог ему в этом дедушка Айгуль. Потом, по рисункам на песке, сделанным Устарханом, были изготовлены наконечник для копья и черкесская шашка, клинок которой был перекован из бухарской сабли.

Шло время. Устархан набирался сил, но по-прежнему он при ходьбе припадал на левую ногу. С помощью жестов и рисунков на песке Устархан попросил помочь ему приобрести на базаре коня. Ему объяснили, что для этого нужно будет добыть некоторые части трех медведей и одного снежного барса. Китайские купцы высоко ценили и покупали не шкуры, а лапы этих зверей, потому что делали из них лекарства. Медведи в ближайших лесах водились, а вот снежного барса можно было добыть только в горах, находившихся в пяти днях перехода от дома, ставшего временным пристанищем Устархана.

У себя на родине он не раз промышлял добычей медведей, волков, лисиц, кабанов, но как добыть снежного барса, не знал. И, к тому же, для такого непростого дела Устархан должен был еще как следует окрепнуть. Постепенно он стал ходить недалеко и ненадолго в лес на охоту. Его навыки позволяли ему постоянно возвращаться с охоты с богатыми трофеями. Устархан видел, что Айгуль и ее близкие живут небогато, и ему было приятно, что он по мере сил помогает им, а не живет за счет их скромных припасов, которые они вынуждены были часто пополнять на базаре в Кашдаре.

Устархан не заметил, как он стал все больше и больше внимания обращать на Айгуль. Все в ней было привлекательно и как-то по-особенному ему приятно: волнительный тембр ее голоса; кокетливые взгляды, которые она изредка бросала на него из-под нереально длинных ресниц; все линии ее молодого и крепкого тела, сохраняющие живость, резвость и непосредственность юности, но уже в полной мере обладавшие очаровательными женскими формами. В один из дней он осознал, что любит это прекрасное дитя Востока. Ему хотелось постоянно видеть ее, любоваться ее красотой, защищать ее, отдать ей и жизнь свою, и кровь, сделать так, чтобы она никогда и ни о чем не печалилась. Он, конечно, помнил, как нежно он относился к своей жене, но такой глубины чувств к женщине он не испытывал никогда. Устархан понимал, что на свете есть много красоты, вызывающей восторг и умиление.

Красота есть во всем: в падающих с небес звездах, в восхитительных закатах и рассветах в горах и на море, в изящном и смертоносном оружии, в прекрасных чистопородных скакунах, но только женская красота стала для него в последнее время столь пленительна и всевластна. Весь огромный и цветущий мир сузился у него до предмета его любви настолько, что образ Айгуль виделся ему в каждой травинке, каждом дереве, каждом предмете. В один из дней, когда дедушка и бабушка Айгуль в очередной раз выехали в Кашдар, она была как-то по-особенному оживлена и старалась постоянно быть рядом с Устарханом, игриво прикасалась к нему и стремительно убегала. Он до самого вечера не понимал причин такого поведения девушки. И только к ночи, когда он вернулся с охоты, все прояснилось. Айгуль нигде не было, и Устархан устало опустился на кровать. Вдруг он почувствовал, что кто-то лежит там. Он откинул одеяло и обомлел. Там лежала без единого лоскутка одежды Айгуль. Ее глаза призывно светились любовью и лаской. А когда она протянула к нему руки, у него закружилась голова. Ночь любви была бурной и сумбурной.

После возвращения бабушки и дедушки ни Айгуль, ни Устархан ничего не сказали им о произошедшем, но по излишне возбужденному поведению своей внучки они догадались, что в отношениях Айгуль и Устархана появилось что-то новое. Однако внешне в их

взаимоотношениях ничего не изменилось. Дедушка Айгуль с утра до вечера стучал в кузнице, бабушка и внучка занимались домашним хозяйством, а Устархан регулярно ходил на охоту. Он добыл уже трех медведей, оставалось найти только снежного барса. К тому времени Устархан окреп и был готов к решающей битве с хозяином снежных вершин. Сборы в дальнюю дорогу были недолгими. Он взял с собой небольшой запас еды, лук со стрелами, шашку и копье. Понимая, что добыть снежного барса будет трудно, а может быть, и смертельно опасно, он оставил Айгуль свой кинжал с тамгой, отчеканенной на серебряном устье ножен.

– Милая моя, – сказал Устархан, – если у нас родится сын, а я не вернусь с охоты, передай ему этот кинжал. У нас так заведено – оружие отца передается сыну. Ну, а если родится девочка, то пусть она передаст кинжал своему сыну.

– Я сохранию кинжал до твоего возвращения, хочу, чтобы ты сам передал кинжал сыну или внуку, – уверенно и твердо ответила Айгуль. Она не хотела расстраивать Устархана, но предательски дрожащие слезинки, стоящие в уголках ее глаз, выдавали ее чувства. Не смогли сдержать слез и бабушка с дедушкой, когда провожали Устархана в дальнюю и опасную дорогу.

Прошел месяц, но Устархан не возвращался. В один из дней в гости к дедушке приехал его старый друг, живший в тех краях, куда ушел Устархан за добычей. Он рассказал, что на одном из склонов Гиссара, на границе ледника, были найдены следы смертельной битвы человека и снежного барса. В теле барса торчали три стрелы и обломок копья, но эти раны не привели к мгновенной смерти, и он успел полоснуть когтями шею охотника, который скончался от потери крови недалеко от места битвы. По одежде погибшего охотника Айгуль и бабушка с дедушкой поняли, что в этой трагической развязке погиб близкий их сердцу Устархан.

Когда беременность Айгуль стала очевидной, ни бабушка, ни дедушка ни одним словом не попрекнули ее. В положенный срок она родила мальчика, которого нарекли Азатом, что в переводе с персидского означает «свободный», «вольный». И он полностью оправдывал свое имя. Азат рос живым и озорным, в детстве постоянно убегал из дома и верховодил такими же проказниками из ближайшего кишлака. Непослушным он был и в юности. Айгуль и, пока были живы, бабушка с дедушкой постоянно потакали его прихотям. После ухода из жизни бабушки и дедушки, Айгуль поселилась в ближайшем кишлаке, а подросший Азат сколотил шайку таких же отчаянных и храбрых налетчиков. Привыкший получать от жизни все, что он хотел, не отдавая взамен ничего, он мало заботился о своей матери, которая умерла в нищете через год после смерти ее бабушки и дедушки.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ТВОРЧЕСТВО

Ф. И. Байрамукова

Поэт, писатель, журналист и переводчик Байрамукова Фатима Ибрагимовна родилась 15 августа 1953 года в селе Иогансдорф Таласской области Киргизии, куда ее родители были депортированы в 1943 году. В 1957 году вместе с ними переехала на их родину, в Усть-Джегутинский район Карачаево-Черкесии, где возвратившиеся карачаевцы основали село Новая Джегута. Отец её – Байрамуков Ибрагим Унухович – участник Великой Отечественной войны, ветеран войны и труда; мать Софья Османовна Байкулова родила десятерых детей.

В 1971-1976 гг. она училась на филологическом факультете Карачаево-Черкесского государственного университета, по окончании получила диплом учителя русского языка и литературы, карачаевского языка и литературы. Пять лет Фатима Ибрагимовна проработала учителем в Ново-Джегутинской средней школе. Последующие три года была сотрудником отдела «Искусство» Государственной Национальной библиотеки КЧР имени Х. Б. Байрамуковой. С 1984 года работала в качестве корреспондента, заведующего отделом в республиканской общественно-политической газете «Ленинни байрагъы» (ныне газета «Карачай»). С 1994 по 2008 годы совмещала литературное творчество с работой в Государственной Думе РФ.

Ф. И. Байрамукова работает и в жанре поэзии, и прозы. Ее перу принадлежат афоризмы, эссе, миниатюры, юмористические рассказы, сатирические монологи, документальные рассказы, повести, баллады, стихи...

А в последние десять лет Фатима Ибрагимовна – редактор издательского отдела общественного фонда «Содействие развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусойд». На этой должности она много времени и сил отдает увековечению творческого наследия безвременно ушедших писателей, занимаясь подготовкой новых изданий их произведений. К сборникам и собраниям сочинений карачаевских писателей ею написаны интересные, глубокие вступительные статьи. Одновременно с тем она активно занимается переводческой деятельностью. Ею переведены на карачаево-балкарский язык известные полнометражные мультфильмы «Король Лев», «Спирит», «Маугли», «Простоквашино», «Винни-Пух», «Бемби», художественный фильм «Кавказская пленница», индийский фильм «Любовь и предательство» и множество мультфильмов, которые были озвучены на студии «Эльбрусойд».

Она начала печататься с 1968 году, с тех пор, не сходя с пути творчества, выросла до профессионального писателя. Все, что

делает Фатима Байрамукова, отмечено печатью таланта и является большим вкладом в духовную культуру карачаевского народа.

Фатима Ибрагимовна – член Союза журналистов РФ с 1985 года, член Союза писателей РФ с 1991 года. В 2007 году ей присвоено звание «Народный поэт КЧР», в 2013 году – «Заслуженный работник культуры КЧР». С 1994 г. с семьей (мужем – видным поэтом Азретом Акбаевым и 19-летним сыном Аланом) она живет в Москве.

ЖИВОЕ СЛОВО ДЕВИЧЬЕЙ ДУШИ

...Поэтесса умеет находить свежие образы, мысли. В её творчестве особое место занимает гуманизм. Многие произведения имеют лирическое начало. Тонкая грусть, трепетная любовь, совестливость, сдержанность, умение ждать и радоваться отличают стихи Фатимы Байрамуковой и делают их тёплыми и своеобразными, я бы сказал, неповторимыми.

Вот как сказано ей о смерти молодой горянки в стихотворении «Джулдуз джукъланса»:

*Окьулмайын кьалгъан ашхы назмуча,
Джукъландыла сезимлери джюрекде.
Джаз кесилген субай къайын терекча,
Турады къыз, бѐлениб, акъ кебинде.*

Да, действительно, только поэт может говорить так.

Огромная влюбленность в жизнь, активная жизненная позиция, ответственность за слово, нравственная чистота, моральная устойчивость – всё это органические элементы творчества молодой поэтессы. Её волнует не то, что лежит на поверхности, а то, что глубоко запрятано в человеческих сердцах. А это, на мой взгляд, главное, без чего невозможно стать художником.

...Мне по душе взгляд автора на прошлое, настоящее и будущее нашей Родины. В сердце человека, родившегося после Великой Отечественной войны, всё ещё заживают раны, нанесенные войной. Пожалуй, этим и определяется то, что мы говорим: «Чужого горя не бывает», повторяя слова великого поэта Константина Симонова.

Фатима тонко чувствует неповторимую красоту родного края. Порой сливается с утренней зарей, лепестками альпийских цветов, каплями хрустального дождя, звоном водопада, песней весенней ласточки, которая лепит гнездо у окна человеческого жилья. Во многих произведениях я слышу музыку дождя, шелест трав и воркованье голубей. А порой это нежное и хрупкое сердце становится грозным судьей над теми, кто вершит злодеяния...

Тонкий и нежный голос горянки превращается в гром и молнию...
Что бы ни писала Фатима Байрамукова, у неё всегда свой почерк,
свой личный след, своя неповторимая тропа...

*Назир Хубиев, народный поэт КЧР
1981*

И ЛЮБОВЬ, И ДОРОГА

Судьба. Как тебя обозначить?
В подарок нельзя предназначить,
Не золото ты, не награда,
не выгода и не отрада,
не конь, чтоб тебя оседлали,
не дева, чтоб хитростью взяли.
Судьба. Ты добра иль жестока?
Не вижу прямого истока.
Ты счастьем одаришь нежданным –
сведешь с дорогим и желанным,
то недругом вдруг обернешься, –
швырнув с крутизны, ухмыльнешься.
Воздашь не по чести, но честно.
Унизишь, за что – неизвестно...
Судьба. Я и жизнь повидала,
и смерть надо мною витала,
и плакать пришлось, и смеяться,
любить, ненавидеть, бояться...
Так что же ты, кто ты – не знаю.
Судьбою, как все, называю,
Судьба, ты и смерть, и тревога,
и жизнь, и любовь, и дорога.

Перевод Н. Скрёбова

«РАДИ БОГА, ПРОЧТИ МНЕ МОЛИТВУ»

«Ради Бога, прочти мне молитву!» –
Шрамом врезались в камень слова.
На надгробной плите – стон ли, всхлип ли...
Он вонзается в сердце сперва,

Лишь потом – вопрошаешь ты душу,
И судьбу, и сознание, и кровь:
Кем он был?! Чьи веления слушал?!
И к кому так взывает он вновь?..
Пылью времени запорошенный,
На земле его след запропал,
Кроме слов этих, болью возжженных,
Ничего нет... Прохожий – упал
На обочине долгой дороги.
Ни метанья, ни помысла – нет!
Был могучий он или убогий?
Исповедовал тьму или свет?
Почему к небесам он взывает,
Оставляя не имя свое,
Но лишь волю, души упование –
В миг, сразивший его бытие?..
«Ради Бога, прочти мне молитву!» –
В эти несколько слов он вместил
Чувств различных согласие и битву,
Дум усердных и бурю, и штиль.
Отлистая истории книга,
Как страницы, и дни, и года.
Смысл и таинства давнего мига
Нам уже не узнать никогда.
Эти несколько слов прямо в сердце
Метят – всей пережитой судьбой...
Ясно лишь, что он был не младенцем,
Все же кто? Старец?.. Грешник?.. Герой?..
Или женщина?.. Камню доверив
Многотрудную думу свою,
Одиночеством может поверил,
Жизнь, споткнувшуюся на краю...
Может, думал: «Времен колесница
Пыль дорог, прах подошв разнесет,
И забудутся речи и лица,
Лишь мольба до потомка дойдет».
Так, иначе ли думал, но эта
Горстка слов – как медведицы кош,
Чтоб пригубить отрады рассвета,
Над закатом парить высоко
В мыслях... Чтоб к безымянной могиле
Подойти – и учиться молчать,

Чтоб за тех, что страдали и были,
Всей судьбой на Земле отвечать.

Перевод Р. Романовой

ПУСТЬ НЕ СЕДЕЕТ МЕЧТА

Приходит срок – и волосы седеют
Не потому, что горе белил их.
И листья клена осенью желтеют
Не от луча, который в них проник.
В глазах и сердце горе оседает
Безвыходней, чем в серебре волос.
Пусть обойдет людей мечта седая
Печальный дух всего, что не сбылось.
Пусть никогда не поседеют чувства,
Что зародились в любящих сердцах,
И доброты высокое искусство
Не сгинет в поседевших словесах.

Перевод Н. Скрёбова

РОДНОЙ ЯЗЫК

Ты – эхо гор и водопадов ропот,
Ты – храм, народной созданный душой,
Ты – матери дыхание и шепот,
Язык родной.
Тебя мы, как и мать, не выбираем.
Ты – колыбельный наш напев простой.
Ты – словно отчий дом, забываем,
Язык родной.
Ты – горных рек могучие потоки,
Ты – гребни гор, что слиты с вышиной,
Ты – жизни не иссякнувшие соки
Язык родной.
Ты – дух страны, ты дух её народа,
Его судьба отражена тобой.
Язык Карчи, язык певца Касбота,
Язык родной.

Перевод И. Елисеева

СЧАСТЛИВАЯ

Рассказ

Сначала она занимала полдома на какой-то дальней тихой улочке. Дом был саманный, затененный с улицы грядой старых грабов, близко к дому теснились кусты, которые выросли сами по себе; вся растительность была предоставлена стихийному произволу, и теперь среди солидных культурных насаждений, окружающих соседние домишки, беспечно раскинулся дикий зеленый остров. Он подвергался вторжению лишь со стороны мамы, которая без ведома хозяйки выпалывала высокие сочные побеги жгучей крапивы, украшенные белыми соцветиями, а пушистые сиреневые бутоны бессмертного чертополоха, который тоже появился по собственному желанию, оставила как оберег. Корзиночки его мясистых цветов на мощном живучем стебле не отцветали до глубокой осени и привлекали медоносных пчел.

В большой комнате с высокими потолками царил прохладный полумрак летом и сухое тепло зимой, когда зеленый палисадник вокруг Лялиного дома становился белым.

Весной в открытое окно вторгалась дерзкая ветка цветущей черемухи, – все ее ветви походили на призывные руки в кисейных рукавах, невозмутимо плывущие в струях ветра.

Тетя Ляля встречала их на самом пороге, и Берд оказывался заключен в душистые объятия: «*Си щ!алэ!*¹ – восклицала тетя Ляля и всплескивала мягкими ладонями, – *сыту инышхуи ик!и блани ухъуа!*». Она отходила в сторону, оглядывала его с ног до головы, но Берд при этом не чувствовал неловкости, как с другими. Она крепко обнимала маму, которая тонула в мягком кольце рук. «Вылитая Жанпаго, твоя бабушка! Она была царицей даже в старости!» – восклицала Ляля, усаживаясь в старое кресло, обитое выцветшим панбархатом. Разговор в привычном понимании для тети Ляли не был свойствен: все, что она говорила, сопровождалось постоянной улыбкой, дробным детским смехом, который совершенно не сочетался с ее высокой статной фигурой. Ляля походила на девушку в зрелом теле.

Берд вслушивался в ее особенные интонации, но не в смысл слов, которые обрамляли Лялин образ, как легкое пушистое облако.

¹ Мой мальчик! Каким ты стал большим и сильным!

Он не знал, что именно заставляло с готовностью соглашаться на визит к ней: ее мягкое сияние, высокий смех, странное девичье кокетство или умиротворяющая обстановка просторного дома, почти пустого, который не дружил со временем так же, как сама Ляля. Она приходилась матери какой-то двоюродной теткой, но Берд чувствовал в ней некую женскую магию, которая жила и в матери, которую ни он, и никто из его окружения не смог бы ни понять, ни облечь словами.

Именно она заставляла его впоследствии, много лет спустя искать и почти никогда не находить ее, – это был не властный зов пола, а поиск женского, скорее материнского прибежища, который смиряет злость, сшивает разорванные чувства, одной фразой и взмахом темных ресниц заговаривает смятение, разглаживает и расставляет по местам восставшие мысли, загнанные в тупик.

Его собственное таинственное преобразование происходило незаметно для других; мама и тетя Ляля лишь приоткрывали невидимую дверь в иное пространство, с другими законами, в центре которых жила, светилась и утверждалась женская тайна... Этот мир не отрицал его собственный, противоречивый, мучительный, но уравновешивал его, придавал ему особый смысл. О Берде порой не говорилось ни слова, но он ощущал, как заполняется таинственным золотистым свечением, которое ширилось, росло, и вскоре чувствовал необъяснимую полноту внутри себя, смутную могущественную власть, будто получал неожиданную, но твердую уверенность в том, что в нем заключен неиссякаемый источник силы.

Тетя Ляля была портнихой, белошвейкой. Ее уже не называли настоящим редким именем Лиц, может быть потому, что больше никто его не помнил. Берд стеснялся смотреть на эти сценки, когда ее изделия деловито просматривались, обсуждались, – он просто шел на кухню или выходил на крыльцо, наблюдая за жизнью деревьев, кустов, травы, которым не было дела до людей. Они раскачивались, чутко ловя струи ветра, который изредка добирался до них через заслон пятиэтажек, и отзывались взволнованным шелестом. Со струями прилетали обрывки еле слышной музыки, принесенные издалека, и острый запах аспидного горячего асфальта, который укладывали где-то поблизости. Они ненадолго затихали где-то в прозрачных солнечных бликах, разлитых в прогалинах кустов, до нового порыва, который приносил другие звуки и запахи обновленного весеннего города.

Вскоре Берд перестал краснеть и больше не уходил; бюстгальтеры тети Ляли были непохожи на магазинные, представлявшие из себя две прихотливо скреплённые ажурные чаши, сотканые из воздушного светлого или цветного гипюра, они были снабжены тонкими бретельками с пластмассовыми фиксаторами, мудреной застежкой спереди или сзади, – Ляля считала, что они для несерьезных женщин (не

носи, детка, эти финтифлюшки, ты себе фигуру испортишь!). Лялины оказывались без застежек и заканчивались двумя простроченными длинными лентами-завязками, сужающимися к обоим концам, они заводились за спину, охватывали тело сзади крест-накрест и завязывались спереди, под грудью. Чаши были прошиты идеальными ровными кругами машинной строчки, как годовые кольца дерева, и походили на маленькие шлемы или летние панамки для младенцев, только поменьше... Эти чудеса швейного искусства предназначались для бабушки, которая тоже не признавала «ненастоящие» магазинные лифы, на которые только деньги выкидывались из кошельков легкомысленных дамочек. В утренних сумерках Берд порой наблюдал ее со спины, когда она старательно одевалась: слегка наклоняясь, привычно облачалась в мягкую броню прошитой ткани, накидывала свободный халат, опоясывалась неизменным широким фартуком, который составлял постоянный предмет утреннего туалета, повязывала косынку на затылке; ее неторопливые, сосредоточенные движения напоминали важный ритуал, будто она была выдавшим виды ратником, неспешно надевающим на себя доспехи перед решающей битвой.

Он отводил глаза от невольно увиденной картинке, будто подглядел ее в замочную скважину.

В углах бесшумно копошились ночные тени, еще не изгнанные утренним светом, они начинали метаться в такт причудливо шевелящимся ветвям дерева в свете зажженного ночного фонаря под окном. Чтобы прогнать нарастающий страх, Берд снова вглядывался в таинство нехитрой утренней процедуры бабушки, и приходило странное чувство умиротворения и защиты.

Неровные белесые стены просторной Лялиной комнаты безо всяких признаков колера казались не холодными, а скорее свободными; слева от высокого окна висел портрет юной девушки, выведенный старательной рукой художника-любителя. Девушка очень напоминала тетю Лялю, – это была ее дочь Луиза, которая в восемнадцать лет утонула в озере. Других детей у нее не было. Ни мама, ни Берд никогда не спрашивали об обстоятельствах ее гибели, да и сама она никогда о них не рассказывала. Ляля говорила о дочери буднично, с улыбкой, будто та только вчера уехала из дома.

Справа от окна висел портрет мужчины в военной форме. Берд сразу проникся к нему уважением, не понимая почему: был ли тому причиной строгий пронизательный взгляд, способный сорвать покров с любой, самой важной тайны, или темные тени впалых щек под высокими скулами как знак сурового знания, которое он безмолвно носил в себе, или резкий удивленный изгиб густых бровей, придававший лицу какую-то незащищенность. «Это мой хозяин... – уже который раз повторяла тетя Ляля, ее темные глаза лучились тихой

гордостью. – Он был полковник, герой!» Иной раз она говорила, что он погиб, как настоящий мужчина, защищая свою честь, другой раз утверждала, что он защищал родину. Картинка гибели мужа в голове Берда не складывалась, но он не обращался с вопросами к маме, потому что она этого не любила, а спрашивать Лялю было бесполезно: она никогда ничего не объясняла, повинуюсь лишь неукротимому потоку внутри себя...

Но как-то в приступе любопытства он спросил у бабушки. «Да мало что она тебе скажет, только голову заморочит! Все они со странностями, люди с голубой кровью, что чудом уцелели...». Но сама задумалась, вспоминая вслух: «Аскер-то умный был, не чета своей жене, но больно гордый. Поссорился с начальником, прощения просить не стал. Отправили его в опасное место, там голову и сложил. Вон мать твоя все твердит о ней: «Ляля счастливая!» Вроде как смеется! Как же? Ляля-то все потеряла, всю ее родню вывезли в Сибирь и уморили, осталась ни с чем, да ума не хватает этого понять... Что сказать: блаженная!»

– Ее муж был полковник?

– Вроде бы...

Берд улыбался, не зная, чему: то ли ее девичьему голосу, детскому ли тщеславию, которое тешилось воспоминанием о герое-защитнике.

Ляля приносила ворох белья белого и пастельных цветов, кидала на круглый стол: «Выбирай!».

Берд смотрел на белые руки с длинными ровными пальцами без колец, мерцающими перламутровыми овалами ногтей. Она смеялась без видимого повода, будто смех до краев заполнял ее внутри; так что нужен был лишь ничтожный повод, чтобы он вырвался на свободу.

Впервые увидев ее, он испугался собственной мысли о том, что она сумасшедшая: как можно смеяться, если умерли ее дочь и муж, и она осталась совсем одна...

Под тонкой тканью широкого цветного халата, похожего на кимоно, обозначались стройные еще ноги, которые она не ставила вместе, как все знакомые женщины бабушкиного окружения, они складывались так, как ей было удобно. Чаше Ляля свободно расставляла их, как боцман на палубе, опираясь на красиво вылепленные белые ступни и щиколотки, видимые под низким подолом; ее ноги – чаще всего босые – казались бесшабашными, подростковыми. Берд никогда бы не мог подумать, что ноги могут поведать так много. Они были веселые. Дерзкие. Задорные. Насмешливые... Любых слов было мало, чтобы описать эту рвущуюся сквозь нее неуклонную стихийную силу, которую он в ней ощущал, и ему казалось, что она состоит из массы разноцветных переплетенных нитей. Лялины ноги бездумно переступали, перепрыгивали, перелетали через невидимые грозные преграды и запреты – в поисках того, что скрывалось за ними.

Иногда она надевала остроносые тапочки без задников, увенчанные бордовыми пушистыми бубонами, которые беззаботно скидывала, забираясь с ногами в потертое старое кресло. Облаченная в тонкий халат с россыпью редких ярких растений, Ляля напоминала большую охапку весенних цветов. Она вела себя, как девчонка, и ей это шло.

– А на какой войне погиб твой муж? – спросил однажды Берд, преодолев застенчивость.

– Какая разность? – ответила Ляля, путая по обыкновению русские слова. – Мужчины воюют, чтобы стало больше счастья. Так им кажется.

– А-а-а...

– Да, мой мальчик...

Она выгребала из каких-то невидимых углов кучу подарков, как добрая фея из сказки, которая просто материализовывала из воздуха свои желания и капризы.

– Тебе нравится? – спрашивала она у мамы.

Тетка дарила ей кружевное и спортивное белье, тонкие и плотные колготки, гладкие и с ажурным рисунком, цветные, черные и белые майки с причудливыми вставками, платки, косынки и шарфы всех стилей и размеров, разноцветные резинки для волос, бижутерию: броши, цепочки и кольца; словом, кучу чудесных предметов, которые упаковывались в красивые пакеты с запечатанными кусками душистого туалетного мыла. Эти таинственные женские вещи служили для Берда символами чего-то непостижимого и запретного, но не раскрывали их сути. Ляля проявляла недюжинное упорство, заставляя мерить, выбирать и рассматривать подарки. Эти процедуры ей самой доставляли удовольствие больше, чем маме: она брала племянницу за руку, отводя ее на разное расстояние от себя и окна, меняя угол освещения. Мама оказывалась в освещенном янтарном ромбе окна, ее волосы вспыхивали гиацинтовым блеском, глаза цвета спелых каштанов лучились тихим светом. Тонкая, белокожая, с длинной гибкой шеей... «Царица, царица!» – восклицала Ляля с веселым смехом. Мама отбивалась, но вскоре сдавалась, видимо, затем, чтобы доставить удовольствие тетке.

– Если судьба – он найдется, – однажды сказала Ляля, легко прикоснувшись к теплой бледной щеке матери. – Если нет у женщины мужа – она счастлива ребенком. Нет мужа и ребенка – счастлива родней и друзьями. Лишилась родни и друзей – своим домом, нет дома – птицами да цветами, солнцем и луной. А лишилась всего, даже зрения и слуха – счастлива собой, потому что носит в себе целый мир Создателя. Поэтому и сама дарит жизнь, которую Всевышний высекает из нее. Не может женщина не быть счастливой, не в ее это власти!

– А бабушка говорит, что почти все женщины несчастливые! – возразил ей Берд, который оказался при этом разговоре.

– Это те, что были лишены любви... Это самое большое несчастье.

Женщина, с детства знавшая любовь, становится виноградной лозой. В ней самой и ее плодах течет кровь земли. А перед тем, как созреть, виноградная лоза благоухает так, что ее аромат перебивает даже запах чабреца. Этот запах – царь всех ароматов! Виноградная лоза дарит счастье! Каждому, кто ее видит. Но без любви девочка превращается в колючки акации. А мальчик, выросший без любви, вместо того чтобы стать величественным чинаром или могучим дубом, становится слепой дубиной, что мстит всем без разбору...

Очередь Лялиных подарков дошла до Берда: чаще всего она дарила ему носки, бейсболки и майки. А однажды подарила шорты, которые тоже подошли, как и все, что предлагал ее невидимый сундук-кладенец.

«Ты всю пенсию на это убиваешь», – каждый раз мама приходила в нешуточное отчаяние. Это продолжалось до тех пор, пока Берд не сказал ей однажды тихо, но твердо: «Она живет для красоты, а ты ей мешаешь!» Мама как-то странно посмотрела на него и неожиданно порывисто обняла: «Боже, каким же взрослым ты стал!».

– Знаешь, я ведь помню еще мать Ляли, – сказала как-то мать, когда они возвращались домой по вечернему городу. – Я тогда еще была маленькой, но Жанпаго – так ее звали – спросила меня: «Знаешь, что для женщины самое главное? Какая ее черта?» Я отвечала и отвечала: быть послушной... нет-нет, трудолюбивой... Кучу добродетелей назвала. Она все кивала, улыбалась. Да-да, это тоже... Но самого главного она от меня не услышала. Тогда я сама спросила, до того мне стало любопытно.

– Она должна сделать так, чтобы каждый ее близкий смог прикоснуться к раю. Это и есть главное умение женщины, – так сказала мать Ляли.

– А как же красота? – спрашиваю.

– Красота, детка, во все времена, повсюду воскрешала и губила не только великие жизни, но города и страны. А для женщины это лишь временная награда: сегодня есть, завтра – нет... Настоящее богатство – это прежняя сила, что осталась в тебе, та, что жила в наших матерях. Прежняя порода была ближе и к Богу, и к земле... А те, в ком ее уже нет, не прощают отсутствия этого дара... За тобой могут молча следить, сочинять о тебе небылицы, и грязные слова будут следовать за тобой, словно змеи, словно тени. Но если ты из *насэрей адыгэхэр*², то никогда не ответишь тем же! Никогда! Даже если будешь свидетелем смертного греха своего обидчика! Молчи и оставайся собой! Оставайся такой, какая ты есть!

– А как же ум? Разве не важно женщине быть умной?

² Старые (прежние) черкесы.

– Ум и красота – лишь кинжал в руках. У них должен быть хозяин. Кому они служат: добру или злу? Аллаху или шайтану? В черные времена, когда нужда в справедливости становится сильнее жизни, находятся такие, в ком служение добру переплавляется в алмаз, и тогда вместе с оружием ума или красоты оно превращается в такой ослепительный свет, что выжигает всякое зло. Однако без оружия ума ты не продвнешься ни в утверждении добра, ни в насаждении великого зла.

Чем была неотразимая атмосфера Лялиного дома: запахом домашней выпечки, или ее душистого мыла, которое она ревностно подбирала для мамы, служением памяти двух неизменных стражей – портретов, день и ночь охранявших ее покой, высокого, игривого, детского смеха, – так смеются лишь горячо любимые дети, которых купают в теплых потоках любви неустанной, домашней, терпеливой заботы...

Понятие женского благополучия для нее было очень простым, – не убиваться тяжелым трудом. «Я была такой счастливой, когда замуж вышла за своего хозяина: все первые дни просидела на подушках». «Я бы умер со скуки», – подумал Берд и внезапно вспомнил сказание из Нартов, в котором одна героиня весь день только и делала, что пару раз за целый день проходила от одной стены к другой мелкими шагами, как белка. Но при таком странном фольклорном представлении о женском благополучии в Ляле жил напряженный бездумный порыв, в котором дремала отчаянная отвага, и нужен был только случай, чтобы она соскользнула с невидимой тонкой грани и проявила его...

– И ты стояла в углу?

– Конечно! Невесту так испытывают.

– В чем?

– В терпении. Уважении. А еще есть такое сладкое испытание...

Не знаешь?

– Нет...

– Узнаешь в свое время, когда жену в дом приведешь. Невесте мажут губы медом. И она не должна их облизывать. Долго.

Берд хмыкнул: «А это зачем?».

Тетья Ляля таинственно заулыбалась: «А ты подумай!».

Берд задумался.

– Чтоб жизнь была, как мед.

– Вот так сразу? Мед на губах остается надолго и куда проникает?

Ляля выдержала паузу, но Берд молчал.

– В мысли, в душу, в сердце. Потому-то и уста становятся сладкими, добрыми... Женщина добрая, и жизнь ее семьи такая же: как мед для пчел.

Берд знал, что Ляля заставляла ходить его мать с книгами на голове. Когда она еще была девчонкой.

– Зачем? – спросил он как-то Лялю. – Зачем ты ее заставляла носить на голове книги? Это чтобы содержимое книг вошло в голову?

– Какой шутник! – засмеялась Ляля. – Не только книги, еще я брала большую ровную палку, чтобы она держала ее за спиной... Вот так, видишь?

Она взяла швабру и просунула ее между поясницей и сгибом обеих рук.

– А как же? В нашем роду всех девочек так воспитывали... Мы на циновке спали, в прохладной комнате – что зимой, что летом, чтобы до старости фигура сохранялась, чтоб была не хуже, чем у юной девушки! Ходили с тяжелой поклажей в руках, а на голове держали... по времени: наши бабушки – тарелки, а мы – книги... Держишь такую ношу на голове, а при этом ступаешь легко, будто по облаку, да еще следишь за тем, чтобы стать сохранить... Движения должны быть плавные, – ну чисто лебедь на воде!.. А как за стол нас матери сажали? Локти прижаты к бокам, спина негибаемая, как зрелый бамбук! Голова – каменная башня, не покачается!

А зазеваешься, и все книжки с головы летят – прямиком в тарелку! Так-то, дорогой. В гостях еду с тарелки попробуешь чуть-чуть, с одного боку, и отодвигаешь. Будто не касалась... ведь еду испортить – большой грех! Выходишь из-за стола полуголодной. Чтобы не сказали: «*Хьыджэбз ныбэ, ныбэ чей*»³. Перед тем, как в люди выйти, девушка ела дома, чтобы в гостях лишь прикоснулась к еде, и то лишь для того, чтобы хозяев не обидеть. Так нас воспитывали.

Ляля улыбалась. У Берда было ощущение, что он просмотрел короткометражный фильм.

Она указала на одинокую чайную розу в узкой хрустальной вазе.

– Смотри, мой мальчик! Эта роза так давно стоит у меня! Но она не согнулась, нет! Немного головкой поникла, но стебель не гнется, стоит, как стальной!.. Это я. И все твои, что до нас были.

– Столько стараются только затем, чтобы ровно сидеть и ходить?

– Что ты, милый!.. Вот послушай историю, что мне давно мать рассказывала. Пришли к ним как-то незнакомые гости. Спросить не положено: кто, откуда, надолго ли... Накормили, устроили джегу, соседей пригласили, девушек и парней. Хозяин уехал, за старшего сидел наш родственник из другого дома. А гости-то эти оказались абреки, что неподалеку от села обосновались, мы это потом узнали. Они приехали вроде как на разведку, хотели коней увести. У нашей семьи был большой табун породы «*Шольэхъ*»⁴, шолох. Кони такие, что цены им не было. А потом дошел слух, что передумали коней красть. Почему спросишь?

³ Желудок этой девушки подобен бочке.

⁴ Шолох – известная порода кабардинских лошадей.

– У женщин этого рода не спина, а стальной клинок! – сказали. – Тогда какой же нрав у их мужчин?.. Не простят кражи, не оставят нас в живых, – так решили абреки.

А то бывает, жизнь низко наклоняет, так низко, что кажется, больше не разогнуться. Делает так, чтобы руки превратились в ноги и бегали мы, как звери, на четырех ногах. Да не тут-то было! Наши матери, бабушки, их матери, бабушки, – если колесо вспять повернуть на тысячи лет назад до самой нашей первой праматери – все разгибали наши хребты, пока они не достигли гибкости ивового стебля и крепости самшита. И костяной хребет превратили в пружину! Пригибает его жизнь к земле, а он распрямляется, да еще пружинит, будто стебель с цветком: наклони его, а он выпрямляется, да еще головкой покачивает.

– Поэтому черкесы спрашивают: «Дауэ ушыт?»⁵

– Именно так, мой мальчик! Иные спрашивают «как дела?» или «как жизнь?». А подумать: какие дела, если он качается или падает? Или вроде стоит на ногах, но не крепко?.. Да, Берд... Вот поэтому каждая наша девушка – что твоя стрела с наконечником, что норовит в небо улететь, – сказала тетя Ляля. – Все в них ровно, все красиво. Только глаза опускают, потому что нехорошо так: глаза в глаза.

– А что в этом плохого?

– Ты вот тоже не знаешь, что в человеке самое опасное – глаза. В иных женских глазах можно утонуть... А в мужских – сгореть. Еще надо помнить, что некоторые особенные мужчины и женщины могут считать тайны по чужим глазам. Все про тебя могут узнать.

То-то, мой мальчик: девушки и женщины глаза опускали, чтоб тайна не улетела. *Пасэрей гъэсыкIэ*⁶... – сказала она по-кабардински. – Теперь все иначе... А ты запомни, что я тебе сказала, – своих дочерей будешь учить!

– Я думал, глаза опускают из-за того, что стесняются.

– Это в юности, – улыбнулась Ляля.

Бабушкины подруги, стоящие на страже «скромности», точно бы с Лялей не согласились и ее бы осудили.

Чем для нее самой был этот остров единственно понятного, теплого детского счастья, в котором запечатлелся уклад давно исчезнувшей семьи, отразившей как в капле воды отсвет ушедших образов, живого тепла, которое она сумела не расплескать, пронося через долгие мутные годы? Он лишь касался Берда, а тот не знал ни слова для обозначения этого неповторимого, легкого, но терпкого аромата прошедшей жизни, который она в себе несла и щедро одаривала его, и каждый нерв, каждая его клетка отзывалась ему.

⁵ Как дела (буквально: как стоишь?).

⁶ Старое (традиционное) воспитание.

Вскоре старый домик тяти Ляли пошел под снос, и она получила однокомнатную квартиру в пятиэтажке.

Теперь вход преграждал равнодушно мигающий рубиновый зрачок домофона. Берд нажимал кнопку, и оживленный высокий голос радостно восклицал: «Заходите!». Они оказывались в тесном лифте с разбитым зеркалом; Берд смотрел на свое отражение, расколотое на отдельные части: подбородок съехал вниз, внешний угол глаза оказался выше внутреннего... Но как только они заходили в квартиру Ляли, он снова слышал неумолчный нежный звон колокольчиков...

Она не изменилась, лишь казалась еще более величественной в съезжившемся пространстве новой квартирки; снова по обеим сторонам окна продолжали свою таинственную жизнь два портрета; точно так же маму и его самого тетка задаривала подарками... Лучились Лялины глаза цвета темного опала; подвижными, свежими и смешливыми оставались мягкие губы, которые на мгновение застывали, когда она задумывалась или была сосредоточена, и собирались во влажный розовый бутон, будто предназначенный для бесплотного поцелуя, адресованного целому миру. По комнате плыл тот же еле уловимый запах душистого мыла... Но теперь мимо приоткрытых окон с протяжным высоким свистом пикировали хищные ласточки, разрезали воздух, завершая удачный финал охоты победоносной мертвой петлей, и Ляля сообщала оживленно, что за все лето в окно не залетел ни один комар. Пространство любого жилища до краев заполнялось ее теплым присутствием; казалось, новые стены, потолок, предметы, вещи напитывались Лялиным светом и даже меняли свою форму в угоду ей, как прирученный дикий зверь, что научился смиренно замирать у ног хозяйки.

Теперь возле пятиэтажки росли старые тополя; они закидывали высоко вверх свои вертикальные черные ветви, похожие за вскинутые застывшие руки. Солнце заливало новорожденные листья одного такого гигантского дерева, дотянувшегося до Лялиного окна; они только перед рассветом развернулись, совершив в темноте свое медлительное чудесное превращение из белесых сморщенных трубочек в резные изумрудные пластины. Отлакированные младенческим гляncем, они искрились плещущим о зелень солнцем, с тыльной стороны тополиные листья были выстланы светлым трогательным пушком, напоминающим первое оперение птенцов или подшерсток юных животных. Берд любил, когда они начинали мелко дрожать, будто их подключили к сети высокого напряжения, листья шумели и волновались.

А однажды откуда-то набежали тяжелые тучи; гневно урча, медленно мрачнел, степенел ветер, набираясь холодного бешенства, бились твердые жесткие ветви под яростными порывами, от которых Берд задыхался и приходил в немой восторг. Мощный столб пыльного потока сбил его дыхание, наотмашь ударил по лицу, шее,

груди, и вот уже первые тяжелые плети воды косо летели вниз из чернеющей закипавшей мути, а за ними внезапно обрушился ливень белесой пенистой стеной, так что он едва успел заскочить в комнату под громкие возгласы женщин. Ливень ширился, обретая страшные размеры, превращался в дикого зверя, который заглушал ревом все разговоры, действия и намерения; он обрушивался с небес, размывал, ломал былые границы. Берд наблюдал, как вода уничтожает картину некогда ясной действительности, которую он только что наблюдал с балкона, она перечеркивалась, отменялась дождем, ее совсем недавно твердые, определенные очертания тонули и уплывали в неудержимом потоке...

Берд зачарованно наблюдал за грозой, пока она не обессилела, злость ее все реже высекала зарницы на горизонте, но еще клубились тучи, и закипали последние приступы непостижимой небесной ярости.

Внезапно в самой толще облаков появилось мутное белое пятно, оно росло и меняло форму, неожиданно обозначилась узкая полоска между всклокоченными краями разорванных ветром туч, которая вспыхнула ослепительным серебристым светом.

Вскоре все успокоилось и небо прояснилось. При взгляде из окна верхнего этажа люди и предметы казались сплюснутыми: между стволами деревьев как ни в чем не бывало расхаживали мамыши с разноцветными колясками, на влажных, но уже теплых бетонных бордюрах грелось кошачье семейство. Оно стремительно исчезло, когда появился старый кобель-доберман, которого хозяин вел на поводке; он лениво лаял басом, будто отбывал надоевшее дежурство или отдавал дань бессмысленной традиции, и по мере того как удалялось его грузное тело с одревеневшими ногами, скованными артрозом, коты постепенно возвращались на свои насиженные места.

Однажды поздно вечером раздался телефонный звонок – плохой, Берд сразу об этом догадался. Звонила соседка тети Ляли: ей стало плохо, ехать в больницу отказывается...

Берд на лету поймал куртку, брошенную мамой впопыхах: «Одевайся, будешь помогать, если что...».

Тетя Ляля лежала с посеревшим лицом, тяжело дышала, но даже теперь она пыталась улыбаться...

– Здесь со всеми жильцами так... – заговорила тетя Ляля с трудом, – ведь этот дом стоит на кладбище...

– О чем ты говоришь? – мама тревожно всматривалась в лицо тетки. – Какое это имеет значение?

– Детка, чему вас учили в школе? Ленин, Маркс... Главному-то вас не научили.

– Берд, выйди, пожалуйста, – и Берд понял, что мама будет уговаривать Лялю лечь в больницу.

Через нижний проем закрытой двери сочился ее тихий голос, растворяясь в тонкой оранжевой полоске света.

Мама вышла, ее лицо было спокойно. Она быстро направилась к телефону, вызвала скорую, быстро, сосредоточенно собрала вещи, коротко уточняя, где лежит та или иная. Пришли люди в белом и занесли носилки с тетей Лялей в салон белой машины. Берда высадили возле дома, а мама поехала с ней дальше.

– *Что ты хочешь знать больше всего?* – спросил его отец.

– *Что на свете самое-самое...*

Тогда отец подарил ему на день рождения огромную энциклопедию с картинками и цветными фотографиями. Берд узнал, что самая высокая гора – Эверест, самая глубокая впадина – Марианская, самый большой город – Нью-Йорк, самая длинная река – Амазонка, самый большой океан – Тихий, самая далекая звезда – Икар, лучи которой достигли Земли лишь через 4,4 миллиарда лет после Большого взрыва.

Отец исчез, когда они с ним читали о самых великих дорогах мира. С тех пор прошел целый год, в котором могли уместиться десять лет.

– *Зачем они нужны, великие дороги?* – спросил тогда Берд.

– *Как ты думаешь?*

– *Побывать в разных местах... А ты что думаешь?*

– *Я думаю, чтобы найти свое счастье.*

Он залез под одеяло, все еще думая об отце... Ему снилась тетя Ляля, тронутая отсветом какого-то нездешнего счастья, которое освещало ее светом давно потухшей звезды, которая так далеко, что синий огонь все еще доходит до земли, хотя ее самой уже давно нет. Этот странный бессмертный свет просачивался, обходя руины разрушенных дворцов, крепостей, сожженных саклей, он пронизывал неизвестные белые кости в толще земли и на мгlistом дне Черного моря.

Но невидимый гигантский маятник внезапно сбивался, и стрелки, запнувшись на миг, начинали двигаться в обратном направлении. Оживали бесплотные силуэты, и шелест когда-то смолкнувшего шепота наполнялся звуками; тысячи забытых предметов, истлевших листьев, имен, слов, смыслов обретали краски, дыхание, биение пульса, и приходило прошлое вместо будущего.

Немеркнущий свет потухшей звезды бесконечно преломлялся в мозаике разбитых зеркал, сложенных небрежной властной рукой времени, которая отражала реальность на свой лад, и в ее перевернутом отражении вчерашний властелин казался рабом, а раб – господином, герой объявлялся преступником, а преступник – героем... Зеркальная мозаика снова сдвигалась с обычной плоскости, возможно, под действием невидимой узкой расселины земли, разворачиваясь под несвойственным углом, и внезапно в бесстрастном зеркальном отражении обозначалась Аппиева дорога –

четыре метра в ширину: плотно подогнанный серый тесаный вулканический базальт, уложенный на слой гальки и цемента... Утоптанная миллионами ног, она слизывала каменным языком неприступные холмы, выпивала болота и водоемы, заполняла их щебнем, глиной, и снова струилась, подминала, сокрушала тяжестью пространства и времени, в своей неотступной, непререкаемой воле к счастью.

Она пролегла в разные стороны – через Италию, Константинополь, Ближний Восток; по обеим сторонам ее высились склепы, высокие рукотворные холмы с погребенными великими полководцами и родоначальниками в боевых доспехах, рядом с ними – прах лошадей в полном торжественном убранстве. Герои покоились на пробитых непокоренных знаменах с истлевшими древками, в окружении верного оружия, спянного с рукой после их славной гибели; в золотых, серебряных и медных украшениях, рядом с дорогой изысканной утварью, великими дарами богам, обитающим в верхнем и нижнем мирах...

Вдоль дороги с обеих сторон выросли кресты с распятыми. Они тянулись в бесконечность, стирая приметы времени, и с высоты нетленных распятий смотрели пустые глаза умерших, сохранивших лишь искру последнего взгляда: в нем навсегда запечатлелось нечеловеческое усилие увидеть неразличимую цель нескончаемой непостижимой дороги.

Широкий, литой каркас, утрамбованный и усмиренный стальной поступью тысяч поколений, лился бесконечной рекой, петлял, изгибался, и снова возвращался в прежнее русло, и вот уже в червонном золоте кровавого закатного солнца тускло мерцали лунные серпы, выгравированные на могильных каменных арках, и настороженная чуткая тишина вздрагивала от угасающих чистых звуков азана с высоких парящих минаретов и каменных башен, затерянных в горных расщелинах... Дорога разветвлялась, огибая горы, вилась в утесах, теряя очертания в вершинах, пробивающих острыми наконечниками низкие тучи, и снова выходила в предгорья.

Но так же, как движение дороги, неукротимый ровный поток тонкой струйки песка тоже никогда не сбивался; перетекая через узкое горлышко из одной емкости песочных часов в другую, – прозрачный силуэт бессмертной восточной красавицы, которая только и делает, что становится с ног на голову и снова на ноги в ожидании очередного лунного цикла, – время замедляло напоследок, и придя в себя после очередного долгого обморока, снова ускоряло свой бессмысленный упорный бег... Тысячи обступающих множущихся отражений в миллионах грубо подогнанных осколков... В них уже невозможно было различить цельный единый мир с его ясными начальными формами, и только этот необъяснимый звездный свет, который несла старая женщина, оставался единственной реальностью, которая давала ему заветную точку опоры.

МАЙКОПСКИЕ ХРОНИКИ ИБРАГИМА ШАОВА

Ибрагим Шаов – писатель-дебютант: в январе 2023 года вышла его повесть «Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас», написанная в соавторстве с Асфаром Шаовым, затем самостоятельно он выпустил еще одну повесть – «Клетка». Теперь на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» публикуются два его рассказа – «Троллейбус» и «Похороны».

Если начинать знакомство с автором по канонам этикета, то прежде всего нужно сказать, что Ибрагим Шаов – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Адыгейского государственного университета. Научно-исследовательская работа, казалось бы, для него ближе, но и творческое начало уже обратило на себя внимание – северокавказский читатель уже хорошо знаком с его текстами.

Повесть «Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас» вышла в январе 2023 года в Нальчике. Она представляет собой образец экзистенциалистской литературы, в которой исследуются проблемы человека, столкнувшегося с экстраординарной жизненной ситуацией (операция по пересадке сердца) и пытающегося в этих обстоятельствах определить, кто он, какой он, каково его место. Иными словами, перед главным героем по имени Адам стоят вопросы самоидентичности и самоопределения. Дать на них сколько-нибудь внятный ответ ему мешает не только затуманенное от медикаментов сознание, но и заполнившие его желания и образы, которые фактически навязаны ему рекламой: Адам грезит глотком кока-колы из стеклянной запотевшей бутылки. Как уж тут разобраться с тем, кто ты есть, если ты без рекламы даже не знаешь, чего ты на самом деле хочешь? Текст повести пересыпан рекламными слоганами напитка, и порой начинает казаться, что эти речевки заменяют герою даже базовые потребности, он становится человеком без эмоций, вместо которых у него – внушенные желания.

Вообще, ассоциативный ряд, который выстраивают авторы, впечатляет, в книге мы находим прямые упоминания более двух десятков имен писателей и философов – от Сократа до Апдайка, аллюзии на фильмы и художников-авангардистов (Мондриан), и даже цитацию икон рэперской субкультуры (Тупак и Баста). Но главным источником вдохновения становится австриец Роберт Музиль и его роман «Человек без свойств», на который соавторы и ориентировались.

Повесть, почти полностью построенная в форме внутреннего

монолога, изобилует меткими афористичными фразами. Герой, который постоянно находится наедине со своими мыслями, например, приходит к выводу, что «сердце не столько физический, сколько трансцендентный орган». И как бы авторы ни пытались увести (сознательно или нет) читательское внимание от этой проблемы, мы мысленно возвращаемся к ней снова и снова: как жить с новым/чужим для тебя сердцем?

Повесть получилась очень дискуссионной и мало кого оставляющей равнодушной. Почти сразу после ее выхода она была принята к публикации в литературно-художественный журнал «Дарьял». После этого в Нальчике, Владикавказе, Магасе, Майкопе прошли ее обсуждения на различных площадках – от книжных клубов до телеинтервью.

Вслед за «Пациентом» Ибрагим Шаов выпускает повесть «Клетка», которая сегодня уже стала бестселлером в Адыгее. Причин такой популярности сразу несколько. В первую очередь, привлекает к ней внимание то, что книга основана на реальных событиях: в истории отношений главной героини Эммы и ее мужа Анзаура легко угадывается история Нурбия Емиж, известного в Адыгее артиста, автора и исполнителя песен. Но такая очевидная причина интереса к «Клетке» не умаляет других – чисто литературных достоинств. Во-первых, это сложная задача, которую поставил себе писатель: повествование идет от лица главной героини, в связи с чем возникает огромный спектр литературных задач, важнейшая из которых – убедительных психологический портрет Эммы. Для начинающего автора – это вызов самому себе.

«Клетка» становится во многом полем экспериментов для Ибрагима Шаова, где он не только вживается в женское сознание, но и пробует свои силы в различных формах – от описания до построения детективного сюжета. Экспозицией повести становится рассказ главной героини о самой себе, своей внешности и характере. Однако у этой первой главы есть еще одна важная композиционная функция, поскольку вместе с последней она замкнет сюжет в кольцо, заставив читателя вернуться к самому началу и понять, что на все закинутые писателем удочки он «клюнул».

Центральное место в этой части книги занимает описание так называемой клетки – дворового пространства, ограниченного четырьмя домами. Автор не просто дает нам декорации, в которых будет разыграна эта история, но прекрасно передает атмосферу клетки, каких было миллионы в огромной стране, и в которых на рубеже эпох складывались свои законы чести и свои представления о благородстве. Многих клетка ломает и, как говорится в повести, «делает из жителей неправильных квадратно-прямоугольных людей с тупоугольными сердцами». По сути, история Эммы – это рассказ о том, как клетка,

в которой мы оказываемся – по вине социума, семьи или самих себя, трансформирует нас, и отнюдь не в лучшую сторону.

Пластичность языка Ибрагима Шаова, его собственный стиль обретают в этой повести силу и позволяют предугадать дальнейший писательский рост. И рассказы, представленные в настоящей подборке, – «Троллейбус» и «Похороны» – убеждают читателя, что этот рост очевиден.

В этих майкопских хрониках выбрана фрагментарная оптика: автор выхватывает какой-то эпизод («Троллейбус») или повседневную практику («Похороны») и через них всматривается в себя, в тот путь, что им пройден, – с какого-то определенного этапа по сегодняшней день. В первом из рассказов машиной времени становится обычный троллейбус, который возвращает альтер эго писателя в воспоминания о юности, он постоянно сопоставляет свои ощущения тогда и сейчас: раньше до поручней надо было тянуться, а теперь – они на уровне головы, раньше хотелось смотреть в окно, а теперь – наблюдать за людьми в салоне, раньше было много надежд и планов, а теперь – «мечты ушли, остались только невнятные желания». Герой как будто бы увидел себя сегодняшнего впервые – «обуржуазившегося» и забывшего законы сосуществования в общественном транспорте, поскольку давно уже привык смотреть на мир из окна собственного автомобиля. И ретроспекция, подаренная ему случайной вечерней поездкой в полупустом троллейбусе – это, по сути, еще и саморефлексия о том, что было бы, сложились обстоятельства немного иначе, ведь сообщество дремлющих пассажиров постепенно затягивает героя в кульминационной сцене спора проспавшей свою остановку бабки с водителем и контролером.

Эта же рефлексия о возможных, но не случившихся жизненных сценариях становится лейтмотивом второго рассказа – «Похороны». Герой приезжает в свой старый двор на похороны бывшего соседа Ромы, здесь он словно бы встречается с прошлым и теперь уже двор с его жителями становится тем биноклем, который отдаляет настоящее и приближает давно ушедшее, параллельно помогая разобраться в превратностях не случившегося. Здесь стоит процитировать диалог главного героя с его товарищем Капланом:

«– Я не могу без смеха на них смотреть. – Каплан вытащил меня из воспоминаний. – Все алкаши в твоей одежде... Ты что, до сих пор им одежду привозишь? – спросил Каплан.

– Привозил Роме – он раздавал на свое усмотрение.

...

– Хорошо, что они в твоей одежде. Можно легко представить, как бы ты выглядел, если бы пил, – пошутил Каплан».

Эти вырванные из повседневности случаи (нет ведь ничего

особенного в том, чтобы проехаться на троллейбусе или сходить на собор (названия) наделяют героя возможностью если не пересмотреть свою жизнь, то взглянуть под новым углом на какие-то ее повороты и заметить, как зарастают тропинки, что вели в детство. Казалось, их всегда и легко найдешь на том же месте, но в какой-то момент ты ощущаешь себя чужим там, где когда-то проходила твоя жизнь. И не то, чтобы тебе не нравится быть тем, кем ты стал теперь, просто всегда грустно осознавать, как что-то уходит от тебя навсегда.

Современная русскоязычная проза переживает сегодня второе рождение и получает все большее место в литературном процессе, на него делают основную ставку различные институции. И в адыгской литературе этот процесс тоже все более ощутим. Ибрагим Шаов встает в ряд современных адыгских русскоязычных авторов и привносит в это явление глубоко индивидуальное мироощущение, собственный стиль, который обретает все более узнаваемые черты, оставляя при этом пространство для экспериментов и трансформаций.

Ибрагим ШАОВ

ТРОЛЛЕЙБУС

Рассказ

Жарким августовским вечером я засиделся у друзей дольше обычного. Погода располагала к прогулке, и потому идея вызвать такси отпала сама собой. Днем, когда южное солнце нещадно палит, пройтись по любимому городу нет никакой возможности: мягковатый от жары асфальт обжигает ступни даже сквозь мокасины. Однако ближе к ночи зной спадает, и прохладный горный ветерок приятно освежает тело, приводя в порядок мысли, помутненные минувшей духотой.

Пройдя пару кварталов, я заметил приближающийся троллейбус. Он был точь-в-точь как в детстве, только с рекламной надписью на весь борт «Приходи служить по контракту» и номером телефона. Рядом остановка, мелькнуло в голове. Наверно, это последний рейс... Спонтанно нахлынувшая ностальгия по беззаботным школьным денькам притянула меня к распахнутым дверям троллейбуса и затянула внутрь. Скрипучие двери сомкнулись за спиной. Я стоял в слабо освещенном салоне, интерьер которого, кажется, совсем не изменился с момента моей последней поездки тридцатилетней давности. А ведь старым он был еще тогда! Вроде бы все, как прежде, даже запах дешевой дерматиновой обивки кресел тот же. Разве что потолок тогда был выше. И еще поручни: в детстве, помню, до верхних, горизонтальных,

приходилось тянуться изо всех сил, а теперь они – вровень с головой.

В почти пустом салоне меня встретили равнодушно-утомленными взглядами несколько пассажиров и женщина-кондуктор в жилете канареечного цвета. Мне показалось, я ее узнал, впрочем, так же я мог «узнать» любого другого кондуктора в любом другом городе страны. Профессия оставляет неизгладимый отпечаток на внешности не только у кондукторов, но и у электриков, сантехников, продавцов и парикмахеров, преподавателей и врачей.

– Поезд – двадцать рублей, – сказала кондукторша, подойдя.

Не думаю, что она каждому пассажиру сообщает об этом: тот, кто ежедневно пользуется общественным транспортом, прекрасно знает цену. Отсканировав меня взглядом, она, вероятно, сразу поняла, что я – случайный попутчик, которого просто занесло не в те двери. Опыт кондуктора как-никак исчисляется в тысячах километров, и чем протяженнее дистанция, тем пронизательнее кондуктор.

– Двадцать? – переспросил я и только тут вспомнил, что в кармане у меня лишь кредитка. – Вот черт... К сожалению, я не взял наличные.

– Не беда, – отозвалась кондукторша и протянула новенький портативный терминал.

– Какой прогресс! – обрадовался я, прикладывая к нему карту.

После характерного пикания из терминала показался билет. Я вытянул его двумя пальцами и стал по старой привычке озираясь в поисках компостера, чем окончательно убедил кондукторшу в случайности моей поездки в троллейбусе.

– Уже давно не пробиваем, – дежурно сообщила она, развернувшись и двинувшись прочь.

Глядя ей вслед, я пришел к выводу, что мой вид резко контрастирует с одеждой ее постоянных пассажиров. Не было во мне «пролетарской небрежности», слишком уж «обуржуазился» я к своим сорока трем годам. Троллейбусный мир не принял меня...

Я выбрал задние сдвоенные сиденья и расположился у окна. Кондиционеров не было, через открытые форточки вливались потоки свежего воздуха. «Поедем с ветерком!» – мелькнуло в голове, и тут же припомнилось, что обычно из-за открытых окошек случались настоящие троллейбусные баталии.

Цвет сидений когда-то был коричневым, сейчас стал серым. Зато пупырчатый резиновый пол остался прежним, только теперь он пересекается многочисленными стальными заплатками. Узнаваемый разгонный вой троллейбуса вперемешку со щелчками что-то пробудили во мне: я будто бы какой-то частью себя вернулся в светлое советское детство. «А неплохо было бы смотаться туда на этом троллейбусе, – подумалось мимоходом. – Побыл бы там недолго, перевел дух. Отвлекся бы от того сумасшествия, что мы зовем настоящим...»

– Остановка «Школьная», следующая – «Кольцова», – объявили из динамиков.

Подобно капсуле времени, «тралик» все-таки пустил меня в плавание по юношеским воспоминаниям.

Этим самым маршрутом я добирался до репетиторов – готовился к поступлению в универ. Обрато шел уже пешком в компании друзей. Помню, как мы напропалую спорили, шутили, делились мечтами о взрослой жизни. Почти ничего не сбылось – мечты ушли, остались только невнятные желания...

Раньше взгляд притягивали мелькающие за окном виды родных улиц, но в этот вечер мне почему-то хотелось смотреть на то, что делается в салоне. Я представил себя на заднем ряду кинотеатра – в котором тоже, кстати, не бывал вот уже несколько лет. Всего нас ехало трое, не считая кондукторши и, разумеется, водителя. Лицом ко мне, в передней части салона, сидел вроде как подвыпивший мужчина средних лет; он безмятежно дремал, уткнувшись небритым подбородком в грудь. Справа от него, заняв сразу два сиденья, разместились дородная женщина преклонного возраста, с двумя большими сумками в ногах. Кондукторша с полузакрытыми глазами сидела на специально отведенном месте; казалось, она спит на посту, но это, конечно, было не так. Ее сон не притуплял бдительности, она все еще была на «охоте», ни один «заяц» не проскочит.

– Остановка «Кольцова», следующая – «Адыгейская». Осторожно, двери закрываются, – объявили в динамиках.

В такие моменты подвыпивший мужчина пробуждался и повторял заплетающимся языком название остановок.

Зашел юноша лет пятнадцати, повертел туда-сюда головой и – вот тебе на – направился в мою сторону. Примостившись рядом со мной, он стал ерзать на сиденье и покусывать ногти. «Со странностями...» – подумал я равнодушно, просто сообщая себе это.

К юноше подошла кондукторша:

– Оплачивай!

– Теть Тань, – просительно отозвался он, – я до конечной, у меня ничего нет.

Кондукторша устало вздохнула.

– Каждый раз одно и то же.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но я сказал:

– Давайте я за него оплачу.

– Не надо, – проговорила кондукторша через плечо. – Он так весь день катается.

Троллейбус набрал скорость, и пассажиры, как по мановению волшебной палочки, стали погружаться в сон. Даже ерзающий юноша успокоился и опустил припухшие красноватые веки. «Хоть бы

водитель не уснул», – подумалось мне, впрочем, безо всякой тревоги. А то дрыхнем, как в поезде...

На границе сна и бодрствования мысли приходят без стука, непрошенными гостями. По сути, троллейбус – это прародитель современных электрокаров или даже модных электросамокатов. Только с рожками и по строго отведенному маршруту, – но принцип работы тот же. Каково быть стареющим троллейбусом в быстро меняющемся мире?!.. Сопоставление троллейбуса с самокатом мне понравилось, и я похвалил себя за наблюдательность.

Водитель лихо вел троллейбус. Мы то набирали, то сбавляли скорость, маневрируя в потоке немногочисленных машин. Особого смысла в этом не было, но я решил, что таким способом он не дает себе уснуть под конец рабочего дня. А может, троллейбус здесь – главный, а водитель спит так же, как и все мы?.. Захотелось пройти к кабине и посмотреть, бодрствует ли он. Но мне было лень, и я быстро отказался от этой затеи.

Меня тоже потянуло в сон, веки начали слипаться. «Все-таки в троллейбусе есть нечто магическое, – думалось между тем. – Разгон, торможение, щелчки, моргающие лампы в мутных плафонах и, главное – дружно дремлющие пассажиры. Все это заставляет подчиниться общей расслабляющей атмосфере...»

– Остановка «Улица Победы», следующая – «Центральный рынок». Осторожно, двери закрываются.

Никто не собирался выходить или входить, потому водитель сразу закрыл двери и продолжил движение. Бабуля с сумками, опомнившись в последний момент, заголосила на весь салон:

– Стой! Моя остановка! Открой двери, ирод! Стой!

Водитель резко дал по тормозам и распахнул двери. Похоже, престарелая пассажирка, сама того не подозревая, задела натянутые, как тетива, душевные струны троллейбусного сообщества.

– Ты что, спишь на ходу, старая?! – вскакивая со своего места, возопила кондукторша. – И так каждый раз! Оглохла? Не слышишь свою остановку и нас еще поносишь?!

Тут же из кабины показался лысый водитель в расстегнутой до пупа рубашке.

– Ты кого назвала иродом? – осведомился он неприятным фальцетом. – Я весь день вас по жаре катаю, и вот она, благодарность!

– Ни стыда, ни совести! Еще и в возрасте, – поддержал его мой молодой сосед.

– Не хулигань, бабуля... – пробурчал подвыпивший мужик, безуспешно попытался приподняться, но, осознав тщетность этой попытки, сдался и плюхнулся на место.

– Да горите вы все синим пламенем! – Бабка сгребла сумки и, пыхтя, двинулась к дверям. – Проклятые!

– Ай-яй-яй, еще проклинает! Тьфу на тебя!.. – дальше кондукторша перешла на нецензурную брань.

Бабуля с усталой народной прямокой ответила тем же и спешно покинула троллейбус, точно за дверями ее ждала другая, счастливая, жизнь. Весь ее вид кричал о том, что поездка с нами была недоразумением, досадной случайностью, и больше такого не повторится.

Водитель вернулся за руль, и мы пустились дальше по маршруту.

Участники спонтанно возникшей драмы притихли на своих местах и постепенно обмякли. Видно, не впервой они играли эти свои роли. Актеры... Троллейбусный дух вновь окутал всех приятной дремотой, люди прикрыли глаза. А может, ничего не было, и все это мне снится?... – подумалось в промежутке между двумя липкими морганиями. Веки все тяжелели, и в какой-то момент я отказался их раскрывать.

«Только не проспи свою остановку, – предупредил я себя. – Но, если вдруг кто-то опоздает с выходом, молчать не стану...»

ПОХОРОНЫ

Рассказ

Сегодня воскресенье, мой единственный выходной день, но мне, увы, нужно сходить на похороны. Причем обязательно. Шансов на то, что покойник воскреснет, мало, – он прожил слишком грешную жизнь. Смерть не выбирает дни недели – дата похорон всегда непредсказуема. Похороны могут выпасть на Новый год, на 1 апреля и, тем более, на выходные. Кому как повезет...

В детстве я относился к похоронам равнодушно – не радостно и не грустно. Единственным неудобством, которое несли с собой похороны, было то, что они останавливали дворовые игры. Мы переставали гонять мяч, собирались в кучу и с нетерпением ждали, когда траурная процессия покинет двор. Жизнь на некоторое время замирала, а потом все возвращалось на круги своя. Пока гоняешь мяч, тебе некогда задумываться о смерти. Понимание конечности жизни приходит спустя годы. Приходит вместе со страхом быть закопанным в холодную землю. Но со временем мы смиряемся с неизбежным, обманывая себя тем, что с нами это случится нескоро. Всю нашу жизнь нас сопровождает состояние отложенной смерти. В первой половине мы старательно отгоняем мысли о «костлявой», а во второй, наоборот, все чаще и чаще думаем о ней, пытаясь угадать, когда она случится и какой будет.

...Сегодня мы прощаемся с Ромой. Он – типичный дворовый

алкоголик-тунеядец. Рома немного не дожил до пятидесяти. Для человека, неразборчиво пившего любые спиртосодержащие яды, это – почти предельный возраст. Жил Рома в моем старом дворе. Поэтому я просто обязан с ним попрощаться, хотя бы в память о совместно прожитых бок о бок годах и тех задушевных беседах, что мы вели вечерами, сидя на лавочке.

Собравшись, я вышел из дома и сел в машину. Нужно заехать за бывшим соседом – Капланом. Он, как и я, съехал из нашего двора несколько лет назад. Съехал, но душевная привязанность осталась. Мы созвонились. Каплан уже ждал меня у дороги.

«Какой прекрасный весенний день», – подумал я. Солнце теплыми лучами приятно облизывало лицо и согревало подмерзшую за зиму душу. Роме повезло быть похороненным в такой погожий денек. Это, пожалуй, единственное, с чем ему повезло. Да и то, скорее, повезло не ему, а тем, кто придет его хоронить. Роме точно все равно. Нет никакой закономерности в том, кем являлся покойник, и какая будет в день его похорон погода. Мне приходилось хоронить приличных людей в дождь и холод, а всяких выпивох и хулиганов – в такие хорошие дни, как сегодня.

Я приметил на обочине Каплана, плавно сбавил скорость и остановился. Каплан открыл дверь и сел рядом.

– Салам алейкум, Каплан.

– Алейкум салам, – его ответ прозвучал, скорее, весело.

– Он точно умер?

– В этот раз умер.

– Все-таки умер, – грустно проговорил я.

– Да. Я сам уже думал, что он нас переживет. Сколько раз он умирал? – спросил Каплан.

– При мне два раза.

– Бог любит троицу.

– Первый раз он должен был умереть после аварии, – вспомнил я.

– Второй – когда истыкал себя ножом. Восемь дырок проделал в животе. По «белке». Помнишь? – спросил Каплан.

– С внутренними демонами боролся. И еще, однажды мне позвонили и сообщили, что он вот-вот умрет. Мы все собрались во дворе. А он через полчаса пришел на своих двоих.

– Заявился на собственные похороны, – рассмеялся Каплан. – Они тогда напились. Как раз был повод.

Мы замолчали и задумались. Рома... Он не был подлым, гнилым человеком. Безвредный алкоголик с кучей вредных привычек. Он досаждал просьбами, которые крутились вокруг главного Роминого интереса – выпивки. Больше всего покойный доставал Каплана, жившего на первом этаже. И днем и ночью можно было услышать

просительные голоса у его окна. Безотказный Капкан был для местных алкашей «палочкой-выручалочкой». Он выполнял роль строгого, но справедливого отца. Когда надо, журил (мог и в лоб дать), иногда привлекал к общедомовым работам, но чаще безвозмездно помогал чем мог. То денег подкинет, то вытащит из «ментовки», то поможет с госпитализацией. Несмотря на то, что Капкан был старше меня лет на десять, мы с ним поладили с первого дня знакомства. Сблизила нас любовь к тяжелой атлетике. Капкан – мастер спорта, в прошлом профессиональный спортсмен, а я – так, любитель-самоучка. Почти каждый вечер мы посещали его каморку, где была установлена примитивная скамейка для жима лежа со штангой советского образца. Хорошее было время. Стараемся поддерживать связь, хоть и разъехались в разные концы города.

– Штангу не забросил? – спросил я Капкана.

– Тягаю. Привычка – вторая натура. А ты?

– В подвале оборудовал «качалку». Иногда спускаюсь. Но одному как-то скучно тренироваться, – ответил я.

– Приехали. Дом – наш сладкий дом, – пропел Капкан. – Паркуйся.

...Я поставил машину под развесистым платаном, и мы вошли в наш старый двор. У единственного подъезда на ступлях стоял открытый гроб, обитый красным бархатом. Рядом с гробом сидела одетая в черное престарелая мать покойного. Вокруг суетились немногочисленные соседи и Ромины друзья-собутельники. С каждым посещением своего бывшего двора он мне кажется все меньше и меньше. В принципе, за эти годы в нем ничего не изменилось. Таких мест в городе уже немного. Остатки асфальта, трава, проросшая то тут, то там, плохо побеленный фасад и самодельная беседка – все артефакты моего детства на месте и в той же кондиции. Здесь остановилось время. Это – точка воспоминаний. Зашел – и сразу окунулся в прошлое.

Я полюбил, если можно так выразиться, похороны, когда мой возраст хронологически стал ближе к концу, чем к началу. Есть в траурном обряде что-то подлинное, настоящее. Мне нравится смотреть на пришедших проститься с покойником и на то, как они выражают скорбь. Если это не наигранное, искусственное горе, то люди страдают индивидуально, неповторимо. У каждого есть свой почерк и стиль. Кто-то рыдает в голос, кто-то подавленно молчит, но у всех в такие моменты меняется взгляд – он становится отстраненным. Так мы заглядываем в свое будущее. Нас всех ждет смерть, и нас тоже кто-то будет хоронить.

– Здорова, Капкан, – участвующие в траурном событии алкоголики подошли и стали нас приветствовать.

– Привет, привет, – ответил за нас обоих Капкан. – Сколько лет, сколько зим! Как вы тут без нас поживаете?

– Да плохо. В ваших квартирах гады поселились. Один – вертухай, второй – таксист. Зимой снега не выпросишь.

...Пока Каплан беседовал с бывшими подопечными, я вспомнил о жизни здесь. Рома не всегда был запойным алкоголиком. Он родился в обычной трудовой семье. Поздний ребенок – его баловали. В эпоху перестройки Ромин отец быстро сориентировался и ушел в частный бизнес. Он стал «цеховиком-палочником». Первые большие деньги потекли рекой. Машины, импортная бытовая техника, модная одежда и многое другое – в семье было все, что на тот момент можно было купить. С достатком пришло легкое отношение к жизни. Ромин отец стал выпивать. Именно он первым сунул сыну стакан с вином.

– Пей при мне, сынок, – сказал папа малолетнему Роме. – Ни за что не переживай. Я все тебе куплю.

Вскоре папа прогорел и умер. После первого глотка вина Рома так и не смог остановиться. Были в его жизни и наркотики, легкие и тяжелые. Но настоящую страсть покойный испытывал только к алкоголю. Ему он был предан беззаветно. В промежутках беспробудного пьянства Рома успел дважды жениться с разницей в двадцать лет и завести детей. В первом браке родился сын, во втором – дочь. Сын пошел по правильному пути – работает, женат, стал отцом. Ромину дочь отобрали у пьющих родителей органы опеки и отдали на удочерение. Ее дальнейшая судьба не известна, но, думается, она попала в хорошую семью. Был в Роминой жизни еще один эпизод. Однажды Рома попал в аварию. За рулем «Жигулей» сидел его вдрызг пьяный друг. На большой скорости машина влетела в престарелую прохожую. Бедная старушка скончалась до приезда «скорой помощи». Виновник аварии выжил и схлопотал срок. Рома «заработал» открытый перелом руки и получил от государства пенсию по инвалидности. Так ни дня не работавший Рома стал жить или, вернее, пить за государственный счет.

– Я не могу без смеха на них смотреть, – Каплан вытащил меня из воспоминаний. – Все алкаши в твоей одежде.

– «Фунфурик» (так мы прозвали любителя «Боярышника») – в моем спортивном. Никодим – в моих джинсах и кроссовках.

– «Мебельщик» – в твоей куртке. Ты что, до сих пор им одежду привозишь? – спросил Каплан.

– Привозил Роме – он раздавал на свое усмотрение.

– Слышал, Витя-баптист умер?

– Ага. Не выдержал он этого ритма. Так пить, как эти, могут немногие, – ответил я.

– Они все его имущество пропили за два года. Жалко Витю, хороший мужик был, – посетовал Каплан.

– Мне жалко их родственников. Смотри на Ромину маму. Сколько она вытерпела?!

– Отмучилась. Муж ей кровь пил, потом этот. Бедная женщина!

...Пришел священник, ко входу подогнали похоронный микроавтобус. Мы с Капланом подошли ближе ко гробу. Мертвый Рома выглядел гораздо лучше себя последних его лет. Похоронщики здорово поработали над его внешностью. Непривычное зрелище. С открытыми лицами у нас, черкесов, не хоронят. Мы чуть постояли у гроба и отошли в сторонку. Священник что-то еще прочел, мать всхлинула, друзья-алкаши сделали скорбные лица – и на этом прощание окончилось. Никто из присутствующих не стал произносить речь – всем и так было понятно, что хоронят заурядного забулдыгу, а не университетского профессора. Священник ждал вознаграждения, алкаши – поминок. Гроб подняли и понесли в автобус.

– Хорошо, что они в твоей одежде. Можно легко представить, как бы ты выглядел, если бы пил, – пошутил Каплан.

– Помнишь, как он говорил, чем отличается алкаш от просто пьющего человека? – сквозь грустный смех спросил я.

– Обувью.

– Да. Пьющий следит за чистотой обуви, а алкашу уже все равно. Он это громогласно произносил и шел протирать туфли, – вспомнил я. – Будет хохма, если он сейчас встанет с этой фразой на устах.

На чужих похоронах часто хочется смеяться. Говорят, что это – защитная реакция организма на стресс. Но я так не думаю. Просто, быть может, нам смешно и где-то радостно, что сегодня хороним мы, а не нас.

– На кладбище не поедем, – предложил Каплан. – Мы там не понадобится. Они решили экскаватором закапывать.

– Согласен. Давай ко мне. Потренируемся.

Мы сели в машину и поехали в сторону моего нового дома.

– Каплан, мне кажется, сегодня мы похоронили не только Рому, – сказал я своему старшему другу. – Мы навсегда попрощались с этим двором, с частью нашей жизни.

– Да. Больше там делать нечего.

– Придет время и нас понесут, мой друг.

– Все мы там будем. Но, пока не понесли, еще потягаем железо.

Сарбашев Азгор Азретович, родился 9 января 1953 г. в Казахстане, г. Целиноград (Астана). В 1970 г. семья вернулась в Нальчик. Окончил КБГУ, ИТФ, кафедра архитектуры. С детства увлекался рисованием, музыкой (окончил музыкальную школу), пел и играл в оркестре и ансамбле. Стихи начал писать в студенческие годы. Издано три сборника поэзии своих и шесть коллективных. Занимается переводами стихов и прозы с карачаево-балкарского на русский язык. Участник многих выставок картин в Нальчике, Чегеме, Тырныаузе, Черкесске (КЧР), Элисте (Калмыкия). Автор более пятидесяти песен.

ПЕРЕВОДЫ

Харун Акбаев. Молитва

О, Аллах, пусть в родной стороне
Днём светит солнце, ночью – луна.
Чтоб тепла нам хватало вполне;
Жерновам дай с избытком зерна!

Дай надёжного мне скакуна,
И соседа, и друга мне дай;
Испытай нас по жизни сполна,
Но войны нам не посылай!

Дай надежду тому, кто в пути,
При нужде дай терпения нам;
Пусть нам хватит силы идти,
В чёрной скорби дай время слезам!

Песнь родится пусть в светлые дни,
С ней по жизни шагать веселей,
Мать с отцом от болезней храни,
Не позволь им оплакать детей.

О, Аллах, не жалея, дай огня
Наковальни металл раскалить,
И прошу – не забудь и меня –
О любви мне мечту подари!

О, Аллах, пусть в родной стороне
Спящих вовремя будит азан;
Пусть друзья ходят в гости ко мне,
Пусть наполнятся счастьем глаза!

Сафарият Ахматова. «Мама, снова чудо...»

Мама, снова чудо во дворе:
Яблоня весною расцветает,
Как когда-то в детстве, на заре
Лепестками маму осыпает.

Старость подкралась к тебе бочком,
Молодость осталась лишь во взгляде...
Дай-ка, мама, старым гребешком
Расчешу твои седые пряди.

Из пшеничных колосков букет
Я нарву с цветами на лугу,
И с охапкой этою в руке
Я к тебе, как в детстве, прибегу.

Табурет поставив во дворе,
Потянусь рукою к звёздным гроздьям,
Чтобы косы выросли скорей
Без платочка выбегу под дождь я.

Пожеланья добрые в мой путь
Я воспринимаю, как награду.
От тяжёлых мыслей отдохнуть
Под берёзку белую присяду.

Мама станет снова молодой,
Взгляд её – улыбкою согретый...

Только волос мамы, весь седой,
Будет пахнуть яблоневым цветом.

Али Байзуллаев. «Как та сосна...»

Как та сосна, на той скале,
Бок подставляя солнцепёку,
Я проживаю на земле –
Ни проку от меня, ни толку.

И я, как та сосна, стремлюсь
Душою к небесам высоким,
И средь друзей я остаюсь,
По сути, в жизни одиноким.

В мгновенье ока пролетят
Мне предначертанные годы,
Искрой сгоревшей, прочертя
След, тающий на небосводе.

Сосна засохнет, и ветра
Свалят её на камень голый.
Но, может, ночью у костра
Спасётся кто-то в лютый холод.

Поверь, идущий мне вослед,
В нелёгкий день я вышел в путь,
Добро творить я на земле
Хотел. И в этом моя суть.

Стихами плачь, студи любовный пыл!
И в стуже одиночества помёрзни.
Ты девушку... Нет! Ангела любил.
Но променял её на ведьму. Её козни.
Так что, живи, мечтая, мой герой,
И над собою хохоча, ты знай:
Ты ешь непропечённый хлеб сырой,
А коль не хочешь – молча голодай!

Любовь Ахматова. «По весне так красиво...»

По весне так красиво черешня цветёт!
Ветерок лепестки по Быллыму несёт.
По весне твою душу согреет тепло,
Солнце скалы вдали озаряет светло.
Травы склонов поют, цветами звеня,
Ты обманешься сам и обманешь меня.
По весне ливень небо на землю прольёт,
Я, очнувшись, надежду отправлю в полёт...
Но весна, как пришла, так вернётся назад,
И тоски пелена затуманит глаза...
Но останутся с нами оковы любви,
Я прошу – за собою меня не зови!
Время не остановит размеренный бег.
Наши горы укроет безжизненный снег.

Ты жди. Когда-нибудь вернусь
И вновь открою своё сердце,
И в плавных грёзах даст согреться
Тебе моя седая грусть.

Последним снегом занесло
Округу и больную душу
Мою... Мне не грустить бы лучше,
Но грусть засыпала село.

Послушай, белая скала,
И ты, дрожащая осина,
Я знаю: ждать невыносимо...
Ждала бы, если бы могла.

Жди листьев золочёных грусть,
Я вас омою, став дождём.
Последний снег, пришедший днём,
Жди. Я к тебе ещё вернусь.

ГРАВИТАЦИЯ

Рассказ

...узкая улица, город, где родился, облупившаяся краска на двери; обо мне, об ореховой роще, обо всех, кого любили однажды.

Думаем, что ненадолго уезжаем от родных очагов, а вдруг оказывается – навсегда. Кто, придя в этот мир, увидел свет, тот не узрит ничего, кроме света. Кто родился свободным, тот не подумает о мире как о тюрьме.

От нас требуют, чтобы мы стёрли память о тех, кто нас создал, я сделаю вид, что им покорна, но они не увидят ту искру, что горит в самых тайных, потаённых глубинах разума. Я заслону это копной волос, стряхну морок, делая вид, что убираю с глаз чёлку. Это не ваше, оно принадлежит только мне.

Разведчик всё же провалился, и провал приехал на синем горбатом запорожце папиного друга – машиниста мостового крана Жорика, потому что Даньфос решил купить две бутылки сладкой воды «Саяны», а ещё потому, что во дворе у его друга Илико под пластиковым навесом с зелёной ребристой крышей стоит стол для пинг-понга, у меня детский разряд, и я играю лучше Даньфоса и Илико, а эти не могут понять, почему проигрывают, оба мокрые и разгорячённые.

Я ворона, как всегда, не ждала ничего подобного, глазела на улицу за телефонной будкой и пошла к дверям чёрного пластика с алюминиевыми уголками.

Даня и Илико зашли в хозяйственный магазин, который за соседней дверью, только почему-то из ядовито-синего, как медный купорос, пластика с такими же алюминиевыми уголками и большими прямоугольными датчиками сигнализации, как и дверь соседней части магазина, но эта дверь с окошками и, в отличие от той, что на продовольственном магазине, не двустворчатая, а одностворчатая.

Я зашла за телефонную будку, пила из горлышка колючую лечебно-столовую воду «Боржоми», тёплую, потому что с витрины, но полезную, потому что так написано на этикетке, пила, поскольку лето в разгаре и хочется пить.

Илико, показав свои красивые зубы, промолвил: «Даньфос, пошли в хозмаг позырим, там офигенные ножички привезли», – а я стояла возле телефонной будки, из которой всё равно не позвонишь, так как там выбиты стёкла (давно), а микрофон в трубке раскурочен (не очень давно, на днях из этой будки звонила Даньфосу и говорила:

«Струильчик, я на перекрёстке тебя жду»), ненавидела вандалов, потому что придётся звонить у калитки и ждать до тех пор, пока кто-нибудь выйдет, слушая, как разрывается в соседнем доме здоровенная псина, рвёт цепь и гавкает, с понтом я в их драгоценный дом лезу.

Я смотрела, как парни рассматривают ножички, через окно, которое в двери хозмага, поскольку мне ни к чему осуждающий взгляд продавщицы, видевшей этих же парней в компании моей старшей сестры – их ровесницы, или её в их компании, главное, что когда-то на протяжении длительного периода она видела их вместе. По жестам обоим я поняла, догадалась, что повторится сценарий, который уже бывал, сейчас оба пойдут по домам, возьмут у родителей денег и купят по премьерному, ещё отсутствующему в их коллекциях складному ножу с лезвиями, ножничками, шилом – чем бы дитя из обеспеченной семьи ни тешилось... Думаю, что если пойдут за деньгами домой, а потом покупать ножи, попрошу, чтобы и мне купили, раз деньги всё равно некуда девать.

С этими мыслями я вышла из-за будки, где испорченный таксофон и остатки резинового коврика, а также осколок недовыбитого стекла на нижнем сегменте железной рамы для стекол (никому не мешает, вот и не довыбьют никак), выходя из-за вечно открытой двери серой телефонной будки, столкнулась с отцом, роднее всех родных.

У папы в руках авоська, в которой три бутылки портвейна, две бутылки жигулёвского пива, консервная банка «Фарш колбасный любительский» и другая консервная банка «Камбала в томатном соусе», а также бутылка водки, в другой ситуации это говорило бы о том, что у них на Гидрометзаводе аванс, но в нашей ситуации говорило о том, что наплету что-нибудь, лишь бы парни не вышли. Я молчала и глазела на содержимое авоськи.

Илико держал в руках складной ножик, поблескивавший перламутровыми накладками, на Илико канареечного цвета футболка с белой полоской у шеи, русая чёлка и большие, принимавшие цвет окружающего мира серовато-голубые глаза.

«Мелкая, пошли, я буду отыгрываться!»

От неожиданности папа застыл с авоськой в руках, мы оба были совершенно не рады внезапно наступившему случаю нашей спонтанной встречи, но каждый был не рад по-своему.

Если натюрморт под названием «Послеавансовый отдых советского приборостроителя» по традиции будет уничтожаться у нас, потому что наш папа в подпитии ездить по городу не будет, мама пить портвейн не станет, а к водке точно не прикаснётся, то дома меня ждёт втык по полной программе, втык, сопровождаемый нотациями о девической чести, правдивый (это без иронии) рассказ о том, что наша мама – его первая и последняя женщина (они с ней сначала ходили в

один и тот же класс, потом в ЗАГС, потом папа ездил к ней за старшей сестрой в роддом, потом отлучался в ряды советской армии, потом ездил за младшей сестрой в роддом, в тот самый роддом, в том самом больничном городке, куда упирается улица, на которой я сейчас стою).

Тут вышел из магазина Даня, увидел сцену и опять зашёл в хозяйственную дверь.

Мой папа ходит в шахматный клуб, ум у него аналитический, выпивает он только в праздники (не во все), а ещё в аванс и получку, почти всегда или с журналистом Подъяпольским или с дядей Жорой – крановщиком и хозяином этого горбатого запорожца. А так почти всегда трезв, и ум у него аналитический, к тому же приходившего свататься к сестре Даню знает совсем хорошо. Женя Лукашин из фильма на Новый год сбежал от невесты в Ленинград, а сестра сбежала от жениха в Харьков.

Папа сказал, чтобы я ехала домой.

Я сказала, чтобы меня отвезли домой.

Меня посадили на чехословацкий мотоцикл «Чезет», надели шлем.

Мотоцикл медленно доехал до площади с постаментом, где стоит танк, вырулил на прямую линию шоссе и повёз меня в направлении дома.

– Пока, Мелкая. Приходи завтра, в пинг-понг погоняем. Я часиков в шесть буду дома. Может, я пойду, объясню твоим предкам, что ничего нет, ну там всякие шуры-муры.

– Сама справлюсь. Я с завтрашнего дня на Чернышевского буду в старом доме. Придёшь с работы, позвонишь в калитку.

Мой мир разделился на два периода – до поступления в училище и после. Там, в Харькове, я почувствовала почву под ногами, осознала, что не надо во всём слушать родителей, что свободна как никогда.

Мой адрес – не дом и не улица. Это не совсем точно, мои адреса всегда будут дом и улица, просто я точно не знаю, какие дом и улица.

Меня высадили возле парикмахерской, и теперь надо идти между детским садиком и котельной, в этот садик ходит моя маленькая сестра, которая шагает во двор пятиэтажки и направляется в свою подготовительную группу, забор детского сада выходит во двор нашей пятиэтажки, панельной и серой, где возле нашей двери выцарапано разное, это не мой мир, мой мир – старый дом, двор с грушами, абрикосами и черешней, где я пришла в себя, где поняла, что я – Юля, и что есть Юля и весь остальной мир.

Наша квартира – на первом этаже, и все окна выходят на всегда полную машин улицу Гагарина. В первой комнате папа спит после ночной смены. Из этой комнаты попадаешь в нашу, там жили мы втроём, когда я уеду, она скорее всего превратится в папину и мамину спальню, а сестру выселят в проходную комнату, у нас в доме стопроцентная слышимость.

Я знаю, что по ночам люди занимаются этим. Потому что сплю

чутко и у меня отличный слух, хотя может и не очень музыкальный, мы с сестрой художницы, а не музыкантши.

Я захожу в квартиру, смотрю на дулёвский сервиз, на блюдо на стене, расписанное Галей, смотрю на свою картину «Боярыня Морозова» (не путать с классической), моя первая большая работа маслом, когда Даня был к нам вхож на правах жениха сестры и при этом ещё однокурсника, он над этой работой издевался.

Работа на подрамнике висит на стене, хотя и никому, в том числе мне, уже не нравится, на синей двери в нашу комнату прямо по курсу магнитола «Урал», возле окна телевизор, новый, но черно-белый, мама в очках, словно приросшая к швейной машинке, во всём замедленная статика.

Я сыграла на опережение, приехала раньше папы, скушала на кухне тарелку мамино борща и пошла в свою комнату нянчить младшую сестру, я примерная девочка, такая девочка не позволит себе гонять по городу на мотоцикле и играть в теннис со взрослыми парнями (хотя, собственно, почему бы и нет).

В нашей с сестрой комнате нет радио, нет телевизора и магнитофона, нет даже радиоточки, поэтому слышно, как гудят на Гагарина моторы, сигналят клаксоны, чирикают воробьи, как отец снимает обувь, как выкидывает меня маме, как они обсуждают сложившуюся ситуацию.

В этой ситуации у Гали испорчена жизнь, а у меня только начинается портиться, но она будет испорчена, вся судьба исковеркана и, конечно же, Даня (жду, когда же он меня поцелует, но, видимо, не дождусь), Даня, конечно же, виноват.

Папа собрался идти разговаривать с Даниными родителями.

Я знаю, что будет дальше, что скажет Данин отец.

В тот вечер папа и мама долго ещё это обсуждали, у меня сложилось впечатление, что их всё это волнует гораздо больше, чем может волновать меня.

Мне надоело подслушивать их голоса за дверью, и я уснула.

Утро, полное пения птиц, и машин ещё мало, значит рано.

У папы снова первая смена, у мамы в статистическом управлении всегда первая смена, мама пошла сидеть в кабинете, переписывать кулинарные рецепты и работать прочую статистическую работу.

Я делаю наброски на бумаге, которую она приносит из статистического управления.

Перед уходом мама зашла в комнату, попросила, чтобы, когда я высплюсь, я зашла к ней на работу.

Я, конечно же, найду, а теперь надо спать.

Одна в квартире, «Боярыня Морозова» в шубе, которую я лепила массивными мазками, потому что был период в моём творчестве, когда мне очень нравились такие мазки, что весь тюбик уходил на один-

два мазка, и я лепила шубу боярыни из сажи газовой, подмешивая то желтый, то синий, такой период прошёл, боярыня в утреннем освещении оказалась действительно «стрёмной».

То, что боярыня была «стрёмная», прозвучала от Дани в конфетно-букетный период его отношений с сестрой, полагаю, что такого периода у меня не будет.

Я прошлёпала босая по полосатому коврику, по жёлтому паркету, увидела дерево возле ограды детского сада, увидела штору, в комнате было светло и штора прозрачная, взобралась на диван-кровать и сняла «Боярыню Морозову», сначала хотела выбросить в мусорку, но потом подумала, что, исходя из моей гениальности и одарённости, начитанности и целеустремлённости, со временем, если успевать по расписанию трудов праведных, я стану великой, как Андре Дерен, и продаваемой, как Пабло Пикассо, а когда мне будет не хватать денег на покупку дома, ну хотя бы такого, как у Дани, вот тогда «Боярыня Морозова» и будет продана какому-нибудь профану только потому, что это моя работа, и из подобного рассуждения следовало, что работу не следует выбрасывать, а наоборот, следует сохранять и беречь, хотя временно она вызывает у меня нежелательные и болезненные комплексы, подарить картину никому нельзя, а то она будет утрачена, поэтому она временно будет перенесена для начала вечного хранения в запасник на Чернышевского.

В тумбочке, справа от радиолы «Урал-112», устройства на собственных черных ножках, которое хрипло и с треском воспроизводило какую-нибудь одну из стопки запиленных пластинок студии «Мелодия» Апрелевского завода, лежала «Эстрадная орбита», в незапамятные времена привезённая сестрой-первокурсницей из Харькова, поставила песню наугад, в комнату брызнуло «бэйби, бэйби, шуга ми», посмотрела на будущего гения, отразившегося в зеркале серванта, гениальную художницу, заслонённую наборами запылённого хрусталя, осталась вполне довольной внешним видом художницы, ибо Даня всё время говорит, что маленький рост не препятствует большому шарму, и проследовала в маленькую кухню с окном, где в стационарной видимости детский сад, котельная из кирпича с трубой из кирпича (виден только фрагмент трубы, так как котельная близко) и начало частного сектора или конец короткой улицы имени пионера-героя Павлика Морозова, так как в природе есть различные точки зрения на конец, который может быть чьим-то началом.

В холодильнике «Орск» были пачка маргарина «Солнечный», начатая и завернутая, пачка масла сливочного под названием «Крестьянское», начатая и почти до конца допитая бутылка водки и кусок ветчинно-рубленой колбасы, не развёрнутый и оставшийся в серой бумаге, которую продавщица отрывает и кладёт на весы перед

тем, как написать карандашом, какую сумму ты должна выбить в кассе.

В железной хлебнице на холодильнике была половина батона, там же на холодильнике лежали помидоры и огурцы, порезала помидор, для того чтобы завершить им бутерброд, залила кипятком во вчерашнюю заварку.

Предвкушение свободы, или ощущение свободы, или радость от свободы, удовлетворение от того, что вчера не было разговора с мамой и папой, из зала тянет «де рис де хаус ин нью олин», «Лайтиджи соул», «Дом, стоящий там». Даня переводил, что дом в Новом Орлеане и что там во что-то играют и ещё что-то про джинсы, но у меня нет джинсов и денег на джинсы тоже нет.

Даньфос убеждает, что человек должен быть элегантен и красив сам по себе, а не тряпками, которые на нём, и даже не надевает джинсы в последнее время из-за меня, хотя у него есть и коттоновые, и вельветовые.

Вышла к гастроному, который возле большого памятника с человеком в бурке и папахе, ведущим коня, вытащила из дамской сумочки кошелёк, достала двушку, голос Даниной мамы в трубке сказал, что он помогает отцу что-то оформлять.

Рисовать не хотелось, поставила «Тич-Ин» на проигрыватель радиолы и уселась читать «Мастера и Маргариту», с трудом раздобытую Даней.

Этой зимой в моё поле зрения попал журнал с графикой Нади Рушевой. Автор статьи писал, что девочка рано ушла из жизни, а была в области графики гений.

Меня всегда хвалили ещё в подготовительной группе художки за рисунок, но я не замечала, что так привязана к натуре.

Про Надю Рушеву писали, что она рисовала, когда включалось бившее через край воображение.

Я попыталась рисовать, как она, но выяснилось, что я почти не читала книг, кроме тех, что были по школьной программе.

Оказалось, у меня почти совсем нет воображения, а как же стать гениальной художницей и продавать, как Пикассо, каждый рисунок за большие деньги, если нет воображения.

Я решила прочитать роман «Мастер и Маргарита», который был проиллюстрирован Надей, но выяснилось, что его трудно достать. Даня сказал отцу, что страстно хочет самообразовываться, дядя Исай в книголюбской среде, где он вращается, стал спрашивать и, наконец, нашёл: «Москва. «Художественная литература». Книга толстая, с портретом автора, синими полосками и на обложке: «Михаил Булгаков. Романь».

Книга принадлежит какому-то человеку с польской фамилией Стампинский, её дали на десять дней, читать её следует быстро и очень бережно, она в очень хорошем состоянии и обёрнута калькой.

Полоски из-под кальки напоминают тельняшку.

Ставлю на радиолу пластинку Окуджавы, зачем-то мою руки, хотя они чистые, убираю постельное бельё с диван-кровати (мама уходит на работу после папы, часто не успевает, складываю постель в тумбочку, отработанный ритуал).

Я так бы и просидела до вечера с книгой, а потом просмотр телевизора, вынужденный, потому что как минимум обязательна «Вечерняя сказка» младшей сестре, но помнила, что надо заехать к маме в статистическое управление для неприятного (знала, что неприятный, знала, на какую тему, предвидела, как морщины у маминых губ станут ещё глубже, предвидела, как смотрю на её платье а-ля семидесятые, на химическую завивку, на внимательные карие глаза).

Я не могла знать, что моя мама вышла из своего статистического управления, позвонила Даниной матери, они пообщались, и его мама сказала, что у них нормальный сын, порядочный (это было верно в части меня касающейся), но его мама дала моей уверения, что с ним поговорит и «наш сын ничего лишнего себе не позволит, ну ведь вы же понимаете, что мы почти породнились, но тут их досадная ссора, а девочка он просто не хочет обижать».

В холодильнике были купленный вчера квас в эмалированном бидоне и несколько отварных картофелин, я отварила яйца, сделала себе тарелку крошки со сладко-солёным вкусом и читала «Мастера».

В дверь позвонили, эта была соседка тётя Роза из обитой синим дерматином двери на первом этаже, если выходить из нашего коридора, то она окажется справа, сказала, что позвонила моя мама и просила передать, что мне не надо ехать к ней на работу.

Вечером за столом собрались все: папа, мама и сестра из детского сада.

Ужин в большой комнате – обязательный вечерний ритуал, про Даню не было сказано ни слова.

Я спросила, могу ли я взять ключи от старого дома, потому что хочу там порисовать, мне сказали, что безусловно могу, в другом городе они меня контролировать всё равно не смогут.

Я посмотрела с сестрой вечернюю сказку и легла пытаться уснуть, потому что свет мешает сестре и у неё режим, а в другой комнате папа и мама.

До моего отъезда оставалось семнадцать дней.

Я засыпала на своей типовой, вполне приличной деревянной кровати с полированной коричневой спинкой, в комнате с расписанным сестрой блюдом на стене, блюдом под Гжель с озером, домиком у пруда и лодками у причала, в комнате с вьетнамской соломкой на светло-синей двери, в комнате со светло-сиреневыми обоями, в то время как на другом конце города было сказано: «Мама, мне Мелкая очень

нравится, но я точно не трону её до совершеннолетия и свадьбы. И ещё тёлка у меня есть, только с вами не знакомлю, потому что жениться на ней не собираюсь. А вот на Мелкой женюсь, но когда время придёт. Мама, я отца её знаю, мать её знаю, сестру старшую, ой, лучше бы мне её не знать. Пока она не закончит своё училище, пока восемнадцать не станет, клянусь, пальцем не трону».

И сказал отец его: «Верю тебе, сынок. Видать, в прадеда ты пошёл, в Ефрема. О его порядочности вся Колонка знала, ему любую сумму на слово в долг давали люди, какую могли. Ты машину на завтра хотел? Возьми, конечно, поеду завтра с друзьями пивка выпью, а то вечно за рулём да за рулём».

В конце той самой июльской субботы до моего отъезда оставалось двадцать дней.

Я немного офигела, когда увидела струилов силуэт в солнечном из-за хорошей погоды подъезде, все были дома, и папа (меня это насторожило) сказал: «Заходи, чего стоишь».

Даня сказал, что в воскресенье он собирается отметить поступление в университет, берёт на себя ответственность, пить не даст, разве что глоток шампанского, доставит до подъезда, да что вы, какой мотоцикл, на такси, конечно же. Да нет, тётъ Лара, не поздно.

Пойду я или нет, у меня не спросили. Я понимала, что надо идти, потому что они с Галей поссорились из-за того, что он считал, что ей по протоколу надо идти на какое-то мероприятие, где будут все друзья с девушками, а она не хотела.

Кроме того, в Музыкальном театре, который на площади Марии, концерт «Савояров», и он взял мне билет.

После «Савояров» такси с трудом, но поймали.

Засыпала, а в ушах «Кто-то тихо-тихо плачет, за стеною тихо плачет, и желает мне удачи кто-то».

Мне больше всего понравилась песня со словами: «Будь моей дорогой, тихой и забытой, той, что вывести может из лесной глуши».

Мне снится лесная глушь, папоротники, как в доисторическом лесу, мы с папой собираем грибы и входим на поляну, поляна с ярко-жёлтыми цветами, а впереди город.

Мы едем в трамвае, я вижу трамвай сверху, но ощущаю себя внутри, трамвай врезается в стог сена, и я понимаю сверху, что трамвай похож на человека в сенном парике, смотрит на город удивлёнными глазами фар, а я всё ещё внутри, трамвай проезжает мимо прудов, заросших ряской, прудов с водорослями, лягушками, змеями, змеи прыгают в воду и плывут, как лохнесские чудища, но я тарашусь в ветровое стекло трамвая, впереди переливается огромная янтарная лужа и пахнет подсолнечным маслом.

В луже плавает человек в пиджаке, он нарисован проволочной

линией, трамвай переезжает его, а я говорю «папа не дрейфь, он нарисованный», а Струил такой говорит, что «слово нелитературное», а я отвечаю «нелитературное, но пусть не дрейфит, человек нарисованный».

Трамвай врзается в лужу, как струилов «Москвич» прошлой осенью, когда ехали с концерта ансамбля «Флуераш», где были цимбалы, обожаю цимбалы и клавесин.

С ветрового стекла трамвая под «дзинь-дзинь» осыпается солома, капли масла и капли алого, но я не боюсь, нарисованному литератору не больно, просто комсомолка разлила, поэтому такой цвет...

Просыпаюсь от летнего ливня среди ночи, и гром, но маленькая сестра спит, ей хоть бы что.

Июль 1982 год. Воскресенье. До моего отъезда шестнадцать дней.

Это нехорошо, когда двухкомнатная квартира так перенаселена. У меня есть модная черная сумка с ремнём через плечо, с многочисленными отсеками и молниями – Даня отдал. Я просто сказала, какая у него сумка прикольная, а когда ехать домой собиралась, он опустошил её от предметов, в ней находившихся, и повесил мне на плечо. Это было на зимних каникулах, достаточно давно, сумка казалась мне слишком мальчуковой, и я её не таскала.

Я отпросилась у мамы ещё вчера. Не хотела их будить, идти через проходную комнату, где мама спит с папой на диван-кровати.

Сестра младшая проснулась, я сказала, что еду на Чернышевского, взяла сумку, в которой были три рубля, набор косметики старшей сестры и книжка автобусных талонов.

В автобусе цвета охры с коричневым пробила компостером дырки в талоне, автобус полупустой – воскресенье, и этот один из первых.

Погода была такая, про какую сообщают по радио: переменная облачность, временами возможны осадки, ветер слабый до умеренного.

На мне зелёные брюки, застиранная синяя куртка с большим, представляющим мне нелепым воротником, но я сама её когда-то выбрала и пенять не на кого.

Вышла на Головку, посмотрела на странный дом на перекрёстке, вроде обычный частный дом, состоящий из двух половинок, пристроенных друг к другу, но крыши стыкуются как-то нелепо, потому я окрестила этот дом странным.

Две остановки одиннадцатого отсюда до моего дома я никогда не пробиваю талон, потому что никогда не видела, чтобы в этом месте заходили контролёры. Можно и пройти пешком, но автобус виднеется, и он бесплатный по факту.

Выхожу возле дома моего детства. Здесь тени дедушки и бабушки, здесь пыль, деревянные зелёные полы, ковровые дорожки, фарфоровые слоники, строем стоящие на подоконники, книжный шкаф, где раньше

были книги, а теперь те, которые можно было, сдали в букинистический магазин и остались только те, которые в магазин не приняли.

Отодвигаю тяжёлые шторы, комната наполняется светом. Не могу понять, почему мы не живём здесь, ютимся в этой двушке на Стрелке, а сюда мама с папой периодически ходят ночевать. Зачем по дешёвке продали старый холодильник?

Я сижу в пустом доме и думаю, что удеру от мамы и папы, думаю, что не буду жить, как они, и меня пронзает мысль. Если я останусь здесь, в этом городе, то мне придётся жить, как они. Или как живёт Даня. И мне придётся всю жизнь залазить по канату на мансарду, разучивать стойки каратэ, потом кричать «ккиии-а», вбивать ногу на растяжке в грушу, гонять на мотоцикле и втыкать ножи из коллекции в деревянный щит в сарае, это лучше, чем ютиться в квартире с кухней, где и вдвоём не развернуться, знаю, что мама (это дом её родителей) и кто-то из нас, трёх сестёр, останется в этом доме, и кому-то подарят его в качестве приданого.

В пятнадцать лет осознаёшь всё это точно так, как осознаёшь в других возрастах, более зрелых, но это неправда, они не более зрелые, просто более продвинутые вперёд во времени.

Я осознала, что меня ждёт. Есть люди, которые похожи на планеты-гиганты, которые не сходят со своих орбит. Как дядя Исай, Данин отец. Гонял в молодости на мотоцикле «Москва», именуемом в народе «макака», слушал джаз на ламповом магнитофоне, поднимал самодельную штангу и крутил «солнышко» на турнике. А потом пришло время думать о деньгах для семьи, и вот они с сыном берутся за одну работу, за другую.

За меня всё распланировано. Я получаю диплом в училище, потом мне предложат поступить в какой-нибудь институт, потому что в наше время никак не прожить без высшего образования.

С этими мыслями я вошла в свой дом, подумала «взгляни на дом свой, ангел», взглянула на дом свой.

Дом надо обживать, интересно, если его будут продавать, то спросят ли тебя об этом, ангел, взгляни на свой дом.

И сколько мне отпущено, а вдруг завтра что-нибудь случится, Надя Рушева ушла из жизни, когда ей было больше, чем мне, всего на каких-то два года, а она оставила такой след, какой оставляет звезда, которая погасла, но для того, чтобы оставить след погасшей звезды, нужно вначале стать просто звездой, потому что если ты родилась планетой, то от тебя не будет звёздного света, а если ты родилась девочкой, то что ты сделала для того, чтобы стать супердевочкой?

Поехала в магазин на пяточок перед университетом, вновь не прокомпостировала талон. Купила колбасу по два двадцать, половину хлебной буханки, пачку чая и бумажный пакет сахара, сложила всё

это в холщовую сумку с набитым через трафарет портретом Дина Рида, сумку, с которой, отдавая дань тогдашней моде, ходила в школу старшая сестра.

Зажгла газ на кухне, поставила чайник. Колонка в ванной зажглась на удивление легко, почистила ванну.

До трёх дня оставалось время, и я успела прочесть ещё несколько глав «Мастера и Маргариты».

Около двенадцати пришёл Даниэль. Мне не хотелось идти на бал, но мы шли, Даниэль весь такой похожий на Криса Нормана, и я, вероятно, похожая на Сюзи Кватро, только ростом ниже. Я знаю, что лицом похожа на Веру Спинару со старой пластинки, хотелось убрать это сходство, накрасила губы помадой с блёстками, синими под цвет рубашки, навела тени с блёстками.

Мы сели в РАФик, в маршрутку, и я поплелась за Даней на это самое мероприятие.

Квартира с армянской побелкой на третьем этаже пятиэтажки на самой окраине микрорайона Горный, дальше сад за забором из рабицы.

Людей на мероприятии было немного, кроме нас с Даней, ещё три пары.

Сразу бросилось в глаза изобилие спиртного самого разного.

Мне хотелось уйти сразу. Сразу уйти нельзя. Магнитофон «Маяк», проигрыватель «Вега», к которому этот магнитофон подключён, мигающая в такт ритмам из динамиков цветомузыка.

Восемь человек за столом. Стала осматриваться.

В квартире на стенах висели натюрморты маслом в количестве двух и две китайские репродукции большие, в рамках с багетом.

Меня понемногу стало охватывать желание вырваться из предначертанного сценария.

Сейчас Даня скажет: «Девочка со мной, ей только чуть-чуть шампанского».

Парень в вельветовой рубашке и вельветовых брюках разливал водку и коньяк по хрустальным рюмкам.

Я услышала голос Даниэля: «Девушка со мной и поэтому ей шампанского. Но чуть-чуть».

– Мне, пожалуйста, коньяка, вон того, с пятью звёздочками.

Парень стоял в замешательстве, смотрел на Даню.

– Мне, пожалуйста, вот этот фужер коньяка и, пожалуйста, полный, – решительно сказала я и показала на бокал, в который наливали шампанское.

Парень, стоявший на разливе, налил.

– Ну, тогда первый до дна, – с издёвкой произнёс Даня.

Я взяла в вазе апельсин с черным ромбиком на боку, стала чистить.

«Дитя во времени» из динамиков, а мои пальцы чистят апельсин.

Всё под контролем, Юля, помни, как занималась медитацией, ты сделаешь это.

Рыжеволосая и худая девица, которую все звали Мона, долго желала поступившим в институт парням дальнейших больших успехов в учёбе, потом все сдвинули рюмки, я задержала дыхание, влила в себя несколькими глотками коньяк и закусила апельсиновой долькой.

Меня донесут до дома в любом состоянии.

Теперь пить больше не надо. Главное, что больше никто не сможет навязать свою волю, и я сильная. Я так думала, думала ещё полчаса. Потому что, находясь в этой комнате, почувствовала притяжение.

Ярослав – парень в вельветовом пиджаке и рубашке. Это было здесь и сейчас. Я не знаю до сих пор, как это называется. Это была гравитация. Может быть, есть девочки, которые стали старухами, побыв между этим всем мамами, студентками, работницами, но не каждая испытала гравитацию.

От парня в зелёной вельветовой куртке, в такой же вельветовой рубашке и таким же зелёным галстуком-селёдкой, узким, задуманным как аксессуар.

Парень, вероятно, чувствовал то же самое, гравитация имеет свойство равновесности, взаимности и противоречит законам логики и здравого смысла.

Я мечтаю стать астрономом, и если бы не то, что я уже почти стала художником, то считала бы звезды.

– Эй ты, Черная Дыра, а ну встань, перемотай бобину, найди медленную и, главное, длинную музыку и пригласи меня танцевать.

Я говорила это так, как будто парень, к которому я обратилась, был мне знаком уже очень давно. Меня не поймут те, которые не знают, как работает гравитация.

– Ты завтра работаешь?

– Нет.

– Я хочу на озеро.

– Пошли.

– Ты не боишься моего парня, он каратист.

– Ну и что?

– Мы пойдём завтра на озеро?

– Да, прямо с утра.

– Тогда ты сейчас поднимешься и пойдёшь нас провожать.

– Вы уже уходите?

– Я да.

Никто ничего не понял, кроме меня и парня, испытавшего гравитацию.

Был ещё день. Мы вышли к магазину «Орбита», где продают

радиоаппаратуру, юноша – Чёрная Дыра, я, Даня и синеглазая брюнетка с парнем – Черная Дыра.

– Со мной едет Чёрная Дыра. А вы все остаётесь.

Даня ничего не мог понять, он ничего не знает о гравитации.

– Ярик, проводи Мелкую, потом на этом же моторе вернёшься, – сказал Даня, ничего не знавший о гравитации, черных дырах, обо мне и возможности жизни в космосе.

Таксомотор доехал до подъезда.

– Выходи из машины, Космический Объект, – это был не мой голос, а голос гравитации.

Черная Дыра дошёл со мной до синей с потёками двери с надписью «31» (это наша галактика).

Парень вышел из машины, пошёл за мной, он, видимо, впервые под гравитацией, как и я.

– Заходи. Не дрейфь, мои предки ещё не пришли.

Я знала, что в холодильнике стоит начатая водка.

Взяла бутылку, налила в синий фужер на высокой ножке.

– Пей.

– За что?

– За гравитацию!

Ярослав выпил холодную водку, закусил фаршем сосисочным любительским.

– А теперь уходи, я буду пугать унитаза, а потом рисовать. Завтра в девять ноль-ноль ты здесь.

– А вдруг завтра будет дождь и вода холодная?

– Значит, будешь купаться со мной под дождём. Значит, будешь купаться со мной в бурю и землетрясение, если на Курортном озере случится цунами, тоже будешь.

– Замётано.

– Да, подожди, не уходи.

Я взяла лист бумаги из статистического управления, черную шариковую ручку и написала: «Даня, прости меня и спасибо за всё. Больше не возвращайся. Ещё раз прости. Юля».

Когда Ярослав ушёл, взяла папку художника с нарезанными большими кусками хорошего ватмана, которые берегла до особого случая, колонковые кисти, флакон туши и начала рисовать, разложив листы на полу.

Я провалилась в черный, без сновидений сон.

Настало утро, было солнечно и ни облачка.

Мы лежали на пляже и слушали магнитофон «Весна», понедельник и людей было мало.

Мы смотрели на канатную дорогу, кабинки на двоих медленно двигались.

– Юля, почему ты зовёшь меня Гравитация?

- Потому что ты Гравитация.
- Давай поедem на канатке.
- Откуда ты знаешь, что я этого хочу?
- Потому что я Гравитация.

Мы ехали над озером, над Большой Кизилковкой, над кузнечиками и птицами, даже над маленьким облачком, Гравитация привлек мою голову к своей и поцеловал в губы.

Мы целовались до самозабвения на площадке, где заканчивается канатная дорога, а когда я открыла глаза и посмотрела вниз, канатной дороги не было, хотя местность оставалась такой же. Были только бетонные кубы, на которых когда-то стояли опоры канатки.

...Гравитация, а что у тебя в руке? Ну вот это, светится.

...Это телефон, Юлька.

...Покажи.

Я смотрю на свои руки, в них въелась краска, руки в морщинах.

...Гравитация, у тебя есть зеркало?

...Сейчас скачаю, здесь МТС хорошо ловит.

...А что это за женщина в этом маленьком цветном телевизоре? МТС это машинно-тракторная станция?

...Гравитация, а почему эта женщина седая?

БЕТОННЫЕ БАШНИ НА БЫВШИХ ЛУГАХ

Мой отъезд на учёбу больше напоминал бегство. В нашем городе только один поезд, он следует до Москвы, поэтому на вокзале людно только в часы его убытия или прибытия. Боковая полка в плацкарте, из багажа только спортивная сумка. Мой парень всё же пришёл постоять возле родителей, купить младшей сестре мороженое «Ореховый батон» и помахать мне рукой.

Поезд уходил в закат, уже за Докшукино начинало темнеть.

Проводник выдал бельё, и я улеглась на боковой полке, пытаюсь уснуть.

Одно и то же навязчивое воспоминание, ветер, я в лёгком платье, небо быстро становится тёмным, полдень, гремит гром и пахнет намокающим асфальтом.

Мы пешком пришли на Богданку, туда, где граница между пятиэтажками и более старыми двухэтажными домиками.

Забегает в подъезд. Мой парень напоминает Гойко Митича лицом, сходство усиливается из-за длинных чёрных волос.

Поднимаемся на лестничную площадку между вторым и третьим этажом.

Я маленькая и комплекую из-за этого, смотрю на него снизу вверх.

Не могу себе это объяснить, может это магнетизм, может магия, от его прикосновения мир исчезает.

Вздрагиваю от того, что кто-то спускается вниз, отстраняюсь, время уходит от объятий.

Через тучи пробивается свет и бликует на мокром асфальте и шоссе, превратившемся в реку.

До самого конца шоссе на разделительной полосе между автомобилями лежат вывороченные с корнем голубые ели, посаженные когда-то давно и набравшие до бури одинаковую высоту. Возле остановки повален тополь.

Он мне сказал однажды: «Моя маленькая Данаида Монарх».

Мысли похожи на поезд, они идут в сцепке.

Я думаю, что он плохой парень, он стирает прошлое до этих нескольких дней, что мы знакомы.

Я не знаю, каков механизм, как именно это бывает, но когда я на расстоянии одного города, я его ощущаю, как будто моё сознание и его сознание объединяются. Теперь на вопросы, верю ли я в телепатию, буду отвечать: вопрос глупый, знаю, что это. Просто вам не дано. Не всем дано. У меня было. Хорошо, что было.

Картинка повторяется, я уже не борюсь с ней – лицо, как у Гойко Митича, провал, шаги и голоса над нами, очнулась, свет сквозь синее, баклажанного цвета, только по тону светлее и с примесью синего, небо, желто-белое отражение тысячи рябинок на чёрной воде по асфальту и сосны, как на картине «Утро в сосновом лесу», на разделительной полосе между двумя сторонами улицы, только медведицы и медвежат не хватает.

За немногие дни нашего знакомства в моей жизни произошло столько событий, что перевешивает всю остальную жизнь.

Легла головой по движению поезда, и кажется, что я медленно парю над землёй.

Я не смогу этим поделиться ни с мамой, ни с сестрой, потому что под этим его гипнозом ничем приличным мы не занимались. На неприличное уходило много времени, но всё же оставалось и на обычную жизнь.

Неприличное будет навеки моим и его. Неприличное оказалось интересным, но о нём точно не стоит говорить.

Он сказал, что меня надо познакомить с Виктором Петровичем. Виктор Петрович живёт на Горной, это микрорайон такой. Обычный человек, на вид старше моего отца. Виктор Петрович встречался с инопланетянами. Он не носит часов и почти всегда может сказать, сколько сейчас времени, и без них. И на сумасшедшего не похож.

В его комнате были общие тетради разного цвета, они стояли на полке.

Я спросила: «Ты ведёшь дневники?»

Он сказал: «Это не совсем дневники».

Я спросила: «Можно посмотреть?»

Он ответил: «Теперь да».

Одна тетрадь называлась «Сны».

Другая называлась «Те, которых я ощущаю».

Третья называлась «Те, у кого сильный эфир».

И ещё одна, с синей обложкой, называлась «Их нужно подавлять».

Она содержала многочисленные фотографии. На них много учительниц – фотографии были явно предназначены для памяти о светлых школьных годах.

У людей были нарисованы фломастером какие-то шары вокруг голов, мне было объяснено, что это видимый спектр биополя.

Я спросила: «А почему я не вижу?»

Он ответил: «Хорошо, что мало кто видит».

Я спросила: «Почему хорошо, что не видят?»

Он сказал: «Твоё поле закрыто. Очень сильное. Я еле-еле нащупал червоточину».

Я спросила: «Какую червоточину?»

Он сказал: «Ту, через которую произошло слияние. Слияние наших полей. Я не смогу удерживать канал на расстоянии. Тофик Дадашев смог бы. И Мессинг. А у меня дар в разы слабее».

Я спросила: «Как меня угораздило с тобой связаться?»

Он сказал: «Ты бы не смогла сопротивляться, у тебя червоточина».

Я спросила: «Почему я?»

Он ответил: «Эффект Данаиды».

– Какой Данаиды?

– Такая бабочка из семейства нимфалид.

– Почему я ничего не вижу?

– Контакт недостаточно чёткий. Ты очень закрыта. Постоянно пытаешься закрыть червоточину. Из-за этого сложно показать.

– Можешь попробовать?

– Да, но нужно много людей.

Мы пришли в центр, на Республиканскую. Был август. Только что прошёл дождь. Он сказал: повернись к мне спиной и прижмись своим затылком к моему затылку, постарайся, чтобы наши волосы переплелись.

Я потом этого уже не видела. Чёрные кляксы видела, плывущие по воздуху (это сгустки очень опасной энергии, от них надо уходить). И видела спектры над людьми и разных существ, только причудливых, например, собак, у которых нет головы, а там, где голова, ещё один хвост. Молчащие голоса.

Я отёрнула голову. Морок ушёл.

Мой парень стоял как вкопанный. Глаза его смотрели в улицу. Я взяла его за локоть, стала тормошить.

– Ты видел то же, что и я?

- Нет, гораздо хуже.
- Что ты видел?
- Тебе не надо об этом знать.
- Что именно?
- Он приближается.
- Кто?
- Тот, кого не смогу остановить.
- Он страшный?
- Нет. И у меня ещё много времени.

Когда параллельно стоят два поезда, а потом один начинает двигаться, то это вовсе не обязательно тот поезд, в котором ты находишься, мы всегда в плену иллюзий, мы никогда не знаем, какой медиум на нас сейчас воздействует, уезжаю и иллюзия постепенно стирается, чужой эфир становится всё слабее, люди похожи на радиостанции, только у одних волны слабые, у других сильнее, у одних размытые и с помехами, а у некоторых направлены на тебя острыми иглами, присосались к твоей душе, к мозгу, ауре, энергии; ты не знаешь, отдаёшь или наоборот забираешь позабытое знание, очевидная истина, внятная для одних и неприемлемая для других, тем не менее, существующая, осязаемая, вот она, пришла, а твою волю подавили, в тебя вошли липкими щупальцами чужой воли, может с добром, может с деструкцией, разрушением и гибелью, и всё это называется рок, рок не в том смысле, в каком «Битлз» и «Дип Пёпл», рок в понимании Виктора Гюго.

То, что впервые – приключение, во второй раз повтор, в третий обыденность, далее рутина, только приходит грань, когда дальше и рутины нет, нет будней, всё попало в сети времени, ловчую паутину Хроноса, всё, что дыбилось, грохотало колёсами, встречало на вокзале, дарило цветы, задыхалось от счастья – всё стало песком, переплетением веток, безжизненными камнями Марса, мёртвой гравитацией Юпитера, сломанным кольцом Сатурна, время бросать дома и строить новые, и объединено это одним – временем жить, жить, жить.

Тот же вокзал, ночёвка у сестры в общежитии на полу, а утром идти снимать квартиру, потому что потеряли в училище заявление на общежитие, жить где-то надо.

Мне сняли квартиру, и сестра ушла. У неё своя жизнь. У нас одни и те же родители, похожий набор генов и хромосом, но мы разные, у нас разный эфир, разные биополя, разные дороги и разные тайны.

Пришла Светлана Константиновна, хозяйка квартиры, она похожа на Мальвину, а может на группу «Кисс» в мансарде моего друга, преданного и брошенного, оставшегося в городе, по ту сторону рельсов, но коммутатор уже отключен.

«Рисовать красками здесь нельзя, девочка моя (я не твоя девочка, даже не мамина девочка, я знаю, чья теперь девочка, и мне страшно,

вспомнила брошенного парня, он бы мог защитить, он воин, мог бы, но остался на другом конце двух проволочек на поверхности шарика, девочка плачет, а шарик, кажется, улетел), потому что беру с вас немного, а вы можете испортить ковровые дорожки. Но купаться можете каждый день, только очень осторожно, чтобы не протечь на соседней сверху».

Погода стоит жаркая, в этом городе мало деревьев. Вспоминала последний день перед отъездом, когда мы пошли в лес с моим новым парнем.

Мы вышли из троллейбуса в «Дубках» и двинули в сторону гор. На нём была рубашка с длинным рукавом в клетку и горные ботинки из спорттоваров, на мне кеды, мы долго шли по пыльной дороге через дачи, потом он нашёл тропинку, ведущую в чащу вдоль ручья, и мы опять шли несколько километров.

Круча, песчаный крутой склон, горная речушка намыла здесь яму, в которой можно плавать, достаточно большую.

Он снял с себя всё, сказал, давай купаться. Сказал, ты же художница, привыкай к обнажённой натуре.

Я увидела себя впервые вот так, без ничего, только он, вода и небо.

Он был равномерно загорелым, видно, не в первый раз тут купается.

Вода сначала казалась холодной, было не очень глубоко.

Чувствовала ветер, смотрела на водомерок, на упавший с дерева уже пожелтевший листик, и была уверенность, что купаться вот так вполне себе нормально.

А потом мы лежали на спинах, моя мокрая голова капала с волос ему на плечо, смотрели на песок с торчащими из него булыжниками, видели небо, я лежала и думала о космосе.

Если бы он повернулся, чтобы поцеловать, он бы всё испортил.

Но он просто лежал с закрытыми глазами.

Я тоже закрыла глаза, слушала шелест ручья, вибрации листьев, нашла его ладонь, скрестила его пальцы с моими.

На пути домой почувствовала, что кожа слегка обгорела на солнце, и поспешила намазаться сметаной, чтобы мама не увидела, в каких непозволительных местах обгорела.

Новое ощущение дежавю, тоннель от поезда, на этот раз сразу метро, ночёвка на полу на матрасе, квартира в районе Южного вокзала, старые домишки вперемежку с пятиэтажками, вид из окна на какие-то декоративные столбики над башнями Южного вокзала и, наконец, Светлана Константиновна, которую я про себя назвала Мальвиной из-за неестественной чёрно-белой гримировки лица, ушла, и одна в её чудных апартаментах, снятых на две недели, потому что бывшая ученица и выпускница этого училища, она же моя сестра, обещает всё уладить и поселить меня на какой-то Салтовке.

Я взяла общую тетрадь и новую наливную ручку, купленную ещё в прошлый приезд, залила в неё черных чернил, купленных уже в этот приезд, и, вспомнив, что мой позабытый и позаброшенный друг когда-то советовал начать вести дневник (одно дело – начать вести, а другое – куда его прятать, чтобы мама не прочла), решила вести его две недели, пока сестра уладит вопрос с общежитием, а потом куда-нибудь спрятать тетрадь.

У моего нового парня комната, где он живёт, закрывается на ключ и туда никто, кроме него, не заходит. Через две недели я отошлю ему дневник на хранение, да и пусть хоть и прочтёт, у меня всё равно пока нет никаких тайн сокровеннее тех, что связаны с ним.

Для начала я написала:

«25 августа 1982 года. Харьков.

Первый день самостоятельной жизни. В первый раз одна в чужой квартире в другом городе. Прямо роман Осеевой «Динка прощается с детством». Юлька прощается с детством.

Мой новый парень сказал, что перевёл бы книгу, которую мне подарил мой бывший друг, не «Над пропастью во ржи», а «Ловец во ржи», потому что это единственный роман, который он прочёл со словарём в оригинале. Сказал, что начал читать на зимних каникулах и только к весне закончил, потому что читал со словарём.

Что мы имеем на сейчас? Пятьдесят рублей, которые надо растягивать неизвестно на сколько. Старшую сестру, которая собирается использовать свою красоту по максимуму, у неё очередная большая любовь и ей не до меня.

Сестра говорит, что нужно искать москвича, потому что в Москве больше перспектив. Мне же кажется, что я зря привязываюсь к этому пацану так сильно. Когда я у него спросила, а будет ли он мне верен, он ответил, пойдём ко мне в кабинет (так он зовёт свою комнату, в которой я не была, в которой крепкая дверь закрывается на ключ), так вот, он сначала сделает то, в чём он должен быть мне верен, а потом подумает, надо ли. А потом сказал, что до ближайших каникул не женится. Железная логика, купание в речке нагишом это вовсе и не секс, а так, обнажённая натура. На сегодня достаточно.

Самое ужасное в чужом городе это то, что в нем не ориентируешься. Пошла в ближайший гастроном, за сосисками стояла небольшая очередь. Купила грузинский чай в железной коробочке, чтобы насыпать туда потом другую заварку, батон, бутылку молока и бумажный пакетик сахара с розовой надписью «Сахар-песок». Решила, что утром запишу сон, если он мне приснится. Завтра не надо вставать, поэтому нет необходимости заводить будильник. Вынесла его на кухню, чтобы не слушать «тик-так».

Здание училища старинное, ещё дореволюционная. Первого

сентября увидела нашу группу – в ней одиннадцать человек, включая девочку Яну, которой я помогла с рисунком на вступительных экзаменах. Яна села за стол возле меня, она рисовала в общей тетради мотоциклистов и почти не слушала, что говорит преподавательница по живописи.

Нам сказали, что про акварель и гуашь мы можем забыть, в лучшем случае темпера, что грунтованные холсты и подрамники училище не предоставляет, но при желании мы можем это всё или купить здесь, или доставать, где хотим.

Я вспомнила постоянно спящего после третьей смены отца, подумала, что лучше бы нас с сестрой отдали в музыкальную школу, потому что скрипку купила один раз и можно играть на ней до скончания веков.

Мольберты здесь так устроены, что работать за ними приходится стоя. Наш преподаватель по рисунку и класный руководитель по совместительству говорит, что, когда вступим в Союз художников, тогда можно будет рисовать в своей мастерской хоть лёжа, а пока надо терпеть.

Мальчиков здесь пять, один из них, Юрась, за мной явно ухаживает, это заключается в том, что провожает меня до дома. Я ему сказала, что в Энске у меня парень, чтобы он ни на что не надеялся. Юрась из города Люботина, он хорошо знает город, не распускает руки, даже прикоснуться ко мне не пытается. Он кудрявый, русоволосый и невысокого роста, хотя всё же выше меня. Он ходил в украинскую школу, путает украинские слова с русскими, но я его понимаю. Люботин это, по его словам, совсем близко».

«20 сентября 1982 года. Город Богодухов.

Я в гостях у своей новой подруги Яны. У них свой двор. Яна старше меня на два года, она поступила в училище на базе десяти классов и ей не надо ходить на общеобразовательные. Ей сразу предоставили общежитие, мне сказали, что смогу заселиться с первого октября.

Она – единственная дочь у папы с мамой, папа хотел мальчика. У Яны есть мотоцикл «Ява».

Когда я попросила, чтобы она дала проехать, она очень удивилась и, с недоверием посмотрев на меня, сказала: а ты сможешь? Не надо дразнить девочку маленького роста, которая была влюблена в парня на «Чезете».

Я ответила, что в юбке и босоножках, конечно, не смогу.

Она повела меня в свою комнату и открыла шифоньер, сказав: «Выбирай».

Я надела её джинсы, они были мне в обтяжку и длинные, но я подвернула, потом надела её кеды. Она предложила мне ещё и свой шлем, но я ответила, что гонять не буду, и отказалась.

Мы выволокли мотоцикл со двора, и я стала заводить, завела на удивление быстро.

Вырулила на пустую улицу, у них в городе очень мало машин. Вначале ехала очень медленно, вспоминала о своём парне, которого предала перед самым отъездом.

Я не знаю, что в меня вселилось. Я вспомнила, как мы с ним мчались от телебашни, переключилась на максимум и выжала из «Явы» на прямой всё, что она могла.

Показался их, по-видимому, центр города с Домом культуры и стеклянным кафе «Чебурашка». Медленно развернулась и поехала обратно уже медленнее, но не удержалась и обогнала еле плетущиеся «Жигули».

Подумала по дороге, что это в рифму, Яна и «Ява», теперь будет Юля и «Явуля».

Яна смотрела на меня, как, вероятно, мой новый парень смотрел бы на пришельцев, про которых он собирает всё, что находит.

Вечером подкатил её парень на «Восходе», но кататься мне уже не хотелось, и мы пошли во Дворец молодёжи на дискотеку. Какой-то знакомый её парня со странной фамилией Леденёв угощал нас мороженым и шампанским. Зато в ресторане. Её знакомые – нормальные ребята. Если бы мой бывший парень увидел, что я вытворяю, он бы с ума сошёл! Но, собственно говоря, я ничего плохого и не вытворяю. Мне кажется, что «Чезет» немного легче в управлении, но трудно судить, пока не поездишь».

Что дальше? Писать надоело.

На поезд до Харькова пришлось вставать ни свет ни заря, и я собираюсь проспять всё воскресенье. Домашнее задание по физике и математике делать нет никого желания, но придётся. Когда же уже закончатся эти «общеобразовательные».

Вначале был лес, но лес вырубил, потому что надо было сеять рожь или пшеницу, а также сажать картофель.

Но потом город стал наступать, и получился луг. На лугу росли разные травы, среди которых иссоп меловой, волосатик красивейший, козлобородник донецкий, солнцеворот седой, ситник сосочковый и двурядка меловая, а также венерин башмачок настоящий и кокушник длиннорогий.

Среди трав стрекотали кузнечики, жужжали пчёлы, кусались слепни и совали в цветы свои длинные носы неугомонные бабочки-бражники.

А потом в этом месте люди стали стрелять в других людей, несколько человек уронили оружие и остались тут лежать до поры.

Оружие забрали, остались только осколки и стреляные гильзы, а пуль почти не осталось, потому что пули унесли вместе с телами.

Несколько лет подряд сюда приходили коровы, козы и бараны и ели траву, а собаки лаяли на них, а ещё приезжал пастух на лошади,

железка на зубах была прикручена ремешками к её голове, поэтому лошадь отщипывала кусочек какого-либо растения, при этом в основном доставалось клеверу.

А потом пришли люди, установили рельсы и поставили подъёмный кран.

Землю, где росли травы, выкопал экскаватор и сделал котлован, а подъёмный кран поставил в котлован стену из железобетонных блоков, а люди стали жирно мазать эти блоки чёрной смолой, и смола блестела на солнце, было похоже на галоши.

А потом сюда привезли бетонные стены, бетонные потолки и бетонные перекрытия, люди стали зажигать электросварку и с её помощью соединять кусочки арматуры, которые торчали из бетонных плит.

Люди построили девятиэтажное строение, назвали это строение общежитием, и в этом строении стали жить люди.

Некоторые травы здесь тоже остались, но их стало значительно меньше.

Города – это камни, а люди – это капли воды в человеческих реках, люди носят ботинки, и это не даёт им пустить корни.

Маме совсем не понравилось то, что надо платить за квартиру, она взяла на работе неделю в счёт неиспользованного отпуска и билет в купе, потому что не любила ездить в плацкарте, приехала и договорилась с администрацией училища, чтобы меня поселили в общежитии.

Мама несла сумки, я – большой этюдник (если я невысокого роста, это не значит – маленький этюдник), набитый красками, на которые я успела потратить почти все деньги в художественном салоне. Я не Пабло Пикассо и в своём творчестве голубой период не планировала, мне нравился только Леонардо да Винчи, и я всё время думаю, что если стремиться стать таким, как он, то, может быть, станешь хотя бы таким, как Дейнека или Моисеенко, а если не стремиться и малевать то, что заблагорассудится и когда есть настроение, то станешь такой, как Матисс, при этом даже если твои «Красные рыбки» будут в престижном музее, то почти любой современный человек скажет, что у Матисса хромает рисунок, а его работа покажет, что он не знаком с пластической анатомией.

По дороге я рассказывала маме, как в последний день августа у нас было посвящение в студенты, нас вымазывали и разрисовывали красками.

Первого сентября было очень торжественно, потому что нашему училищу именно в этом году исполняется семьдесят лет, в актовом зале, где большой чеканный профиль Ленина, есть уголок славы, портреты выпускников, ставших художниками и художницами, великими и не очень. Однажды здесь будет и моё имя, и мой портрет. Осталось только выдавить несколько десятков тысяч раз масляные краски из нескольких тысяч тюбиков, покрыть ими несколько квадратных километров загрунтованных полотен на подрамниках и подождать.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

«Когда-нибудь, где угодно, ты обязательно найдешь себя, и это, и только это, может стать самым счастливым или самым горьким часом в твоей жизни».

Пабло Неруда

В сторону родины

– А поехали в Нальчик! – сказала Сима мужчине, стоявшему у торца здания Пятигорского автовокзала.

За последние годы куда-то подевались из её речи такие вводные обороты, как «простите, а можно спросить», или «скажите, пожалуйста».

Теперь ей нравилось вот так, по-простецки, с места в карьер огоршить потенциального собеседника.

Она вышла из поезда в Пятигорске, вдохнула полной грудью пока ещё минераловодческий воздух и на выдохе произнесла:

– Дома-а-а.

Не спеша покатила свой чемодан по перрону сквозь плотный заслон таксистов и их разноакцентных призывов:

– Такси, санатории, Эссентуки, Горячеводск, Кисловодск, недорого, по Яндекс.у... – и вынырнула на привокзальную площадь.

Прямо перед ней стояла маршрутка с призывно раскрытой дверью, в перечне остановок которой значился автовокзал. Втащив чемодан в салон, Сима удобно устроилась недалеко от выхода. Пока искала деньги для оплаты проезда, прятала подальше кошелек, тут уже и нужная остановка.

С её последнего приезда на автовокзале все изменилось: автобусы в сторону Нальчика, уходившие раньше через каждые тридцать минут, теперь имели интервал полтора-два часа, занять место в автобусе и заплатить лично водителю было категорически нельзя, билеты продавались в кассах строго по предъявлению паспорта. Хвост микроавтобуса с табличкой «Пятигорск – Нальчик» Сима увидела еще из маршрутного такси и, узнав об интервале, решила искать другой вариант. Ожидать полтора часа до начала движения в сторону родины ей никак не улыбалось.

Вот тут-то она и увидела невысокого пожилого мужчину, явно частного, терпеливо поджидающего своего клиента. Решительно подошла и задала свой вопрос без вводных и реверансов. Он оглянулся, смерил Симу оценивающим взглядом, улыбнулся и сказал:

– А поехали!

Со спины, судя по осанке и седине, видневшейся из-под фуражки, мужчина показался ей пожилым, а когда повернулся, то стало понятно, что он весьма солидного возраста – эдак хорошо за семьдесят.

– А сколько сегодня стоит доехать? – начала прицениваться Сима.

– Вчера было 2300, а сегодня можно за 2200, – ответил водитель.

«Ого!» – подумала Сима. Цена, надо прямо сказать, её ошеломила, но время и цены не стоят на месте, даже в отдельно взятой местности на подступах к родному городу. Она сначала вобрала в себя побольше воздуха, потом звучно его выдохнула, проглотив слова возмущения, открыла заднюю дверцу автомобиля и сказала утвердительно:

– Ладно, поехали за две тысячи!

Это выглядело так, будто учительница сказала двоечнику:

– Ну ладно, Петров! Ставлю тебе три и условно перевожу в шестой класс.

Расположившись на заднем сидении машины, она огляделась и с удовольствием отметила, что автомобилю (а это была «семерка») с хозяином повезло. Видно, что дед машину любит, лелеет и сохраняет этот почти паритет в идеальном состоянии.

Водитель занял своё место, завел двигатель, крикнул и буквально слетел с места стоянки. Как-то быстро промелькнула привычная картина привокзального района и взору предстали бескрайние просторы полей и практически европейский автобан.

Сима немного растерялась, мозг ожидал и хотел драйва от очереди на пункте ГАИ, хамских попыток водителей маршруток в критической зоне слияния двух полос движения вклиниться в ряд без очереди, она была готова опустить стекло и крикнуть: «Рискни здоровьем, урод!» – но не случилось.

Ждала озера Тамбукан, стелы с большими буквами «Кабардино-Балкарская Республика», киосков с чебуреками и пятигорским мороженым на подступах к селу Этоко, потом Залукокоаже, и чтобы обязательно не пропустить глазами поворот на улицу, где жила её давняя подруга и коллега Мария.

Но всё пошло как-то не так. И этот комфорт, который стартовал прямо за Пятигорском, её совсем не радовал.

Сима ехала туда, где время для неё остановилось, бежала от реальности в прошлое, в свой родной Нальчик – город, который хранил её счастливые годы. Она свято верила, что это единственное место, хотя там и не осталось ни одного живого родного человека, в котором произойдет её перезагрузка.

Ей надо было отформатировать свой внутренний диск, обнулиться и двигаться по жизни дальше.

Здесь без подробностей, просто пришло время.

Поля сменились лесополосой вдоль дороги, водитель стал притормаживать, впереди образовалась пробка. Зато справа открылась потрясающая картина – снежные вершины Эльбруса и весь Кавказский хребет лежали как на ладони. Чувство внутреннего подъёма и какой-то гордости охватило Симу, как будто она лично причастна к величию представшей перед ней картины. Затем взгляд привлекло необычное дерево, тонкий ствол которого был плотно обвит его же стеблем. Это явно не было арбоскульптурой ¹, а в роли ландшафтного дизайнера выступила сама природа.

Бигуди

Завитки стебля были похожи на локон, накрученный на тяжелые металлические бигуди.

«Металлические бигуди, – подумала Сима, – это горнило, куда судьба бросала большую часть её современниц, требуя жертв во имя красоты». Сима, как и другие советские женщины, накручивала волосы на бигуди, всю ночь мучилась, потому что спать на них практически было невозможно, разве что только полусидя. Её желание иметь кучерявые, как у мамы, или хотя бы волнистые волосы, как у отца, такие трудности не останавливали, и она терпеливо, на грани мазохизма, проделывала эту процедуру на протяжении долгих лет. А потом в одночасье сбрила волосы, оставив ёжик в семь миллиметров, но в глубине души всё же надеялась – а вдруг они от этого закручатся. Но не срослось.

Так вот, про локоны. Как-то раз Сима с подругой отправились на теплоходе с экскурсией на Валаам. Они решили отдохнуть на широкою ногу и купили дорогие билеты на среднюю палубу трехпалубного судна. Выбрали, как посоветовали в турбюро, каюту на носу корабля, поскольку там меньше ощутима вибрация и не доносится шум от мероприятий. Правда, не всё получилось идеально – девушки не знали, что их палуба прогулочная, поэтому под окнами постоянно кто-то вышагивал.

Путешествие началось с ужина в ресторане: вкусная еда, живая музыка, приятные соседи. Единственное, что омрачало настроение, так это погода: небо затянули тяжелые тучи, заморосил холодный дождь, поднялся ветер. Лечь спать решили пораньше. Ночью Симе снилась огромная, давящая на неё сверху грелка, вода в ней то поднималась вверх, то опускалась на дно. Когда в очередной раз к горлу что-то подкатило, Сима проснулась.

Открыв глаза, она увидела подругу, крепко держащуюся одной

¹ Арбоскульптура – искусство плетения живых растений в причудливые формы.

рукой за стол, другой – отодвигающую шторку иллюминатора. В каюте всё ходило ходуном, теплоход кренился то вправо, то влево, а огромная волна полностью захлестывала стекло. На Ладоге был шторм.

Ужас охватил Симу, она медленно стала раскручивать бигуди и бросать их на пол. В голове крутилась только одна мысль: «Сейчас мы пойдём ко дну, а я, как дура, в бигудях».

– Ты спятила! – закричала подруга. – Пол грязный, а ты туда бросаешь бигуди? Как я их потом буду использовать?!

«Чокнутая, – подумала Сима, – сейчас мы утонем, а она переживает, что бигуди испачкаются».

Они стояли друг друга. О собственной смерти как таковой никто из них не думал, но вот бигуди-и-и-и... Как сейчас вижу себя, вспомнила Сима, – полголовы в ниспадающих локонах, хорошо зафиксированных пивом из ресторана (единственно верное средство для укладки советских времён), и металлические бигуди с бельевыми резиночками для креплений, перекатывающиеся по полу каюты.

Причудливое дерево осталось далеко позади. «Всего лишь выющийся стебель по стволу, а столько воспоминаний», – подумала она.

Всю дорогу машина мчалась на предельно возможной скорости, водитель сновал между машинами, будто играл в тетрис. Впереди возникла арка с надписью «Чегем», вскоре появилась эстакада, затем щит с названием её города.

– Приехали! – услышала она голос водителя.

Надо отметить, что в пути он не навязывал своего общения, и Сима была ему за это благодарна.

– Так всё же, сколько вам лет? – спросила она, получая от деда чемодан в обмен на купюры.

– Восемьдесят! – бодро ответил тот с улыбкой.

Ну, понятно, сделала вывод Сима, так объяснив его резвость: бояться и терять этому Шумахеру уже нечего.

Она едва успела произнести спасибо, как дверь захлопнулась, и машина уже мчалась по кругу в обратный путь.

Сима допустила ошибку, не обговорив конечный пункт в самом Нальчике, и её высадили при въезде, а просить, чтобы довезли по городу, было уже поздно.

Район «Стрелка» особых изменений не претерпел, и это её воодушевило и укрепило в мысли о правильно принятом решении – ехать на родину.

Она осмотрелась, остановка троллейбуса была на прежнем месте, оставалось решить, куда ехать. Гостиницу она не бронировала, не сомневаясь в том, что свободных мест будет предостаточно, однако о запасном аэродроме позаботилась, взяв у Хаджет ключ от её дачи.

Хаджет

Сима ехала в Малый Толмачевский переулочек в визовый центр. До станции метро Третьяковская от дома пятнадцать минут пешком, но подошел троллейбус, и она решила сэкономить время, проехав две остановки. Села на свободное место и услышала женский с хрипотцой голос с ядреным кабардинским акцентом, который размеренно и, пожалуй, терпеливо кому-то описывал по телефону внешность и одежду некоей дамы во всех подробностях.

– Ты легко её вспомнишь, как только увидишь! – говорил голос. – На ней модный мягкий брючный костюм, по типу спортивного, сверху жилетка, всё в пастельных тонах, даже кроссовки.

Москва, троллейбус, кабардинка, казалось бы, что тут странного, она часто встречается здесь земляков, особенно в своём районе. Но этот акцент в сочетании с правильной речью, наполненной неординарной лексикой, привлёк её внимание.

Боковым зрением Сима увидела, что место напротив землячки освободилось, и она в один прыжок, вместе с восторженной (на посторонний взгляд, придурковатой) улыбкой, перелетела на него и усталилась на объект своего внимания.

У женщины была характерная для нашей сельской местности внешность: длинные, собранные в улитку темные, с отросшей сединой у корней волосы, лицо неухоженное, без косметики, темные влажные глаза, взгляд острый и умный. Густые черные брови имели необычное расположение: левая как бы приподнята и находится значительно выше правой. Создавалось впечатление, будто она с большим удивлением смотрит на окружающий мир. Чуть приоткрытый рот демонстрировал былое благосостояние хозяйки в виде золотых проеденных коронок на нижней челюсти. Одета была аккуратно и дорого-богато, но, правда, по меркам 90-х годов. Весь облик говорил о её бережливом и рачительном отношении к вещам, а также скромном достатке. На ней были вязаный костюм а-ля Дом быта «Горный» – пиджак в талию с английским воротником, юбка плиссе темно-серого цвета и шелковая светло-серая блузка, черные туфли модели «Для проблемных ног». Чувствовалось, что рассматривает она Симу, тетку, облившую её своей радостью, еле удерживая смех, не понимая, откуда на неё свалилось 70 кило восторга в 157 сантиметрах роста.

Надо сказать, что красавица Сима была ещё та: темные волосы с короткой стрижкой, крупные уши с большими мочками, большие карие глаза, массивный нос с горбинкой, пухлые, не тронутые современной косметологией губы, правильный овал лица, хотя кто знает, какой он правильный? Про брови я не забыла, просто, когда их раздавали, Сима, вероятнее всего, куда-то отошла. Брови как бы были, но в то же время их никто не видел. В молодости её это задевало, но ровно до

тех пор, пока она не прочла в журнале «Космополитен», что на лице должны выделяться либо губы, либо брови, вдвоем нельзя. Якобы по современным меркам это моветон.

Фигурка была пропорциональная, но грудь, по её собственному мнению, великовата – почти пятый. Где-то прочитала, что такую берут напрокат у Памелы Андерсон, а Сима могла бы поставить в перечень ещё и свои пышные бёдра, куда там Памеле до них.

С одеждой тоже всё хорошо: брюки цвета молодой зеленой травы подшиты, как всегда, сантиметров на 15-18. Из-за маленького роста с самой юности брюки Симе укорачивали, не обрезая лишнего, в надежде, что ещё подрастет, а подворачивали штанину до нужного размера. Так до сей поры она брюки и подшивала, но только сейчас, поймав ироничный взгляд землячки, сообразила, что можно было и обрезать лишние двадцать сантиметров ткани, а не таскать эту тяжесть за собой, ведь перспектива расти ей уже светит только в обратном направлении.

«Почему только под взглядом этой женщины меня осенило, а раньше и в голову не приходило? Ох, непростая она», – подумала Сима.

С кофточкой тоже было всё в порядке – почти оранжевое, выгоревшее на солнце худи с вышитым на груди пайетками оленем, под ним такого же цвета майка с глубоким декольте; на ногах зеленые лаковые туфли с высокой черной подошвой «трактор». Завершала композицию бледно-сиреневая сумка-рюкзак, доставшаяся ей в наследство от коляски внука. Сумку хотели выбросить за ненадобностью, но Сима спасла, и теперь они были неразлучны. Как говорится, и в горе, и в радости. В общем, вид для дамы не первой молодости был слегка экстравагантен.

Каждый раз, встречая земляков, Симе хотелось сказать что-то на кабардинском, типа простых приветствий, но она понимала, что последует ответ, и весь разговор дальше надо будет продолжать на языке, которого она не знает. В её голове был набор расхожих бытовых фраз, который всегда давал ей возможность что-то понять, но произнести эти слова вслух она не рисковала.

Поэтому поспешила объяснить попутчице, что родом из Нальчика, что, не зная кабардинского и балкарского, но заслышав разговор на языках её родины, всегда старается пообщаться с земляками.

Хаджет² (так звали женщину) живо отреагировала на её слова и за одну остановку успела рассказать, что девятнадцать лет живет в Подмоскowie и присматривает за племянником – инвалидом детства. А раньше жила в селении Каменномостское Зольского района, ходила

² Хаджет – кабардино-черкесское имя, образованное от арабского Хаджарат (Хиджрат), в переводе – «паломница, переселение».

в ударниках республиканской кооперации, держала своё кафе и даже однажды покормила обедом самого первого секретаря обкома партии Мальбахова.

Сима едва успела вставить слова сожаления о том, что ей надо будет выходить у метро, как спутница решила сойти вместе с ней и продолжить знакомство, хотя Хаджет надо было ехать дальше.

Она оказалась с Симой почти одного роста, правда, немного горбилась и опиралась на палку, предназначенную для скандинавской ходьбы. Они стояли сбоку от входа в метро, обмениваясь воспоминаниями. Наверное, со стороны картина выглядела комично: два гнома, один из которых, надев всё самое приличное из своего гардероба, направлялся на соболезование в соседнее село. Другой – нацепил яркие шмотки, собираясь эпатировать народ в приличном месте. Рты у собеседниц не закрывались не на секунду.

Сима долго слушала рассказ собеседницы и буквально проживала вместе с ней основные этапы непростой, полной комизма и трагизма жизни. Случайно взгляд скользнул по стрелкам часов, висевшим над входом в метро, её охватил ужас, она катастрофически опаздывала в визовый центр. Предложив обменяться контактами, тут же прокляла эту идею, так как Хаджет с готовностью, но размеренно, выверяя каждое слово, стала рассказывать о своих отношениях с телефоном, историю его появления в её жизни, таинственное исчезновение информации из мессенджеров и так далее. Резко выхватив из рук землячки телефон, Сима тем самым прервала её тираду, набрала свой номер, сделала прозвон, вернула гаджет и нырнула в прохладу московского метрополитена.

Так зародилась дружба этих диаметрально противоположных личностей, которых не связывало ничего и в то же время очень многое – их родная земля.

Приют комедианта

То, что Сима по жизни была со странностями, знали все. И она это ещё раз подтвердила, выбрав своим временным пристанищем в Нальчике необитаемую дачу своей подруги в Долинске, за телевышкой. Историю о том, как она нашла этот «дворец», имея для навигации лишь рассказы Хаджет, можно было продать как сценарий в Болливуд. Душещипательные стенания героини о том, как она добиралась туда со своим чемоданом, как открывала калитку и дом, как разжигала печку, прогревала постельные принадлежности, кипятила воду в закопчённом, выдавшем виды чайнике, по своему слезливому трагизму победили бы любой индийский фильм.

Почти сорок часов дороги и согретое живым огнём нежилое помещение быстро ублажали нашу путешественницу. Усталость даже не дала ей подумать о том, что она вполне могла бы позволить себе

снять люкс в гостинице «Азимут» (локация совсем рядом с дачей, Сима смотрела по карте), принять ванну, заказать вкусный ужин в румсервисе и, наслаждаясь красивым горным пейзажем, отправиться в царство Морфея. Но Сима, будучи урбанисткой до мозга костей, почему-то выбрала этот экстрим на грани мазохизма. Это было её спонтанное решение, как и сама поездка, а точнее бегство, в Нальчик.

Проснувшись на рассвете, не совсем понимая, где находится, наша экстремалка решила, что попала в параллельную вселенную. Осмотревшись по сторонам, поняла, что представшая перед ней картина не очень радует её взор, и быстро из образа попаданки вернулась в реальность. В доме было холодно, не вылезая из-под одеяла, надела приготовленный с вечера наряд, а уж потом принялась за утренний туалет на лоне природы. Лоно природы открыло её взору заросший участок со старыми, давно не выдавшими обрезки деревьями и непроходимой малиновой и ежевичной чащей. Трава сама себя растила, стригла и удобряла всё вокруг. Стояла звенящая тишина, воздух был потрясающе чистым, прозрачным и в то же время каким-то густым и насыщенным. «Парадоксальный набор ощущений», – подумала Сима.

Дом со двора казался перевернутым, он смотрел на неё тусклыми стеклами, обрамленными в неокрашенное дерево рам, и улыбался полумесяцем окна мансарды, похожим на большой рот клоуна. Казалось, что дом говорит: «Ну что, подруга! Как тебе прыжок из цивилизации? Спасибо за сюрприз. Я рад тебе!»

Наружной отделки у дома не было – стены из светлого блока с темно-серыми полосками раствора. «Цемент марки 500» – возникло в голове у гостьи. Сразу вспомнился рассказ Хаджет о том, как тяжело ей давалось строительство, как сама таскала, спасая от влаги, пятидесятикилограммовые мешки с цементом этой марки из-под навеса в дом.

А он ведь ей благодарен за труды, вдруг поняла Сима, стоит тут франтом в клетчатом пальто, сам себя сохраняет и ждет свою хозяйку.

Она решила, что завтракать будет в городе и непременно в старом центре. Захватив свою сумку-рюкзачок, Сима направилась к калитке. Надо отметить, что это был ещё тот шедевр местного зодчества советской эпохи под девизом «Я тебя слепила из того, что было». Каркас калитки был сбит из дощечек от ящика из-под яблок и для укрепления конструкции обтянут сеткой от старой железной кровати. Столбиками служили два ствола деревьев, которые когда-то одаривали хозяйку своими плодами, а теперь охраняют её собственность в таком перевоплощении. Забором служила металлическая, волнистая в некоторых местах сетка-рабица, явная поклонница Макса Авельевича Кюсса и его нетленного вальса «Амурские волны».

Сима выпорхнула из-за забора на дачную улочку королевы, но по мере её продвижения мимо высоченных ограждений, где ворота были произведением искусства художественнойковки стоимостью в несколько миллионов, а дома поражали масштабом и архитектурными изысками, её статус стремительно снижался. Из королевы она превратилась в принцессу, потом в княгиню, потом в мешчанку и выкатилась на улицу Канукоева, о чем она узнала из таблички, Золушкой на тылке.

«Ну и пусть, – подумала Сима, – пусть богатеют и живут счастливо мои земляки!» И решила поднять свой статус, позавтракав в каком-нибудь пафосном месте.

Её город

Пробежав мимо остова ресторана «Долинск», развалин старой грязелечебницы, миновав здание бассейна, бювет, с силой удержав себя от искушения свернуть в «Кьюуанч»³, Сима стремительно пошла вниз по главной аллее парка в поисках пафосного места для завтрака.

Сколько приятных воспоминаний связано с этим местом! Она помнила себя здесь в детской трофейной немецкой коляске в 60-е, на всех маёвках и на встрече рассвета после школьного выпускного вечера в 70-е, в свадебной процессии в 80-е. Потом утренние прогулки за здоровьем и ностальгические – во время отпуска, и вот сейчас – незапланированные явления её величества в её любимом парке.

Длина Центральной аллеи – около 1,5 км, ширина – почти 9 м. По обеим сторонам растут платановидные клены, стриженные кустарники, липы, каштаны. Рядом множество аккуратных открытых полян. В жаркую погоду можно скрыться в тенистой аллее, проходящей параллельно Центральной. Эта самая длинная тропа парка (2,5 км) называется Комсомольской, со стороны города, по ней можно добраться до Курортного зала, бювета с минеральной водой и плавательного бассейна, мимо которых она так стремительно пробежала.

Справа от главной расположена Липовая аллея, с которой и начинался городской парк еще в 1847 году. Её любимый парк, теперь Атажукинский сад, – самый большой и прекрасный на Северном Кавказе, и никто и никогда не убедит Симу в обратном! Хотя во всех справочниках он на втором месте после Кисловодского.

Вдалеке перспектива аллеи прерывалась чем-то огромным и темным. Подойдя поближе, увидела большой зеленоватый валун, табличка гласила «Звездный камень».

³ «Кьюуанч» – легендарное кафе на берегу Курортного озера в Нальчике, где более 50 лет жарят вкуснейшие чебуреки. В переводе с балкарского – «счастье».

«Мощно! – подумала Сима. – Но можно же было эту красоту сдвинуть влево, к вечно строящемуся Дворцу театров, а обзор на аллее не перекрывать. Вряд ли полтора километра аллеи, красивые клумбы, восстановленный фонтан (хорошая копия получилась) нуждались в дополнительном украшении». Кстати, недостроенное театральное здание её совсем не удивило, подумаешь, каких-то тридцать лет возводят.

С удовольствием отметила, что в парке можно взять электросамокат напрокат. Решила, что возвращаться будет по Комсомольской или по Липовой аллее на самокате и, если получится, то аж до самой дачи. Практика у неё была, вспомнила, как пересекала по набережной в Геленджике, удивляя отдыхающих скоростью и дерзкими пируэтами. «Чокнутая бабка!» – кричали ей прохожие. Она им улыбалась в ответ и мчалась дальше.

На входе-выходе из парка её ждали всё те же колонны и львиные головы-фонтанчики, из которых давным-давно не текла водичка. Слева из кафе (кажется, там раньше был фотопавильон) доносилась приятная музыка. Сима зашла внутрь, села за столик у окна, но, хотя людей в зале было немного, повелительница подносов и меню подошла к ней не сразу. Изучив ассортимент, Сима поняла, что её поздний завтрак может быть похожим на обед и с мысленным призывом «ни в чём себе не отказывай, дорогая» сделала заказ.

Не спеша, вкусно, но дорого, даже по столичным меркам, поела и, решив, что более старой части города, чем спустившись мимо университетского медфака, пройдя по улице Кабардинской до Пятигорской, она поблизости не найдёт, отправилась в путь.

Выйдя из парка, увидела жуткого монстра, возвышающегося на месте гостиницы «Нальчик». Конечно, она читала публикации в соцсетях по поводу сноса старого здания, видела исторические фото и снимки строящегося новоздела, но что это настолько изуродует ландшафт и будет совершенно не похоже на первоисточник, даже предположить не могла.

Симе пришла в голову где-то прочитанная фраза: «В прошлом есть такие места, в которые никогда не хочется возвращаться». Неужели, когда её визит в родной город станет прошлым, вновь отстроенная гостиница будет для неё тем местом, которое она будет обходить стороной в последующие приезды?

«Никогда» – истинный смысл этого слова понимаешь, только когда что-то или кто-то исчезает навсегда, мир становится другим и никогда расширяется до навсегда.

Пройдя по аллее мимо медфака, выхватив взглядом свою музыкальную школу, Союз художников, отметив с удовлетворением, что они живы и невредимы, она устремилась на пешеходную часть улицы Кабардинской. И опять сюрприз – перспективу улицы

Советской, как она мысленно называла улицу имени Алима Кешокова, с прекрасным видом на Вольный Аул и горы, перекрывал ещё один монстр. В пойме реки Нальчик строился жилой комплекс. Насколько позволяли её дилетантские познания в области архитектуры, в таких местах возводить здания нельзя – небезопасно, но кто об этом подумал? Только бизнес, дорогой Нальчик, и ничего личного.

А потом перед ней предстала улица Кабардинская. Сказать, что она её удивила, значит не сказать ничего. Когда её мама сказала, что улицы теперь нет, а есть общий расширенный ухоженный двор для домов, расположенных на участке от Кешокова до Ногмова, она не поверила. Ответила, что тебе всё и всегда не так. Существует ли в жизни что-либо, не казавшееся тебе отвратительным, убогим и безвкусным. Однако теперь Сима устыдилась этих слов.

Перед домами на лавочках сидели люди – все местные, в домашней одежде и обуви, рядом играли дети, валяжно прохаживались дворовые собаки, кошки нежились на солнышке. Посторонних прохожих нет. Летние веранды, пристроенные к квартирам на первых этажах, выкупленных под ресторации, еще больше усугубляли дворовый вид улицы.

Правда, появившийся арт-объект в виде книги со стихами Инны Кашежевой⁴ у Общества книголюбов (надо же – сохранилось!) и Сад камней у следующего дома как-то разбавили бытовые ощущения. А скверик? Её любимый уголок детства исчез. Но на его месте появилась совсем неплохая современная детская площадка.

«Время не стоит на месте, Сима!» – сказала она себе.

Ускорив шаг и подспудно понимая, что сейчас ей что-то должно открыться, пересекла улицу Ногмова. Почти бегом пошла дальше вниз по Кабардинской, на улочке Гоголя мысленно отметила, что название сохранилось, свернула вправо и оказалась на Суворова. Перед ней стоял, зияя выбитыми оконными рамами, дом номер 10. Сколько она себя помнила, помнила и этот дом, а теперь от него остался остов. «Дом умер, а я живу, – подумала Сима, – раньше дома переживали не одно поколение людей, сейчас – наоборот».

Она подошла ближе, заглянула в оконный проём: солнечные блики освещали помещение с потолком более трех метров высотой, с отвалившейся штукатуркой и обнаженной дранкой, оно, скорее всего, была когда-то кухней. Окрашенные до середины темно-синей краской стены, израненные следами вырванных из них креплений для труб, почему-то походили на сатиновые мужские трусы, а верхняя часть –

⁴ *Инна Иналовна Кашежева* (1944–2000), советская и российская поэтесса и переводчица кабардинских поэтов. Яркий, самый молодой представитель так называемой «эстрадной поэзии» шестидесятников.

на заношенную майку-алкашку. Пола не было, лишь виднелись редкие лаги из векового бруса, и она сравнила их с сандалиями. Спроси кто Симу, почему вдруг ей пришло в голову очеловечить этот дом, она бы не ответила. Может, потому, что заранее исключила все возможные встречи с людьми, а искала спасения именно в своём городе детства, состоящего из таких вот строений?

Она обошла здание, заглянула в подъезд, в заброшенный двор. Поняла, что людей переселили довольно давно. Дом был крепкий, с толстыми стенами и перегородками. Подумала, что можно было бы отреставрировать, сохранив фасад, наполнить его современной комфортной начинкой, как это делают в Европе, создавая непередаваемый аромат старины, настоящий на деньгах. Но этот дом был мёртв...

Вдруг вспомнился анекдот, в котором больной спрашивает: «Доктор, может быть в реанимацию?» – «Нет, батенька, в морг, только в морг».

Почему она пришла к нему? Что она вообще ищет?! Поняла, что это не то место, что ей надо... не это. Не осознавая, куда идёт, опять без цели, вернулась на Кабардинскую. Перейдя на левую сторону, стала спускаться вниз. Ноги сами несли, голова не успевала отследить их движение, и вот слева маленькая улочка. Как будто кто-то рядом произнёс: сюда!

Сима свернула налево, сверху прочитала на табличке «Улица Коммунистическая», прошла её до конца, опять повернула налево и, уже с другой стороны, снова попала на улицу Гоголя.

Сам собой изменился темп, она почти кралась, не понимая, куда идет, и вдруг слева перед ней предстал маленький проулок. Имея приличный опыт разочарований за плечами, она не спешила делать выводы, но уже почувствовала, что где-то здесь то место, которое её звало, где каждая секунда длится минуту, где она попробует отмыть добела душу и прожитые годы.

В воздухе витала пыль прошлого, которое буквально захватило этот крошечный участок тупикового проулка и властвовало над ним. Здесь стояла звенящая тишина, какая-то автономная, не зависящая от жизни города. «Портал», – подумала Сима. Откуда-то появился огромный пушистый серый кот. Она, совершенный профан в кошках, четко знала, что это именно кот.

– Мяу! – протяжно выдал ушастый и гордо пересёк по диагонали периметр проулка. Дескать, портал-то есть, да не про твою честь.

– А я здесь немного побуду, мне надо. И даже, пожалуй, присяду, – сказала Сима вслух, обращаясь к коту, который куда-то уже исчез.

В проулке, похожем на карман, сохранились маленькие саманные домики, вросшие в землю почти по подоконники. Узкие неровные фундаменты были окрашены коричневой половой краской, стены

побелены известью с синькой, которая оставляла неравномерные разводы и полоски, двойные оконные рамы и откиннутые ставни с вздувшейся многослойной зеленой краской, занавески-задергущечки и фиалки на подоконниках будто хранили частичку её детства. Периметр был засыпан щебёнкой, через которую проросла негустая короткая трава, с краю друг на друге стояли два блока, в середине лежал большой кусок рубероида, вросший за долгие годы в грунт и теперь походивший на асфальт.

«Аутентичненько», – это было последнее, что пронеслось в её голове, а потом вакуум...

Через какое-то время она очнулась, поднялась со строительных блоков, оказывается, она использовала их как скамейку. Огляделась, вполне осознала, где находится, и вдруг поняла, что прошла сканирование последних 54 лет. Одиночество, игры в прятки с собой, обида, удивление, обреченность, потеря сына, боль за дочь, восхищение внуками – калейдоскопировали в её сознании. Внезапно обострилось зрение, стала лучше видеть, как-то контрастней. Понемногу возвращались звуки, городской шум набирал обороты.

Она не могла понять, теряла ли сознание, уходила ли в другую реальность, но что-то с ней явно произошло, и это было то, за чем она, в одночасье сорвавшись с места, бросив все дела, приехала в родной Нальчик.

Сима подумала, что если она расскажет кому-либо про свой марафон по старому городу, про погружение в то состояние, которое она сейчас испытала и потихоньку из него выходит, ей посоветуют обратиться к психиатру. Почему-то опять крадучись, она вышла из проулка. Ощувив состояние лёгкости, сродни полёту, она невольно оглянулась, ища большой тяжелый рюкзак. Ей показалось, что у неё была неподъёмная ноша за плечами, которую она сняла в период этой спонтанной медитации, или прострации, или выхода в астрал, или ещё в каком-либо не поддающемся определению состоянии, и теперь её здесь забыла. Но никакого огромного рюкзака не было. Только лёгкость и кот. Он сидел посередине проулка на островке из рубероида и, Сима готова была спорить на что угодно, улыбался.

Она не вернулась на Кабардинскую, а маленькими улочками вышла на проспект Ленина и вдали, как ей показалось, увидела свою давнюю приятельницу. Врач, прекрасный специалист в своей области, добрый и отзывчивый на чужие беды человек – наверное, это наилучший вариант, если ей было суждено с кем-то пересечься в этот приезд. Странно, но, когда она ехала сюда, ей и в голову не приходила мысль о том, что она может встретить каких-либо знакомых, прежних коллег, бывших соседей, да мало ли кого. «Я когда-нибудь напишу о ней книгу, – подумала Сима, – но сейчас к этой встрече, как и к любой другой, не готова».

Резко повернув в обратную сторону от нужного ей направления, она пошла вниз к железнодорожному вокзалу. Пройдя немного, остановилась, достала смартфон и заказала такси. Планы проехать на самокате по парку и Долинску сами собой растворились. Гонка закончилась. И уже через двадцать минут она входила на дачный участок своей московской подруги.

Как-то сразу навалилась усталость – обычное состояние человека, который держит себя в тонусе долгое время, а ступив на порог дома, расслабляется. В коридорчике Сима сняла обувь, бросила на пол рюкзачок и по вязанной из разных пёстрых лоскутов дорожке прошла в комнату. Осмотрелась по сторонам. В лучах солнца, пробивающегося через маленькие окна, дом выглядел намного уютней и приветливей. Её взгляд остановился на буфете – шедевре массового мебельного производства 50-х годов. На полке призывно стояла небольшая банка с вареньем.

Сима знала, что Хаджет – гуру заготовок!

«Сладкое тебе категорически нельзя, а о варенье и думать даже не смей», – мысленно произнесла Сима и потянулась к банке. Варенье было красивым, в фиолетово-бордовом сиропе аппетитно просматривались какие-то крупные ягоды. Она выдвинула ящик стола, поискала глазами консервный нож, не нашла. Потом заметила банку, в которой стояли пара вилок, нож, ложка и открывалка с деревянной ручкой и заржавевшим носиком. «Судьба», – подумала Сима и открыла банку. Варенье было из слив, дольки сохранили форму, с кожурой были единым целым и слегка хрустели на вкус, сахара в меру. Чаще в сливовом варенье кожура отделена от мякоти, плавает сама по себе и являет собой укор хозяйке, а тут всё как положено. В общем, вкусный баланс.

У содержимого банки были очень весомые аргументы, чтобы Сима его не только открыла, но и съела. Потому как вдруг вспомнились кремний, молибден в перечне полезностей сливы, да и давление снижает... Чайник уже закипел, и варенье пошло в дело.

А ночью ей приснился странный сон. Сима увидела себя на вершине большого дерева, ей было лет пятнадцать. Она пыталась спуститься вниз, но мощные ветви переплелись, напоминая пряди волос Медузы Горгоны, или Дракучую Иву из «Гарри Поттера». Они больно хлестали и всячески мешали, преграждая ей путь, а ствол был зеркально-гладким. Ствол книзу становился всё толще и толще, и она попыталась по нему скользнуть. Вскоре обхвата её рук не хватило, чтобы цепляться за ствол, и она, хоть высота ещё была внушительной, решила спрыгнуть.

Выбирая удобное место для падения, она заметила под деревом огромного белого льва, который грациозно возлегал и наблюдал за её движениями. Как только их взгляды встретились, раздался

громогласный рёв и появились ещё несколько животных. Они улеглись под деревом, образовав плотное кольцо. Сима поняла, что львы ждут добычу и разорвут её, как только она приблизится на удобное для них расстояние. Жуткий рёв разносился вокруг. Страх душил, не хватало воздуха, ослабевали руки, ноги, теряя опору, скользили по стволу.

Вот и всё, подумала Сима, сидела бы на верхушке девочкой, так нет же, полезла взростеть. Причём здесь взростеть?! Меня сейчас львы съедят, а я философствую.

Вдруг вдали показались два верблюда, на них всадники – это же мои родители! Они живы, обрадовалась Сима и закричала что есть мочи: «Мама! Папа! Помогите, спасите меня!»

Всадники остановились, мама молчала и отрицательно покачала головой. Опустив верблюда на колени, она прокралась мимо львов. Отец спешился и, выхватив ружьё, побежал к дереву, но не выстрелил, потом вдруг исчез в песчаный пыли...

Она проснулась вся в слезах и твёрдой уверенности в том, что к родителям ей ещё рано, львы не пустили, а годовые кольца её древа жизни руками не обхватить, так что поживём! И прочь, грустные мысли и страхи!

Прилив энергии и обретенная вчера лёгкость буквально подбросили её с кровати. Исчезло недовольство собственной жизнью, делавшее её несчастной, надуманные заблуждения, что порождали изнуряющие страдания. Что-то хорошее и светлое разливалось внутри.

«Надо обязательно запомнить и удержать в себе это состояние», – подумала Сима.

В аэропорт! Домой! К семье!

Лети, Сима, лети!

Мир один для всех, добро и зло, грех и невинность идут рука об руку. Но когда нарушается твой личный баланс в этом мире, хорошо вовремя осознать, что у тебя есть место для полной перезагрузки, после которой ты опять можешь парить в собственном облаке счастья.

Нальчик, ноябрь 2023

Ирина Федоровна Одинцова – ведущая актриса Русского драматического театра имени М. Горького в Нальчике. Написала двенадцать пьес, три из них поставлены на сцене нальчикского Театра юного зрителя. Президиумом СП России награждена памятной медалью имени И. Бунина (к 150-летию писателя). Пишет стихи, прозу. В журнале «Литературная Кабардино-Балкария» публикуется впервые.

РАЗГОВОР С НАСТОЛЬНОЙ ЛАМПОЙ

Рассказ

Огромное солнце, кажется, хочет проникнуть внутрь меня, больно глазам, от напряжения век дрожат ресницы, почему-то колючие, и я ощущаю некоторое покалывание, которое заставляет меня нервничать и раздражаться. Звездочки, искорки, подковки золотые и розоватые мелькают перед глазами.

Так бывало со мной, когда резко встанешь, сначала темнеет в глазах, потом появляются всякие блики. Говорят, это бывает, если низкий гемоглобин, но я не об этом. Постепенно я начинаю осознавать, что веки мои закрыты, что я лежу в своей кровати, значит я сплю, и солнце – это мой сон. Пытаюсь проснуться, это мне дается нелегко, так как мне надо открыть глаза, а с каждой попыткой солнце все больше и больше меня ослепляет. Наконец, я справилась, я смогла, открыла – слава тебе, Господи! И – о, ужас! Что бы вы думали? Передо мной солнце, яркое, беспощадное солнце. Как же так возможно?! И сон, и явь? Сквозь этот свет, как из тумана, появляются очертания моей комнаты, во мне зарождается тревога от того, что я не могу понять происходящее. Сердце колотилось так, что его стук эхом отзывался в пространстве. Медленно, какими-то мерцающими хлопьями сон стал осыпаться, как лепестки роз, и плавно улетучиваться. Зрение потихоньку сфокусировалось, и я увидела перед собой настольную лампу на прикроватной тумбочке. Она спокойно, как ни в чем не бывало, излучала свет. Ну, конечно, я забыла ее выключить, или просто сон сморил меня раньше времени. Напряжение и тревога стали отступать, и я снова обрела способность думать и трезво рассуждать. Вдруг на секунду мне показалось, что лампа слышит мои мысли, и я не заметила, как заговорила с ней вслух:

«Ну, что ты смотришь на меня? Ты хоть представляешь, как ты меня напугала? Сама представь, снится мне солнце, просыпаюсь, открываю глаза ничего не меняется, так же светит солнце. Я думала, схожу с ума! Оказалось, это ты, моя дорогая, светишь мне прямо в лицо, твой свет спровоцировал этот ослепительный сон или видение, уже и не поймешь. Ладно, главное, что у меня все в порядке с головой. Или нет? Ведь я беседую с настольной лампой!»

Почему-то мне стало смешно, от того, что я разговорилась с лампой, или от того, что поняла, откуда возник напугавший сон. Я с удовольствием, достаточно громко рассмеялась, но вспомнила, что ночь, и решила вести себя потише. Перейдя на шепот, я продолжила: «Знаешь, у меня в детстве повторялся один и тот же сон. Это было солнце, которое затмевало собой все пространство, сплошное слепящее солнце, я и сейчас физически ощущаю его тепло. Все бы хорошо, но всегда в этом сне появлялось темное пятно, которое разрасталось, разрасталось и превращалось в огромную черную обезьяну, которая полностью заслоняла собой солнце. В моем сне становилось очень темно и страшно. Этот сон повторялся вновь и вновь, и я решила рассказать о нем маме. Помню, как мамочка гладила мою пухлую ручку и говорила: «Ты, доченька, еще маленькая, еще совсем ребенок, душа у тебя чистая-чистая, как у всех деток. Вот и борются за тебя во сне добро и зло, чистая душа всем нужна. У каждого человека есть выбор, свет или тьма. Свет – это добро, тьма – это зло. Если ты выберешь свет, то эта черная обезьяна больше никогда тебе не приснится». Я была еще совсем маленькой, но уже всерьез задумалась над мамиными словами. И как-то за обедом я объявила, что выбираю свет, то есть добро. Мамино лицо расплылось в улыбке, и я хорошо помню, как она прикоснулась теплыми губами к моему лбу. Верить или нет, но с этого дня мне ни разу не приснилась эта черная горилла.

Подмигнув мне, лампа спросила: «Ты сейчас почему вспомнила этот сон, ты испугалась, что он возвращается?»

Нисколько не смутившись, что вопрос был задан лампой, я отвечала: «Да, я все ждала, когда же появится эта маленькая, так пугающая меня точка, которая разрастется и превратится в большую черную обезьяну. Эх, лампочка, если бы ты знала, как я рада, что этого не случилось».

На это лампа с твердой уверенностью сказала: «Люди – как мы».

Я даже растерялась: «Как это?».

Возникла пауза, видимо, лампа не знала, как мне разъяснить сказанное ею, и через некоторое время заговорила вновь: «Когда в человеке есть свет, к нему тянутся другие люди. Со светлыми людьми хочется быть рядом, делиться тем, что у них на душе, самым сокровенным. От добрых людей не ждут подвоха. С такими людьми рядом просыпаются в человеке самые чистые чувства, проявляются

самые лучшие качества. Я не человек, но дарю свет, теплый и уютный, и ты захотела со мной поговорить по душам. Теперь возьми и выключи меня, посмотрим, захочется ли тебе откровенничать со мной. Выключи, выключи».

Я уже начинала понимать, о чем говорит моя собеседница: «Давай попробуем. Выключаю!».

В комнате стало темно и пусто, пространство, которое заполнял свет лампы, стало, как это ни странно прозвучит, бездушным. Я все-таки собралась и начала «Лампа, ты меня слышишь? Что молчишь, поговорим?» В ответ тишина плотная, непробиваемая. Мое сердце снова заколотилось... и наконец-то я услышала лампу, правда, голос у нее был холодный и совсем не располагал к откровенности: «Слышу, слышу. Расскажи мне о своем детстве, о маме. Ты часто ее вспоминаешь? Что ты чувствуешь, когда говоришь о ней?». Это была неожиданная просьба, но я решила ответить: «Мама... Моя мамочка...» Я чувствовала, что мои слова летят в никуда, в темную пустоту, как в пропасть, и там пропадают, не встречая участия: «Нет, я так не могу, я не хочу говорить в эту темень. Не получится у нас разговор. Включаю. Фух, как же хорошо, совсем другое дело. Получается, ты права». Мне показалось, что лампа мне подмигнула: «Вот так же и человек, когда в нем выключен свет, к нему нет дороги другим. Никто не захочет идти в непроглядную тьму его души, не зная, что его ждет впереди. Все ищут и в жизни, и в людях свет и тепло, и это понятно...» Я замерла от сказанного и долго молчала. Лампа, как будто читала мои мысли, не беспокоила меня, пока я не заговорила первой: «Откуда в лампе такая мудрость? Многие люди об этом даже не задумываются». Лампа отвечала мне голосом уже другим, который мне был очень близко знаком, но я пока не могла вспомнить, чей он: «Это не мудрость, это очевидность. Вот мы с тобой столько лет вместе, ты и читала со мной, и писала, но тебе в голову не приходило, что со мной можно поговорить по душам. А я лампа, простая настольная лампа, каких много. И если мой свет тебя вдохновил на разговор со мной именно сегодня, значит, у тебя нет рядом человека, который бы тебе осветил дорогу к себе, чтобы ты душой и сердцем пошла к этому свету. Вот откуда возникла эта потребность поговорить со мной». Я пребывала в некотором шоке, это было не так, или я себя обманываю, а на самом деле... Я стала судорожно вспоминать людей, которые меня окружают, и все поняла: «У меня есть такие люди, есть! Просто некоторые далеко от меня, мы делимся светом, но не так часто, как хотелось бы. Есть те, которые рядом, я их настолько люблю, что жалею их запас света, которым они делятся всю свою жизнь, к сожалению, любой источник с годами иссякает. Есть люди с неиссякаемым душевным теплом, и мы делимся им друг с другом только взаимно. Стараюсь не взваливать на

них все свои невзгоды и тяжелые мысли. Я берегу их. Просто я знаю, как это, по себе, раньше двери моего дома не закрывались, ко мне шли люди близкие и не очень, со своими радостями и горестями, или просто от одиночества. Сначала я была рада дарить свой свет, тепло, участие всем, потом стала уставать, и моего света стало на всех не хватать. Вот так, теперь я раздаю все хорошее, что во мне есть, выборочно, только тем, кого выберу сердцем. Отдаю только тогда, когда не могу иначе, не могу не отдать. Из этого делаю вывод, что силы света иссякают. Так?»

Лампа, как будто ждала это вопроса, выпалила: «Так! Человек, как мы, лампы». Этот ее ответ заставил меня улыбнуться, то есть не они, лампы, как мы, а наоборот, люди – как лампы. Забавно: «Не совсем, я не соглашусь с тобой. Вот ты даришь свой свет одинаково ровно всю жизнь... любому. “Выкл.” и снова “Вкл.”». Лампа несколько возмущенно: «А ты выкрути лампочку или просто, когда эта перегорит, не пытайся заменить на новую. И все, закончилась моя жизнь. Так же и у вас, людей, хоть и не электрические, а менять перегоревшие лампы на новые надо. Или же искать источники, чтобы перезарядить старые.

И снова я была согласна с лампой полностью: «А ведь ты права! Мне надо наш разговор еще раз хорошенько обдумать, разобраться. Как интересно получилось, простая настольная лампа, которая стоит не один год на прикроватной тумбочке, дала мне повод серьезно задуматься о жизни, о свете и тьме, о добре и зле».

Лампа, вспыхнув, или подмигнув, как хотите: «Это не я, это ты сама. Не диалог это был, а монолог. Ты спрашивала себя, и себе же отвечала, пытаясь понять происходящее в твоей душе. А мой свет, электрический свет простой настольной лампы, только натолкнул тебя на эти мысли. Выключай меня, уже утро. До вечера!»

«КРОВЬ, СЛЕЗЫ И ЧЕРНИЛА РАЗЛОЖИМЫ...»

Я познакомился с Георгием Яропольским в самом начале 80-х, на каком-то из очередных семинаров молодых писателей. Он проходил в редакционном здании на углу Ленина и Лермонтова, дом отца был рядом, и мы с Георгием зашли к нам на обед. Помню, как он читал мои стихи, легкими движениями сложенных пальцев отбивая такт. Я внимательно наблюдал за ним, а потом заметил, что сам он не чуждается свободного ритма и верлибра. Посмотрев на меня поверх своих огромных очков, Юра ответил, что ритм – это не обязательно формальное понятие. Это, скорее, смысловое явление и присутствовать оно должно в любом поэтическом тексте.

Г. Б. Яропольский

В этом был весь Яропольский. В любом деле, которым он занимался, Георгий стремился к доскональному освоению вопроса в неожиданных ракурсах, при точном следовании принятым гласным и негласным правилам. Если мировая поэзия представляет собой упорядоченную ритмически, позиционно, синтаксически и семантически речь, то в его понимании все эти маркеры поэтического текста должны в таковом присутствовать в полном объеме. Как он однажды сказал, Пабло Пикассо был бы никем, если бы полностью не владел классической манерой живописи. Я не раз убеждался в том, что любое занятие он превращал в средство самовыражения. Самовыражения субъекта, относившегося к себе с уважением и требовательностью.

Через несколько лет мне понадобилась небольшая компьютерная программа на языке низкого уровня – желательного, ассемблере. Зная, что Яропольский работает программистом в конструкторском бюро «Телемеханики», пришел к нему с большой двухметровой простыней – программой, за две с лишним недели написанной моими друзьями-профильными специалистами. Она была отредактирована Яропольским и уместилась на одном стандартном листе А-4. Не более чем за полчаса. Лишь потом я узнал, что Юра вышел на работу в КБ в качестве переводчика с английского; увлекся программированием и вскоре стал лучшим на тот момент экспертом республики и, вполне вероятно, всего Северного Кавказа.

Его внутренняя потребность глубоко вникать в исследуемый предмет имела горизонтальное и вертикальное измерения – в том смысле, что Георгий стремился не только к полному и детальному

освоению нужных ему данных, но и к максимально широкому их охвату. По всей видимости, это было свойство природы, данное ему от рождения, во всяком случае, стихи Яропольского, от первых его строк до зрелых текстов, отмечены именно подобным подходом. Попытки классификации его образного строя чётко демонстрируют нам специфические качества апперцептивных представлений, связанные именно с огромным объёмом воспринимаемой, обрабатываемой и презентуемой в стихотворных строках информации.

Яропольский всецело погружен в русскую классическую систему поэтики, в западный поэтический мир. Более того – ему свойственны не только образцы мышления, строящиеся на западных моделях, не только попытки создания редких и изошрённых алгоритмов лирического переживания. Немалое место в его творчестве занимают и формальные поиски, эксперименты на уровне техники стиха. С этой точки зрения можно уверенно идентифицировать его поэтическое мышление как мышление западного образца. Однако в творческом наследии Георгия мы достаточно часто сталкиваемся и с несомненными восточными аллюзиями, однозначными выходами на опыт арузной поэтики.

И можно констатировать не столь откровенные, но то же время явные апелляции к японской и китайской эстетике, если же говорить о классической поэзии Средней Азии, то Яропольскому не чужды даже прямые стилизации, например, тексты, вплотную подводящие нас к примерам концептуалистики образных картин Омара Хайяма:

Приметы и предчувствия абсурдны,
я им не внял.

Я мял руками чьи-то лица, судьбы –
я глину мял.

Она стонала! В каждом тихом стоне –
века, века.

Чья это плоть легла в мои ладони,
что так мягка?

«Подготовка материала»

Здесь мы видим не только повторение мотивов и философии Омара Хайяма, но, при желании, можем разглядеть арузную структуру стихотворения: если укороченные строки посчитать мисраами, то заметна система рифмовки, отдаленно напоминающая классическую бейтовую. Все же, разумеется, поэзия Яропольского плоть от плоти, кровь от крови – порождение русской классической культуры стиха. Обращение же автора к опыту и традициям различных культурных регионов можно расценивать как подтверждение его целеустановки на доскональное освоение предмета, в данном случае – различных форм и школ стихосложения.

Яропольский в совершенстве владел западной поэтикой. Доказательством этому служит, пожалуй, один из наиболее качественно сформированных венков сонетов в русской поэзии, принадлежащий Георгию. Да, и здесь он экспериментировал, но его венок сонетов действительно хорош. Полное отсутствие такого явления, как сопротивление языкового и образного материала характеризует его тексты, и в этих изощренных жестких формах западной и русской поэзии он демонстрирует своему читателю свободное владение структурой, техникой и семантикой европейского стиха.

У поэта фактически нет предпочтений глоссарийного состава, стилевых маркеров, тематических и ассоциативных областей. Георгий может выстроить всё стихотворение в координатах классической русской поэтики с соответствующим образным строем и ассоциативностью; мало того, способен замкнуть свои поэтические представления в какой-то избранной, достаточно узкой области поэтического стиля. Это может быть пространство классических понятийно-ассоциативных образов, насыщенных культурными ассоциациями, свойственное российскому стиху первой половины 19 века, собственно говоря, творчеству Пушкина:

Знаю я: нечто неизмеримо
меня большее мчится вослед –
грозно, голодно, неумолимо...
И укрыться возможности нет.
«Нечто большее»

А может быть, намного более современное отражение чувств и мыслей поэта, обогащенное не только обращениями к реалиям нашего мира, но и выходами в сферу научного знания и отражения:

Лунный серп возбуждающе выгнут.
Это родичи: «хвоя» и «хвост».
Что-то видит задумчивый Зигмунд
в поездах и в мерцании звёзд?
«Танатос»

Сегодня трудно судить об этом уверенно, но техническое совершенство поэтического слога Яропольского было настолько очевидным, что некоторые его произведения оставляют впечатление намеренной демонстрации собственных возможностей, собственной технической виртуозности; ощущение усугубляется и подтверждается еще и тем, что в подобных образцах поэт избегает ритмической прихотливости, придерживается единственного и жесткого

стопического рисунка единообразно варьируя его в строках, что, как известно, гораздо труднее в техническом плане, нежели относительно свободная тактовая канва произведения, например:

Не думай о сроке, но, выглянув утром с балкона,
порадуйся молча проворности антициклона,
что за ночь до блеска отдраил настил небосклона,
на коем октябрьское солнце к тебе благосклонно, –
и, щурясь от дыма трескучей своей сигаретки,
возьми на заметку, какой дерзновенной расцветки,
пускай стали редки, но сделались листья на ветке
еще не опавшего, не оголённого клёна.

«Певческий импульс»

Подчеркнутый ритмически дуближ каждой строки в каждом последовательном третьем периоде, прерываемый при этом не перебивом или недостатей стопы, а заменой её трибрахией – весьма и весьма труден при попытке придерживаться этого рисунка на протяжении всего произведения. Тем более блестяще выглядит реализация столь непростой схемы Яропольским.

Поэтический универсализм Георгия находился в той стадии развития, которая позволяла абсолютно равноправно использовать ему разные виды образности – от ассоциативных, понятийных, автологических номинаций до материализованных, подчеркнута сензитивных презентаций. В его стихах образы и структуры различного эволюционного статуса одинаково употребимы, поэт мог совмещать в единой поэтической картине как высокие символы ассоциативно-культурного происхождения, так и приземленные бытийные детали. Для него не было исключительным использовать в одной строке традиционные культурные мемы и совершенно новые для российского поэтического мышления объекты:

Ведь когда пустотелой свободы
опостылит бескрылый мотив,
разомкнутся фекальные воды,
вновь кого-то из пены родив.

«Глобальный облом»

Фактически, рефлексивные схемы каждой строки приведённого отрывка состоят из плохо совместимых в обыденном мышлении объектов. Объектов, несовместимых в силу своей эстетической разнородности: образ свободы формально пришел к нам из античности, на самом деле это, прежде всего, барочная эмблема со

своим набором вполне определенных и устойчивых черт. В их ряду никоим образом не может присутствовать «пустотелость». Но это совмещение возможно в стихотворении Яропольского, более того – это определение отсылает нас к скульптурному ширпотребу советской эпохи – гипсовым поделкам, что сильно смягчает следующую подачу рафинированного поэтизма «бескрылый опостылевший мотив».

Это предваряющее образное вступление готовит сознание читателя к действительно невозможному сочетанию практически обценной лексики и объектности с высокой культурной символикой. Адресация к образу рожденной из пены Венеры, к живописи Боттичелли и, одновременно, к физически ощущаемой атрибутике канализационных вод, как бы неожиданно ни звучало это сочетание, выглядит не просто эстетически достоверной. Два объекта, находящиеся на полюсах аксиологического диапазона, создают новый художественный эффект, быть может, резковатый для некоторых читателей, но, тем не менее, вполне убедительный в плане художественности и даже визуальной достоверности.

По всей видимости, стремление к включению в свои стихи «приземленных» объектов, нарочито грубых деталей, было у Яропольского частным проявлением его эстетического универсализма. Сам он тяготел к физически ощущаемым, сенсорно определяемым объектам, но освоив в полном объеме классическую русскую образность, ощущал дефицит физически значимых представлений в собственных стихах. И преодолевал его с помощью бытовых огрубленных штрихов. Эту черту поэтического стиля Георгия Яропольского можно стабильно отследить на протяжении всего его творчества. Предлагая читателю образный ряд, связанный с понятийными представлениями и классической образностью, художник аргументирует его, увязывая с четкими перцептивными ощущениями, в свою очередь, базирующимися на бытийности представляемых объектов.

Любой традиционный культурный мем в текстах поэта в обязательном порядке соседствует с единицами осознанного овеществления и физического наполнения, иногда – целенаправленно грубоватого. И чем более явственным является родство авторской образности с устойчивыми и традиционными информационными объектами, тем более резок переход автора к обыденным, физически идентифицируемым и даже физиологическим ощущениям:

Вы спали – даже, помнится, храпели –
а где-то перья ржавые скрипели.

«Пролог»

В отсутствие очевидных культурных адресаций, как в

вышеприведенном отрывке – «перья ржавые скрипели» – моменты снижения стиля у Яропольского также смягчаются:

Открыли форточку под утро.
В нее лениво льется дым.
Потрескивает репродуктор.
Конфорки светят голубым.
Чай, что на стол был пролит, высох.
Коричневый архипелаг.
А информационный выпуск
под утро бодро-хрипловат.

«Разрыв»

Набор реальных и виртуальных объектов в приведенных отрывках представляет собой перечисление устойчивых символов, широко распространенных в русской поэзии. Но если «скрипящие ржавые перья» берут свое начало у самых истоков русского поэтического слова, то и конфорки, и чай на столе, и дым, уходящий в форточку, и залитая скатерть с неназванной, но очевидной чашей репродуктора – все это список деталей русскоязычной поэзии советского периода. В любом случае, в данном отрывке они выступают как меты и мемы определенного культурного ареала – не столь рафинированные, как «ржавые перья», а потому требующие для себя не столь явно приземленных объектов в качестве баланса.

Повторимся – это устойчивый прием в поэтике Яропольского. Поэт погружен в реалии современности и не может ограничиться условно поэтическими единицами. Не питая большого интереса к подчеркнутой сензитивности поэтического образа, Георгий, тем не менее, предпочитает его достоверность, а перцептивное качество, вписывающееся в рамки реальности, идентифицирует на уровне чувств. Поэтому стремление к бытовой детали – характерная сквозная черта всех его текстов. Отсюда проистекает и лексический состав произведений Яропольского. Ему не чужды уличная площадная лексика, жаргонизмы, альтернативное словоупотребление. Уровень профессионального мастерства поэта вполне позволял вывести на высокий художественный уровень даже структуры, выстроенные в информационном поле, далеком от поэтического. Снижение тональности – не просто приём образного воплощения. У Георгия Яропольского он становится стабильной чертой идиостиля, во многом определяя его авторский голос в целом:

Чтоб выглядеть, как истый кабальеро,
супруге подавайте бигуди!

«Пролог»

Или:

Актеришка бездарный, я не знал,
легко ли роль безумного повесы
исполнить так, чтоб высморкался зал.

«Диагноз»

Мы вновь возвращаемся к определяющей черте мышления поэта – стремлению к масштабному охвату окружающего мира, осознанию его великой целостности, к равноправию. К эстетическому, философскому, мировоззренческому равноправию объектов и явлений Универсума. Это четко выражено в программных стихотворениях Георгия; обычная вещь, поэтическое понятие, культурный символ, абстрактный знак – все является элементами его восприятия, его интерпретации Вселенной. Яропольский со всей очевидностью понимает природу и направленность своего таланта, целый ряд стихотворений прямо выражают позицию эстетического и гносеологического универсализма:

Мне смешны перемены –
мне что пар, то и лёд,
ибо одновременны
и паденье, и взлёт.
Ибо страсти и блуда –
непреложная связь:
безобразное чудо
и чудесная грязь.
«От звезды до цинизма»

Точно так же явственно он ощущал свою близость к классической русской поэтике, что выражалось в доминировании русского ассоциативного образа, освященного традицией двухсотлетнего поэтического оборота, традицией интерпретации образного тезауруса, идущего со времен Симеона Полоцкого. По всей видимости – в его понимании недостаточно жесткого и конкретного для выражения собственного мироощущения. Это была ещё одна причина насыщения его строк материализованными ощущениями. Высокая культура стихотворного мышления и аналитический подход к собственному творчеству привели Яропольского к пониманию – конечно, субъективному – пониманию необходимости постоянного подкрепления своей стихотворной ткани фрагментами физически воспринимаемых образных элементов.

Упомянутая уже тяга к снижению тональности, постоянная адресация читателя к художественной рефлексии, основанной на

простых и непосредственных качествах предмета, на знакомых всем действиях, становится для Георгия главным оружием в борьбе за суггестивную мощь стиха. Инструментарий сензитивности художника может быть совершенно неожиданным: от включения в текст слов с заведомым физиологическим наполнением, до междометных структур обыденной речи и вульгаризмов, знакомых каждому читателю. Довольно часто Яропольский выделяет эти единицы различными средствами – приём, совершенно ненужный ему, однако облегчавший понимание стиха читателем:

Дополнительный час у природы похитив,
что сказать за него я смогу –
под конец октября, в пору первых бронхитов?
Под конец октября – ни гу-гу!

«Зимнее время»

Плачет скрипка в холодной квартире.
(«Все пиликает чертов сосед!»)
Годы страсти его укротили.
И надежд, разумеется, нет.

«Старый сюжет»

В своих творческих поисках поэт ушел достаточно далеко от современников, по крайней мере, на региональном уровне. Смысловое и эмоциональное равенство коннотационных связей в его стихотворениях достигло той степени, при которой существенной разницы между объектом и его атрибутом уже нет. Это позволило Яропольскому создать особый вид образной архитектуры, её можно условно назвать тональной инверсией. Коротко – такое соотношение поэтических определений и атрибутов, в рамках коего описание первичной эмоции ожидаемо соотносится с тем или иным сравнением, но, в отличие от обычных конструкций подобного рода, итоговые смыслы всего выражения не являются эмоциональным экстремумом образа, а выступают, опять-таки, в качестве механизма достоверности поэтической фразы:

Ты ошиблась! Дустволка не врежет.
Воронье не взовьется, хрипя...
И твоя интуиция – брешет!
Как будильник, подводит тебя.

«Заплаканный ангел»

Функция будильника в данных строках – снижение общего эмоционального фона строфы после постепенного восхождения

тона – шаг за шагом от двустовки, воронья и хрипа к категоричному площадному «брешет». Затем автор неожиданно разворачивает алгоритм сопереживания к обыденному «будильник». Объект, знакомый любому читателю, объект, не имеющий дополнительных эмоциональных и аксиологических линий и потому придающий качество реальности и достоверности предшествовавшим картинам.

В конечном итоге Яропольский пришел к созданию поэтического слова, наиболее полно соответствовавшего его творческой сверхзадаче. Полное эстетическое, гносеологическое, аксиологическое равноправие образов его произведений позволяло не только создавать суггестивно достоверную картину, но и вполне аргументированно и со знанием дела анализировать окружающее. В его понимании среда обитания человека от ближайших к нему деталей до крайних высот Космоса была равноценна в смысле значимости в человеческой жизни, в человеческих представлениях. Ему были нужны убедительные и равноценные элементы, на которые можно было разложить окружающую действительность, и он создал их, создал в своих текстах и показал, как звуки, запахи, символы и цифры сходятся в единое целое. Это был его мир, мир человека привыкшего мыслить и классифицировать. Мир человека, одаренного такими разнонаправленными талантами.

Не удался чудесный новый сплав –
а что ушло трудов, сомнений, муки!
Ведь я вложить пытался в тот состав
цвета и формы, запахи и звуки.

Среди ингредиентов – прель дубрав,
мерцанье волн на медленной излучке,
концлагерная печь и шелест трав,
влюблённый смех и выхлопы базуки...

«Реторта»

АПОФЕОЗ НУЛЯ

Не хочу быть добычей
и останусь ничьим;
отрекусь от обличий,
увернусь от причин.

Слишком просто – туманом,
грязью под колесом.
В этом мире гуманном
только ноль и спасён.

Живо слёзы утрите –
то не Божья роса.
Ноль – он круглый! Смотрите
сквозь меня в небеса.

АГОНИЯ ОГНЯ

Дождешься – разразится дождь,
и ты поймешь тогда,
что к меду примешалась ложь.
Победа есть беда.

Когда померкнет свет в окне,
ты скомкаешь платок
и в звонко-внятной тишине
раздастся шепоток:

«Агонизирует огонь.
Кончается полет.
К ладони тянется ладонь,
но между ними – лед».

АВТОПОРТРЕТ
У ЛАРЬКА СТЕКЛОТАРЫ

*Кто б стал нести
унылой жизни тягостное бремя?
«Гамлет», акт III, сцена I*

То be or not... Язык на альвеолах...
Я этот вековечный милый вздор,
которому в спецшколах каждый олух
прилежно внемлет, помню до сих пор.

Лет в десять я зубрил его ретиво,
с трагическим заламыванием рук.
То be or not – и вся альтернатива!
И в слове «not» – альвеолярный звук!

Благодаря Шекспиру и Минпросу,
по гроб твердить мне это суждено.
Но наяву подобному вопросу
меня смутить, по счастью, не дано.

Когда-нибудь я стану горстью пыли,
но читил и чту единственный ответ:
to be – и точка. Безо всяких «или»!
То be – и все. Альтернативы нет.

Стремленье согнуть – чуждая причуда.
Блуждая мрачной бездны на краю,
я знаю, что я жив еще, покуда
посуда есть, которую сдаю.

Я НЕ КИБОРГ

Плод запретный сорвать я хочу не впервой.
Не впервой осуждающий слышится вой.

Далеко не впервой я хожу сам не свой,
так что вслед мне косится ночной постовой.

Но впервые – поклясться могу головой –
я почувствовал: да, вот теперь я живой,
я не киборг, не пень, не муляж восковой,
я живой, понимаешь? Отныне – живой!

Так гербарий становится просто травой.
Так с души отмывается слой жировой.
Эй, морали блюститель! не пялься совой:
не интрижка, дурак, не разбой половой.

Повстречались два сердца. Я понял: я твой.
Кто чужой? – не смехи, тупорылый конвой.
Дай-то Бог, чтобы прежде доски гробовой
каждый мог хоть однажды сказать: я – живой!

ЧТО СОХРАНИТЬ ХОТЕЛ БЫ Я В ВЕКАХ?

Что сохранить хотел бы я в веках?
Не знаю... Без особенных затей
я описать попробовал бы, как
укладывают женщины детей:
глаза какие в этот миг у них –
и сколько властной нежности в руках...
Сумел бы, нет? А впрочем... этот миг
и без того останется в веках.

ВДРУГ ЗАХОТЕЛОСЬ СНЕГА

Вдруг захотелось снега. Чтобы он
светился затаенно и печально.
И чтоб – ни звука. Чтобы только звон
в ушах от ненасытного молчанья.

И чтобы окна – гасли. И следы,
в снегу сойдясь, застыли бы ничейно...
А дворник, взявшись утром за труды,
не понял бы их знойного значенья!

СО ДНА КОЛОДЦА

Мерцает мне разгадки торжество –
так звезды днем видны со дна колодца.
Что понял? Прописное: для того,
чтоб к вам дойти, распять себя придется.

Не ново? Что ж, и весь мой путь не нов.
Весь мир не нов, меняясь поневоле.
Пусть выведут в нем розы без шипов,
но красота немислима без боли.

СТАРТОВАЯ СТРАНИЦА

У времени – скучный цикадный звук:
занудливое «тик-так».
Что, маятник, хочется сделать круг?
Но скован твой каждый шаг.

Когда замирает твой мерный мах,
даруя на миг покой,
мерещатся мне письма впотьмах,
вот только язык – какой?

Секунды то вновь ускоряют бег,
то тянутся вспять во сне.
Я в жмурки вожу, почитай, весь век –
кто веки подымет мне?

Хочу наконец я увидеть всех,
кто рыщет вокруг меня,
чей так запредельно залиivist смех,
что жжет на манер огня.

Но лиц не видать, лишь слова слышны,
прогорклые, словно дым:
«Ни Богу, ни бесу мы не нужны,
ни даже себе самим».

Не ждут уже гурии в райский сад,
Иблис не свергает в дрожь.

Вперед ли подвинулся аль назад –
в повязке не разберешь.

Уж лучше в открытом сойтись бою,
чем маяться век вот так.
Всю жизнь крокодиловы слезы лью,
а время зудит: «тик-так»

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИУДЫ

Я предал. Я продал, подонок!
Ну что же, игра стоит свеч
и – прибыльней нудных поденных
трудов... Да об этом ли речь!

Я предал того, кем гордился.
Кто был над толпой вознесен...
Я в ровню Ему не годился,
а так – тоже буду спасен.

А так – меня тоже запомнят.
Я тоже теперь над толпой.
Спасибо, Учитель, за помощь –
отныне я рядом с Тобой.

Я предал, забитого детства
не в силах простить и забыть.
Ничтожествам некуда деться.
Одно остается – убить.

Убить – или нежным лобзаньем
коснуться – вогнать первый гвоздь.
Иного пути мы не знаем...
Но Ты меня видел насквозь!

Да я, на Твоем будь я месте,
к себе прикоснуться б не дал!..
Нет, самое страшное, если
Ты это заранее знал.

Ни нашему нищему веку,
ни прочим – понять не с руки:

зачем?! Из «любви к человеку»?
«Его искупая грехи»?

А может, – из адской гордыни,
смеясь над моей слепотой?!
Так тряпку швыряют рабыне!
Убогих берут на постой...

Я, как бы там ни было, предал.
Теперь мы в упряжке одной.
Свершилось все то, о чем бредил
я наедине с тишиной.

Я продал... Я предал, паскуда!
Теперь не страшна темнота.
Останется имя «Иуда»,
покуда чтить будут Христа.

Отныне я стал ближе брата –
такая уж участь убийц!
Раскаянье – страшная плата...
Но я повторил бы на «бис».

Проклятое рыжее детство!
Кому недомерка видать?
Ничтожествам некуда деться.
Одно остается – предать.

От роста все беды, от роста!
Ах, как я мечтал подрасти...
Я предал. Но я не отрекся.
Хотя бы за это прости.

ДИАГНОЗ

Гори, судьба, как рукопись пиесы!
Актеришка бездарный, я не знал,
легко ли роль безумного повесы.
исполнить так, чтоб высморкался зал.
Ни сборов, ни признания, ни прессы.
Апатия... кошмарнейший провал!

Гром стульев смолк. Ни горечи, ни боли.
Авось, я и не то переживу!
Лекарств от ран не сыщешь лучше соли.
И вдруг я замечаю, что плыву
не по затонам вызубренной роли,
а черт те где, к тому же – наяву.

Грядущее, как водится, в тумане.
Ау! – теперь бессмысленно кричать.
Лишь те, кто ищет выгоды в обмане,
имеют право посохом стучать.
Наверное, их радует вниманье,
а мне по нраву – просто помолчать.

Гаданиям не верю и не ною.
Авгур, и тот не скажет, что к чему.
Люблю развал! Что станется со мною
и с остальными – право, не пойму.
На берег ваш я выброшен волною,
агностики! И вот – гляжу во тьму.

Гляжу во тьму... Легко мне и тревожно,
а пульс минут почти неразличим.
Людские муки выдумать несложно –
и страсть, и голод, сгорбившись, влачим.
Но утолить их, пусть на время, можно,
а нежности недуг – неизлечим!

УТРЕННИЕ МАРШРУТЫ

В снегу буксуем сероватом,
январским фокусам сподобясь.
Вот – коллективным саркофагом
подплыл запруженный автобус.
В него влезает, поднатужась,
простуженными голосами
твердя, что бабы – это ужас,
на что последние: а сами?!

Однако в стужу даже брани
не разгореться – все примолкли,

как будто в вечер перебрали,
а днесь – тоскуют о ремонте.
Такая трезвость – и такая
тоска выматывает жилы...
Друг дружку тиская, толкая,
едва не воют пассажиры.

Крепись, браток, сдержи рыданье,
в кого-то рядом вдавлен плотно, –
ведь наше общее дыханье
узорчато легло на окна!

ЗВЕЗДА В САДУ

Расчищая дорожки в саду,
бормоча: «Надоело – уйду!» –
он увидел сквозь ветви звезду.

Годы грезил он ею – и вот!
Утирая струящийся пот,
бросил грабли, разинувши рот.

Починяясь ее колдовству,
запрокинул башку в синеву...
Но она озарила листву.

Но она озидала плоды
и дорожки в плену лебеды,
и награду ему за труды.

Он бы рьяно рванулся вослед
из бурьяна – но выхода нет,
ибо в нем – ее жертвенный свет.

Не бывать ему с ней никогда.
Все бы смел на пути, но беда
в том, что разом погаснет звезда.

Успокойтесь, листва и плоды!
Ведь уйди он от вашей узды –
он бы не был достоин звезды.

Неизбывны любовь и тоска.
Закрывают звезду облака.
– Что ты делаешь?! – Шепчет: – Пока...

Он остался. Стоит на меже.
Грабли поднял. Легко на душе!
(Лишь ее он не встретит уже.)

НЕ КАЗНИТЕ В СЕБЕ ПОДЛЕЦА

Не казните в себе подлеца,
прямотою своей восторгаясь.
Если искренним быть до конца,
покаянье – такая же гадость.

Это мелко – трястись над грехом.
покупая грошовую свечку.
Лучше – сволочью, но не брехлом,
возмечтавшим вернуться в овечку!

Не просите прощения, не
унижайте себя лицедейством,
восхищаясь в душе, в глубине
самоедством своим молодецким.

О стакан ваши зубы стучат?
Исхлещите себя, онемейте –
но пощечины ваши звучат,
как влюбленные аплодисменты.

Не крушите напрасно зеркал –
все равно от себя не уйдете.
Так ли нужен вам этот крахмал?
Вы довольны собою и в дегте.

Не прикроетесь чистым листком.
Эка невидаль – пасть, разрыдаться.
Сколько в грудь ни стучи кулаком,
ничего изменить не удастся.

Будет времени праведный суд.
Не бренчите своим самосудом,

не смешите – обломится сук,
не даруя прощенья иудам.

НЕБРЕЖНАЯ ГРИМЁРША

Снег – с грязью пополам –
хрустит, промёрзший,
раздробленным скрежещущим стеклом.
Зима, оплошной выступив гримёршей,
пренебрегла красивым ремеслом.

Её мазкам придёт пора растаять,
открыв щебёнку, мусор и асфальт...
Из вязкой жижи травка вырастает.
Ей неоткуда больше вырастать.

ЧЕЛНОК

Затворничество – колыбель
всего, что на миру из виду
мы упускаем... Голубей
вспугнув, на улицу я выйду!

Упругим шагом притоплю,
старушкам бисерным на зависть;
опомнюсь, в пёструю толпу
плечом приподнятым вонзаясь.

Чужой! Никто не узнаёт!
Здесь каждый – в роли невидимки:
сквозь отчужденности налёт
все лица зыбки, словно в дымке.

Юны, улыбчивы, милы,
смелы, раскованны, нарядны, –
прошайте, встречные мои!
Мы с вами встретимся навряд ли.

Все понимающая грусть:
уже никто не повторится...
Смирюсь. Вернусь и затворюсь.
И вот тогда – увижу – лица.

ПЕРЕВОДЫ

Кайсын Кулиев. На грани

Опять возникла пропасть предо мною,
опять беда достать меня смогла...
Который раз день застит пеленою
судьба, решив, что мне недодала!

Я сотворён отнюдь не из железа,
терпению всего не превозмочь!
Как хлещет кровь из страшного пореза,
так чёрная в глаза мне хлещет ночь.

Я – словно Лир, раздавший королевство,
а сам лишённый крова, очага.
Внимание судьбы, конечно, лестно,
но почему глядит, как на врага?

О, добрая моя! Лишь ты осталась
моей опорой в бедственные дни;
ты за руку ведёшь меня сквозь старость:
«Крепись, не бойся, веру сохрани!»

Пускай всё гуще ночь, но в ней сверкает
одна звезда – со мною её свет,
он из души моей вовек не канет,
с ним вместе не страшны потуги бед.

Зловещий волчий вой коснулся слуха,
не стало ни покоя мне, ни сна –
но ты мне даровала силу духа,
с тобой дорога сделалась ясна.

Спасает ты меня, как в бурю Лира
безумного; по жизни так ведёшь,
чтоб мог я одолеть невзгоды мира,
чтоб не пристала подлость или ложь.

Али Байзуллаев. Монолог гладиатора

Я гложу от аплодисментов римлян!
Все в честь мою – и рев, и рык, и визг...
От гула воздух словно бы задымлен,
и, как сквозь дым, большие пальцы – вниз!

Мне смерть привычна. (Как предсердье ноет...)
Товарищ вздрогнул... все! Он недвижим.
Песок в крови. Клинок мой черен... Но ведь
моей рукой распорядился – Рим!

Кумир толпы и раб роскошной черни,
в братоубийстве я поднаторел.
Не время ли задуматься: а чем не
арена – Рим? Просторней нет арен!

Настанет час – меня постигнет участь
моих друзей, и, скорчившись у ног
удачливого брата, я, не мучась,
скончаюсь... Но воскресну – дайте срок!

Обрюзгший Рим, растекшийся, как студень,
по ломам золотым! Макаешь в кровь
свой хлеб? А я – точку кинжал! И будет
мой хлеб от крови вражеской багров!

Стоглазый зверь! Попомни мое слово:
сквозь гул трибун, сквозь рев, и смрад, и мрак
мне ясно виден день отмщенья злого,
день торжества... О, где же ты, Спартак?!

Прощальная песня

В пределах Юга есть гробница,
где древний теплится завет;

в гробнице Севера хранится
тот дух, какого больше нет.

Ни северянин, ни южанин,
обеих сторонюсь гробниц;
старинной думою ужален,
я не паду пред ними ниц.

Спущусь с балкарских гор, и осень
мне на ухо шепнет: «Спешите...»
Уйду, длиннобород и грозен,
туда, где степь и – ни души.

Холодной ночью буду греться
в обнимку с золотом луны;
рев зверя, птичий гомон сердцу
окажутся вполне ясны...

Но по прошествии столетий
вернусь в дремотную страну,
и голос мой вонзится плетью
в лопатки сумраку и сну:

«Несчастные и нечестивцы!
Ни на земле, ни в небесах
у вас нет Бога – пусть же снится
Он вам в непостижимых снах!»

А сам, перед дорогой дальней,
черту всему, что жизнью звал,
я песней подведу прощальной,
без слушателей и похвал.

Р. Л. Стивенсон. Реквием

Под небом распахнутым, в гроздьях звёзд,
могилу мою да хранит утёс.
Как радостно жил, так умру без слёз,
я к бессрочному сну готов.
Стих на надгробье прошу такой:
Здесь он желанный обрёл покой;

с моря вернулся моряк домой,
и охотник пришёл с холмов.

Филип Ларкин. Следующий!

Ждать жизни лучшей, будущей, иной
становится привычкою дурной.
Всё время что-то близится; не лень
мнить: «через день»,

следа с утёса, как в заливе флот –
отчётливый, искрящийся – плывёт...
Как медлят обещаний корабли!
Быстрее бы могли!

Но жалкие огрызки всякий раз
порушенных надежд в руках у нас:
хоть видим флаг, блеск меди, шкот любой
и носовой

фигуры позолоченную грудь, –
корабль, не бросив якорь, длит свой путь,
едва сегодня ставши, во вчера.
Вновь до утра

мы ждём: пристанет, выгрузит нам тьмы
благ жизненных, что заслужили мы
долготерпеньем преданных собак.
Но всё не так:

один к нам прёт – чьи паруса черны,
за чьей кормою чайки не слышны,
в кильватере которого всегда
лишь гладкая вода.

Журналист и писатель Арнольд Афанасьевич Баскаев (1935-2020) с одинаковым успехом писал во всех газетных жанрах на живом, понятном для любого читателя языке. Это были аналитические статьи на общественно-политические, производственные темы, материалы, посвященные искусству и культуре, очерки, репортажи, зарисовки, всегда читабельные, затрагивающие какие-то важные вопросы. Журналист всегда трепетно относился к слову, подбирая самые нужные, чтобы предельно ясно сформулировать свои мысли.

А. Баскаев был также талантливым писателем, прекрасным рассказчиком. Из-под его пера вышли десятки рассказов, реалистически, убедительно повествующие о жизни наших современников. В них ему удалось глубоко передать особенности времени, психологию своих героев. Буквально несколькими словами он мог обрисовать своих героев, дать каждому емкую, точную характеристику, так что они представляли перед читателем зримо и полнокровно.

Статьи и рассказы журналиста и писателя были опубликованы не только в «Кабардино-Балкарской правде», где он проработал более четырех десятилетий, но и в других республиканских газетах, в журнале «Литературная Кабардино-Балкария», на страницах федерального профессионального журнала «Мир музея», в центральных газетах «Литературная Россия», «Известия», «Ветеран». Он – автор сборников очерков и рассказов: «В вечном движении», «В круге земного бытия», «В живом потоке жизни», «В водовороте жизни», «Вслед за временем бегущим», «Будни газетчика».

В МОРОЗНЫЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ

В такую зиму и случилось со мной небольшое происшествие. В домах, где жили офицерские семьи, водопровода не было. Воду привозили в больших ёмкостях на бричках. Женщины с вёдрами выстраивались в очередь и разносили воду по своим квартирам. Мы, пацаны, хорошенько запакованные в тёплую одежду, кружились возле брички, мешаясь под ногами взрослых.

Военные брички, запряженные крупными лошадьми, производили почему-то на меня впечатление чего-то загадочного и непонятного. Я пытался проникнуть в их тайну, но она оставалась неподвластной моему детскому мозгу. И я всегда, когда приезжала бричка с водой, крутился возле неё, осматривая со всех сторон. Величие брички, запряженные

в неё кони, которые нетерпеливо топтались на месте, обмахивая себя длинными роскошными хвостами – всё это подавляло меня. Я пытался подойти к лошадям, потрогать их, но было страшно. Они поворачивали морду в мою сторону, шевелили ушами и, глядя на меня, фыркали так, что я на всякий случай отбегал от лошадей подальше.

На дворе стоял морозный зимний день. Женщины с вёдрами толпились возле дома в ожидании очередной брички с водой. Они о чём-то громко переговаривались. Наконец бричка подъехала. Солдат поднял огромный ковш, открыл бочку и стал разливать воду по вёдрам. Я подошёл к бричке сзади и уставился на её колёса. Они были повыше меня. Но не это привлекло моё внимание. Я неотрывно смотрел на широкий металлический светло-серый обод колеса и пытался понять, почему он такой гладкий. Я потрогал его пальцами и вдруг вспомнил слова взрослых о том, что если в мороз прикоснуться к металлу языком, он прилипнет. Тогда и пришла в мою, ещё не окрепшую голову мысль самому проверить, так ли бывает на самом деле, как говорят взрослые. Мне казалось, что это утверждение неправдоподобно. Просто они нас, детей, пугают. Уверовав в свою правоту, я посильнее высунул язык и храбро приложился к ободу, который тут же намертво его и прихватил, чуть ли не до самого горла. Несколько мгновений я в упор смотрел в злые глаза обода. И от этого меня вдруг окатило таким страхом, что я стал буйно дёргаться, пытаюсь вырваться из цепкой хватки металлического обода. Все мои попытки освободить язык оказывались бесполезными. А обод заглядывал в мои обезумевшие глаза и с насмешкой всё сильнее втягивал в себя мой язык, будто стараясь проглотить и голову. И тогда мой истошный вопль огласил окрестность и поверг в испуг толпившихся возле брички женщин. Первой на помощь мне бросилась мать. Не понимая, что случилось, она кудахтала как растревоженная курица и пыталась оттащить меня от колеса. Окружившие нас женщины, сообразив, что я наглухо прилип языком к ободу, оттащили мою мать в сторону, дабы её старание освободить меня не закончилось тем, что мой примороженный язык навсегда останется на ободу колеса армейской брички. При этом я продолжал верещать, а женщины гадали, что делать. Наконец, одна из них предложила полить на обод тёплой водой. Это предложение приняли с восторгом. Кто-то из соседок вихрем помчался домой, чтобы срочно доставить на место происшествия кипяток. Это слово вызвало во мне такой протест, что я из последних сил дёрнулся и вырвался из объятий обода, оставив на его поверхности кровавый след. Увидев свою кровь и, ощутив жжение языка во рту, я издал трагический вопль. Мать схватила мою голову и крепко прижала к своей груди. Она гладила меня и говорила какие-то ласковые слова. Наконец я почувствовал себя в безопасности, успокоился, выглянул из-за маминых рук, как из-за крепостной стены, оглядел женщин, окруживших нас, и виновато улыбнулся. Женщины облегчённо вздохнули и, подхватив вёдра с водой, разошлись по домам. Так закончилось моё

первое серьёзное детское приключение, которое стало для меня хорошим уроком. Суть этого урока впоследствии тесно переплеталась у меня с пословицей о том, что, не зная броду, не суйся в воду. К сожалению, во взрослой жизни смысл этой пословицы иногда ускользал из памяти, о чём я не раз потом сожалел.

НЕ ПОМНИЛ СЕБЯ ОТ СТРАХА

Хорошо запечатлелась в моей детской памяти одна из поездок на поезде с родителями, очевидно, в отпуск. На железнодорожном вокзале мы с мамой, в ожидании поезда, бродили по каким-то залам. Я крепко держал мать за руку, разглядывая с любопытством толпившихся вокруг людей. Нождаанно я увидел сидевшего на полу, прислонившегося к стене, как мне тогда показалось, старика в стёганном голубоватом халате и высокой с острым верхом шапке. В объятиях старика, прижавшись к нему, сидел ребёнок. Я спросил мать: «Кто это?» Она посмотрела на мужчину с ребёнком и, глядя куда-то в сторону, сказала: «Бурят». При этом слове меня охватил ужас. Я вырвал у матери руку и бросился, сломя голову, бежать. Я мчался, не зная куда, толкаясь среди множества людей, не помня себя от страха.

Когда меня, наконец, выловили среди толпы пассажиров и привели к дежурному по станции, мать спросила, что случилось со мной, и почему я сбежал от неё. Я насупился, опустил голову и пробурчал: «Бурят!» – «О господи, – вырвалось из её груди, – какие же мы дуры. Пугаем непослушных детей бурятами, которые якобы крадут ребят и пьют их кровь». Мать стала мне втолковывать, что всё это чепуха. Буряты такие же люди, как и все мы. Просто взрослые по недомыслию пугают детей, чтобы были послушными. Наверное, я поверил матери, и успокоился, потому что, когда мы возвращались в зал ожидания и проходили мимо сидевшего по-прежнему на своём месте бурята, мне уже было несколько не страшно. Да и бурят, глядя на меня, добродушно улыбался.

Вскоре мы вышли на перрон. Я очень волновался. Хотелось побыстрее сесть в вагон и ехать. А зачем и куда – для меня это было неважно и вообще не имело значения. Лишь бы ехать в поезде. И вот мы вошли в вагон. Не успели устроиться в купе, а я уже прилип к окну, хотя за окном пока ничего привлекательного для меня и не было. Обзор закрывал стоявший на соседних рельсах товарняк.

«МОРЕ»

Мы уже ехали довольно продолжительное время, когда я выглянул в окошко и радостно вскричал: «Море!» Но то было не море. То был

Байкал. Название это мне тогда ни о чём не говорило. Поезд долго шёл вдоль побережья озера, а оно всё не кончалось и не кончалось. Я неотрывно глазел на его серебристую гладь, которая меня завораживала. Отвлекал лишь паровоз, который вдруг появлялся на изгибах рельс. Быстро крутились его казавшиеся маленькими колёса. Откуда-то из-под паровоза вываливались иногда клубы пара и, рассеиваясь, неторопливо проплывали мимо вагонов. Паровоз исчезал из виду, выходя на прямые рельсы. И тогда я снова неотрывно рассматривал зеркальную гладь воды, в глубине которой порой ярко мелькало отражение солнечного диска. Что было дальше, не могу вспомнить. Картину обрывает провал в памяти, хотя я силось возродить далёкое прошлое. И неожиданно перед глазами, будто из тьмы веков, выплывают совсем иные картины раннего детства.

СПАСАЯСЬ ОТ ВОЙНЫ

В тот день я сидел дома, занимался какими-то своими детскими делами, как вдруг в дверь кто-то сильно забарабанил. Мать бросилась к двери, из-за которой раздавались громкие требования немедленно открыть дверь. Мать распахнула её и увидела знакомого офицера. Тот без лишних слов заявил, что надо немедленно собраться и выйти на улицу, где уже всех ждёт машина, в которую и следует срочно погрузиться. Она спросила, мол, в чём дело. И в ответ услышала, что немцы приближаются к Пятигорску и необходимо уходить, чтобы не попасть к ним в руки. Мать заторопилась. Она понимала прекрасно, что семье офицера, а отец мой воевал на фронте, пощады от фашистов ждать не приходится. Подхватив заранее собранные самые необходимые вещи и меня, мать выбежала на улицу, увидела стоящую невдалеке машину и побежала к ней. Вскоре в кузове машины оказались все офицерские семьи со своим небогатым скарбом. Дежурный подошёл к машине, спросил, все ли на месте, не забыли ли кого-нибудь, и, получив утвердительный ответ, облегчённо вздохнул и сказал, что можно отправляться в путь. Из кузова послышались голоса женщин. Они спрашивали, где их мужья. «Да вы не беспокойтесь, – заверил их дежурный, – они на лошадях уйдут по другой дороге». Тут подошла незнакомая женщина с ребёнком на руках и стала просить, чтобы ей разрешили уехать на этой машине. «Но куда я вас посажу? – возразил дежурный. – Вы же видите, что в кузове нет свободного места. И потом, я не знаю, кто вы такая, а посторонних мы не берём». Женщина продолжала просить: «Спасите меня и моего ребёнка. Мне нельзя здесь оставаться. Немцы убьют нас. Понимаете, я еврейка». Дежурный растерялся, не зная, как ему быть. «Да пусть едет с нами, – вмешались женщины, сидевшие в кузове. – Как-нибудь потеснимся». Дежурный

махнул рукой и, обращаясь к просившей, нервно произнёс: «Быстренько залазь в кузов!» И вскоре дал команду водителю отправляться в дальнюю дорогу. Машина тронулась, что привело нас, мальчишек, в восторг. Нам было всё равно, куда и зачем нас везут – главное, мы едем.

А предстоял нам дальний путь, о котором мы не имели представления и не догадывались. Как проехали Нальчик, а потом и Владикавказ, не помню. Зато в моей памяти навсегда остались картинки, связанные с Дарьяльским ущельем. Особенно одна из них, когда наши матери вдруг, как, казалось нам, детям, ни с того, ни с сего, начали кричать и стучать по кабине, требуя остановить машину. Но водитель, высунув голову, прокричал: «Проскочим!» Все женщины, сидевшие в кузове, со страхом смотрели куда-то вверх. Я глянул на крутой склон горы и увидел, как оттуда катились камни. Мне было не страшно. Издавна камни казались небольшими, и я подумал, что вреда от них не будет, даже если они попадут в машину. Пока эти наивные детские мысли крутились в моей голове, сзади машины раздался такой грохот, от которого я вздрогнул и прижался к матери. «Слава Богу, проскочили!» – сказала она и ласково погладила меня по голове, отчего страх мой сразу прошел. Я услышал, как одна из женщин сказала: «Если бы такой булыжник попал в кузов, несдобровать бы нам».

Когда мы доехали до перевала, там, в селении Казбеги, нас разместили в школе, где мы и провели ночь. Утром все повывезали на улицу, разожгли костры и стали готовить завтрак. От нечего делать мы с пацанами из любопытства бродили вокруг школы. Сзади неё мы обнаружили глубокий длинный окоп, возле которого впоследствии нас всех собрали, и дежурный офицер предупредил: «В случае тревоги все должны спрятаться в этом окопе и сидеть там, пока не последует команда о её отмене. Всем ясно? Ну, вот и хорошо». С моим товарищем мы обошли школу, и вышли туда, где наши матери готовили на разведённых кострах завтрак. Я увидел старушку, которая, согнувшись, усиленно дула на аккуратно сложенные веточки, которые никак не хотели разгораться. Я толкнул своего товарища и показал на старушку. Он, глядя на неё, улыбнулся. Не знаю, о чём он подумал, но я ему тут же предложил: «А давай поможем старушке развести костёр». Мы насобирали побольше сухих веток и подошли к ней, предложив свою помощь. Она сказала нам: «Спасибо, ребятки, а то я совсем замучилась, ничего у меня не получается». Мы взяли за дело, и вскоре ветки вспыхнули ярким огнём. Нам это доставило огромное удовольствие. Пожилая женщина установила на кирпичи по бокам костра свою кастрюльку и стала ждать, пока там что-то сварится. Мы крутились вокруг её костра, подбрасывали в огонь ветки и делали всё, чтобы он не затухал.

Суетясь у костра, я с товарищем не сразу заметил самолёт, появившийся в небе над Казбеги. Он с оглушительным рёвом

приближался к нам, и это заставило нас оглянуться. Над нами пролетал самолёт с чёрными крестами на крыльях. Сразу стало понятно, что он немецкий. Пораженные увиденным, мы не в силах были оторвать от него своих глаз, и следили за тем, как он, долетев до конца селения, резко развернулся и стремительно умчался вдаль. А в это время дежурный офицер не своим голосом кричал, чтобы все немедленно бежали в убежище. Но женщины, хлопотавшие возле костров, не сдвинулись с места. «А чего туда бежать, если самолёта и след простыл», – громко протестовала одна из женщин. Офицер ещё долго ругался, но его уже никто не слушал, и он вынужден был замолчать. Мы стояли у костра пожилой женщины, продолжая помогать ей, чем могли. Конечно, пользы от нас было не много, и всё-таки она терпела нас, не выпроваживала. Сколько времени всё это длилось, я не помню.

В какой-то момент мой товарищ вдруг встрепенулся и воскликнул: «Глянь, опять самолёты!» Я осмотрелся вокруг, ничего не увидел и крикнул: «Где?» В ответ услышал: «Да вон, высоко в небе, слышишь, гудят». Я задрал голову и высоко в небе заметил два малюсеньких серебристых самолёта. «Наши», – обрадованно заявил я, но мой товарищ перебил меня и с сомнением изрёк: «Наверно, немецкие». Между нами завязался спор. И пока мы доказывали друг другу, наши или немецкие самолёты, вдруг услышали странный свистящий звук. Он всё нарастал, становился тоньше и тоньше, будто впивался нам в детские души. Мы непонимающе смотрели один на другого. И как только свист прекратился, раздались два мощных взрыва. Они были такой силы, что у нас под ногами дрогнула земля. «Всем бегом в окопы!» – донёсся до нас взволнованный голос какого-то офицера. Я оглянулся. Офицеров было много. Все они торопили женщин и крутившихся здесь детей в окопы. В панике все бежали за школу и прятались в окопах, боялись, что немецкие самолёты могут вернуться и снова начнут нас бомбить. К нашему счастью, они больше не появлялись над селом. Мы ещё долго сидели в окопе, устали и, наконец, команда «отбой» освободила нас из окопного плена. Женщины, придя в себя после тревоги, допытывались у офицеров, куда попали немецкие бомбы, и какой вред они причинили жителям села. Как оказалось, бомбы упали за селом, где мальчик-пастух пас свиней. Осколками одну свинью убило, другую ранило, остальные разбежались в разные стороны. Мальчишку оглушило взрывной волной, он отделался испугом и быстро пришёл в себя. Это была первая и последняя бомбёжка, которая выпала на мою детскую долю во время войны. На следующий день рано утром нас погрузили на машины и мы двинулись в путь по Военно-Грузинской дороге в сторону Грузии. И опять пацаны несказанно радовались тому, что едем...

ТАНКИСТЫ – НЕ ПОДВЕЛИ

Приближается очередная годовщина победы СССР над фашистской Германией. Все страны мира, принимавшие участие во Второй мировой войне, по сей день обсуждают цену победы над гитлеровцами и род войск, сыгравший в этом основную роль. Советские танковые войска (10 танковых армий), являющиеся главной ударной силой сухопутных войск, входили в состав фронтов, действовавших на наиболее важных направлениях. В большинстве наступательных операций фронта имели в своём составе 1-2-3 танковые армии, в некоторых 4-5-6 армий. В ходе войны, в битвах под Москвой, под Сталинградом и на Курской дуге, наши танковые войска сыграли определяющую роль. Успешная защита Ленинграда, где они упорным сопротивлением измотали и крепко приковали к северному направлению крупную группировку немцев, не позволила гитлеровскому командованию своевременно перебросить под Москву 4-ю танковую группу войск. Это соединение не успело к началу операции «Тайфун» восстановить материальную часть и в ослабленном состоянии было направлено на Москву, что способствовало ее разгрому еще на подступах к нашей столице.

С болью в душе, гордостью и уважением каждый житель нашей республики рассматривал фото Героя Советского Союза танкиста Кабарда Карданова в СМИ, читая строки о его мужестве и совершённых им подвигах. Я побывал на родине героя – лейтенанта-танкиста, командира взвода, погибшего в боях за родную страну, – в его родном селе Аушигер, где его именем названа средняя школа. При входе остановился, внимательно всматриваясь в высокий бюст Кабарда, в мужественные черты его лица, и с чувством гордости шагнул в сторону школы.

Селение Аушигер подарило родной республике, так и всему Советскому Союзу, не только танкиста, сделавшего всё возможное и невозможное, чтобы победить фашистов, но и его старшего брата Героя Советского Союза генерал-майора Кубати Карданова – военного лётчика, доказавшего непобедимость нашей авиации на всех фронтах. В Аушигере умеют чтить память достойных односельчан. Я познакомился с директором школы Л. Д. Бадзевой, заговорившей о школьном музее, созданном в честь участников Великой Отечественной войны, об экспонатах, свидетельствующих о славной истории родного села. В музее, красноречиво названном «Поиск», рядом с фотографиями родного дома Кабарда в селе я увидел фотографию танка, стоящего на бетонном постаменте в городе Чортков Тернопольской области

Украины, где погиб Кабард, а также список бойцов, павших за этот город. Школьники Аушигера, вместе с родным братом Кабарда Кубати, всегда поддерживали связь с Советом ветеранов Чорткова, чья память героев нашей страны и Украины. Душу трогает письмо, отправленное 30 мая 1944 года родному брату Кабарда, Хабале. В нем шесть сослуживцев называют Кабарда «любимым боевым командиром, который не трусил, когда на него лезли десяток немецких танков и сотни солдат и офицеров, а наоборот, в этот момент к его груди приливалась струйка ненависти, с которой он выходил победителем во многих сражениях. В наступательных боях и освобождении Украины от немецких захватчиков он шёл в первых рядах освободителей, сея панику в рядах противника, уничтожая его технику и живую силу. Его смерть является тяжёлой утратой не только для вас, но и всей нашей части. В его лице мы потеряли одного из лучших офицеров, чуткого боевого товарища. Посылая Вам Орден Отечественной войны I степени, который он заслужил в последнем бою, офицеры, сержанты и бойцы, клянёмся Вам, что за смерть Вашего брата мы отомстим этим проклятым врагам.

Командир батальона, гвардии майор Вовченко. 23 марта 1944 года».

Можно себе представить, какие горькие слёзы проливал его брат Хабала, прочитав это письмо. Легендарному танкисту было всего двадцать лет. Зав. кафедрой истории КБГУ Анатолий Текуев и его супруга – заслуженный работник культуры РСФСР Рая Афаунова – случайно натолкнулись на его имя во фронтовых записках журналиста Юрия Жукова «Дороги на Карпаты», опубликованных в журнале «Знамя», № 2 за 1962 год. Жуков писал: «Командир танка лейтенант Карданов награждён четырьмя орденами, в последнем бою не заметил «тигра», который его подбил». Переписка с журналистом дополнительных сведений не дала. Но запись, обнаруженная в наградном листе, хранящемся в центральном архиве, гласит: «21, 22 и 23 марта 1944 командир танка Карданов Кабард уничтожил 110 солдат и офицеров, 6 пушек, 4 танка, 100 автомашин, 20 повозок с грузом, 2 миномёта, 1 зенитную установку и, будучи подбит «тигром», из засады, из своего горевшего танка уничтожил его. В этом бою боевой офицер Карданов пал смертью героя. За героизм и мужество достоин присвоения звания Героя Советского Союза». На основании этой записки, переданной Анатолием Текуевым и Раяй Афауновой руководству республики, к 45-летию Победы в Великой Отечественной войне 5 мая 1990 г. Указом Президента СССР Кабарду Карданову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

На самых трудных фронтах, куда его направляла Родина, мужество танкиста и закалку настоящего командира проявлял генерал бронетанковых войск Хаким Дешпуев, родившийся в селении Холам. Выходец из семьи крестьян, несмотря на все проблемы, связанные со сталинской депортацией балкарского народа и его дискриминацией,

весной 1944 года, первым в истории балкарского народа получил воинское звание генерал-майора бронетанковых войск. Прославленный танкист, о подвигах которого писали фронтовые и московские газеты, командовал гвардейским танковым полком. Отличился в боях за освобождение Польши и в окончательном разгроме фашистской Германии. Удивительно, но тактика ведения боя старшего лейтенанта командира роты Хакима Деппуева не только при наступлении, но и в обороне, напоминает такую команду танка Кабарда Карданова и командира взвода Константина Борисова, о котором я читал в СМИ. В статье, опубликованной в газете «Красная звезда» 1 августа 1942 года, рассказывается о бое, организованном Хакимом: «Первый удар Деппуев нанёс, когда мотоциклисты, танки с противотанковой артиллерией, автомашины с пехотой выровнялись на насыпи. От удачно выбранного момента удара по немецкой колонне у них произошло замешательство, что дало возможность перестрелять всю технику и пехоту. Остатки пушек немцев открыли такой огонь, что танк командира превратился в раскалённую печь, экипаж задыхался от бензиновой гари, от дыма, но Хаким вёл непрерывный огонь по врагу, поднял роту и пошёл в атаку. Бой окончился, фашисты оставили 26 пушек, большое количество снарядов, мотоциклы, гусеничные машины, много пулемётов, винтовок». Так умел драться с немцами наш земляк. Благодаря мужеству и таланту командира Деппуев был направлен на должность заместителя командующего военным округом. В послевоенные годы Хаким Деппуев окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, много лет командовал различными частями и соединениями. В ноябре 1967 года «За достигнутые успехи в освоении новой сложной техники» Х. С. Деппуев награждён орденом Ленина. До этого награждён двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, «За службу в Вооружённых силах СССР» III степени и многими медалями. После службы Хаким Сафарбиевич вернулся на родину. Был открытым, доброжелательным человеком. Любил жизнь, радовался ей. Его имя увековечено в скульптурах и названиях улиц. Его жизнь и подвиги изучаются в школах и других учебных заведениях.

Свой воинский долг в защите интересов Отечества достойно выполнил Константин Борисов, житель Подмосковья, окончивший среднюю школу в 1923 году. Благодаря успехам в учебе и влечению к технике он был принят в танковое училище в Москве, в 1939 году окончил его, а в 1940 году, в звании лейтенанта, получил боевое крещение во время финской кампании. Затем участвовал в боевых действиях советских войск на Западной Украине. С 22 июня 1941 года – на фронтах Великой Отечественной. В самом начале войны танковая часть, где служил Константин, попала в окружение. Сумевший вырваться из окружения вместе с сослуживцами, он был назначен

заместителем командира роты. Проявляя храбрость и мужество, а также командирскую смекалку, участвовал в тяжёлых боях под Москвой, Сталинградом и под Прохоровкой на Курской дуге, где в колоссальном огневом противостоянии с немцами трижды поменял танк Т-34. За боевые подвиги был назначен командиром полка, награждён орденом Отечественной войны I степени и тремя орденами Красного Знамени. За форсирование Днепра, где он проявил себя умелым организатором, награждён Орденом Александра Невского. За освобождение Польши награждён орденом этой страны. Брал Берлин, оставил свою подпись на стенах Рейхстага, награждён орденом Красной Звезды. После войны окончил академию имени Фрунзе. С 1949 по 1956 г. служил военным комендантом одного из российских городов. С 1957 года – командир гарнизона танковой части в городе Нальчике. Пользовался большим авторитетом, являлся членом обкома КПСС, депутатом Верховного Совета КБАССР как грамотный, честный, принципиальный человек, вносящий рациональные предложения в совершенствование промышленного производства КБР.

Необходимо отметить факт достойного участия в Великой Отечественной войне моего односельчанина – танкиста, капитана Хажисмела Табишевича Бетрозова, начинавшего с Финской войны в 1939 г. солдатом и продолжившего участие в боевых действиях на разных участках войны, в том числе под Сталинградом, сначала техником, далее командиром танка. Он закончил войну в Чехословакии, в городе Брно, в 1945 году, будучи начальником бронетанковой службы танковой бригады. Особо следует отметить мужество и профессионализм, проявленные Хажисмелом при форсировании Днепра, где меткими выстрелами из танка он потопил четыре немецких катера, за что был предоставлен к званию Героя Советского Союза. К сожалению, награждение ограничилось именованным оружием «маузер». За участие в Финской и Великой Отечественной он награждён двумя орденами Красной Звезды, Орденом Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» и другими медалями. Проявляя мужество, храбрость и умение командовать, Хажисмел заслужил много наград, за что его уважали в республике, районе и в родном селе Хатуей. Он воспитал и должным образом обучил пятерых сыновей и двух дочерей вместе с женой Куцей, трудясь после войны в колхозе инженером МТС. Один из его сыновей, Сосланбек, стал генерал-майором мотострелковых войск, работал много лет военкомом КБР. Его младший брат Алим ушёл на пенсию в звании полковника ПВО. Как видите, сыновья Хажисмела уверенно прошагали по стопам отца.

Вместе с полковником П. В. Горячкиным и бывшим командиром танковой роты капитаном М. П. Роговым они организовали Совет ветеранов-танкистов КБР. Совет ветеранов многие годы проводил

большую общественно-политическую работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения и возданию должного уважения участникам Великой Отечественной войны. Поддерживали тесную связь с генерал-майором Хакимом Демпуевым, служившим в бронетанковых войсках. Мне запомнилось одно из мероприятий, посвящённых празднованию Дня Победы, проводимое в библиотеке имени Крупской, где Константин Сергеевич уделил большое внимание подвигам военного лётчика Героя Советского Союза генерал-майора Кубати Карданова. Все присутствующие были под большим впечатлением от его выступления. По окончании же он попросил всех приглашённых встать и почтить минутой молчания младшего брата Кубати – Кабарда, лейтенанта, командира взвода танкистов, погибшего, проявляя чудеса храбрости и мужества, и награжденного спустя сорок шесть лет звездой Героя Советского Союза. В течение трёх минут зал аплодировал ему и стоящему рядом Кубати Карданову, у которого текли слёзы. Завершая этот замечательный вечер, наш любимый поэт Кайсын Кулиев сказал: «Константин Борисов является не только танкистом, не только командиром, но и настоящим отцом, воспитавшим и выучившим вместе с женой двух дочерей, умеющих трудиться, продолживших потомство внуками». За все его военные заслуги и активную общественную деятельность в республике и городе Нальчике имя Константина Сергеевича увековечено занесением в список почётных граждан г. Нальчика.

Признательность и особое уважение к нашим героям-танкистам высказывал мне генерал-лейтенант танковых войск С. У. Беппаев, прошедший путь от полковой разведки до командования танковой армией, руководителя группы войск особого назначения в странах Варшавского договора. Службу он завершил заместителем командующего Закавказским военным округом. Награждён 28 правительственными наградами, в том числе наградами иностранных государств. Избирался депутатом Верховного Совета и членом ЦК КП Белоруссии. Будучи пенсионером, являлся секретарём комиссии по правам человека при Главе республики КБР, возглавляет общественную организацию «Алан» балкарского народа, избирался депутатом Верховного Совета КБР. В сложные постперестроечные времена возглавлял Координационный совет общественных организаций Северного Кавказа. При всех высоких регалиях он остался простым, добрым, доступным для каждого гражданина КБР человеком. В первый раз о достоинствах Суфьяна Узеиновича я услышал из уст нашего любимого поэта Кайсына Кулиева у него дома в Чегеме, куда меня с собой взял мой односельчанин – народный писатель КБР Ахмедхан Налоев, чтобы проведать приболевшего Кайсына. В гостях у поэта оказался его старый друг Расул Гамзатов, ведущий беседу за столом на самые разные темы. В разговоре о самых лучших военачальниках

Северного Кавказа Кайсын Шуваевич упомянул генерал-майора Хакима Депенуева и с гордостью назвал имя Суфьяна, с отцом которого, Узеиrom, был в дружеских отношениях.

Суфьян еще в школе мечтал стать врачом, но влияние старшего брата и увлечение математикой определили его дальнейший выбор: после школы он был призван в танковую часть, окончив военно-командное танковое училище, служил в Грузии, на юге Азербайджана, откуда в должности командира батальона его направили в академию имени Фрунзе. Затем – академия генерального штаба и служба в ГДР в звании полковника, командира танковой дивизии. Находясь на этой должности, он два раза встречался с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым. До этой встречи имел предварительный конструктивный разговор с секретарём ЦК КПСС Романовым. Трижды встречался с министром обороны Куликовым, проверявшим его знания в той или другой ситуации ведения боя, когда Суфьян Узеирович завершал свой ответ одной фразой: «Поставленную задачу выполним». После последней встречи он получил звание генерала. Весь путь становления настоящего генерала дополнялся удачной семейной жизнью. Супруга, обаятельная киевлянка, дочь министра сельского хозяйства Украины, подарила ему двух сыновей, достойно определившихся в жизни. Для дочери, принятой на воспитание, созданы оптимальные условия жизни.

Сам генерал всегда с огромным уважением относился к Т. К. Мальбахову и В. М. Кокову – незабываемым руководителям республики. В качестве секретаря комиссии по правам человека при Главе КБР оказывал постоянную помощь простым людям, нуждающимся в материальной помощи или в организации квалифицированного лечения. С его участием увековечены имена многих славных представителей нашей республики – ветеранов войны, ученых, писателей, спортсменов – в названиях улиц, в возведении мемориальных объектов, в изданных книгах, в присвоенных им высоких правительственных наградах.

*Людмила ХАВЖОКОВА,
кандидат филологических наук, зав. сектором
кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН*

БЛАГОРОДНЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА

Х. И. Баков

В стремительно меняющемся современном мире с непрерывно протекающими в нем глобализационными процессами, сопровождающимися серьезными трансформациями во всех сферах жизни, человеку важно обладать умственной и психологической устойчивостью, чтобы следовать зову сердца и не сойти с избранной жизненной траектории. Это удастся только самым смелым и выносливым людям, в которых гармонично сочетаются личные человеческие качества и высокие интеллектуальные способности. Ярким примером такой личности является ученый-литературовед, педагог, доктор филологических наук, профессор Хангери Ильясович Баков. Врожденное остроумие, упорство, трудолюбие и правильный выбор направления деятельности принесли ему общепризнанный авторитет в северокавказской и отечественной филологии.

Х. И. Баков родился 17 сентября 1940 г. в ауле Жако Хабезского района Черкесской автономной области (ныне КЧР). Он является представителем поколения «детей войны», к которому принадлежат многие известные личности – писатели, ученые, артисты, общественные и политические деятели, спортсмены. Парадоксально, но факт: люди, чье детство и становление пришлось на трудные послевоенные годы, достигли больших успехов в жизни. Если взять только представителей адыгского этноса, то эту мысль подтверждает целый ряд значимых имен: Исхак Машбаш, Нальбий Куек, Казбек Шаззо, Абу Схаляхо, Батырбий Берсиров, Рашид Хунагов, Аслан Джаримов, Асланчери Тхакушинов, Борис Утижев, Хабас Бештоков, Заур Налоев, Андрей Хакуашев, Мухадин Кумахов (языковед), Адам Гутов, Валерий Коков, Лейла Бекизова, Хизир Хапсироков, Умар Темиров и др. К этому поколению относится и Хангери Баков, отец которого погиб в битве под Сталинградом в конце 1942 года. После ухода отца на попечении матери-вдовы остались трое несовершеннолетних детей. Младший из них, Хангери, после шести классов Жаковской (в то время семилетней) школы был определен в областную среднюю школу-интернат, открытую в Черкесске для детей участников войны, погибших на фронте. В этой школе работали высококвалифицированные учителя, приглашенные из разных областей СССР, поэтому дети проходили

прекрасную подготовку, выпускники успешно поступали в лучшие вузы страны. Знания, полученные в школе, дали возможность Х. И. Бакову поступить в Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, после чего он успешно окончил аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук в Москве, откуда вернулся кандидатом филологических наук. Впоследствии защитил и докторскую диссертацию.

В трудовой книжке Х. И. Бакова есть только три записи: первая о том, что после школы работал в строительной бригаде (1959–1961 гг.), вторая – научно-педагогическая деятельность в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте (ныне КЧГУ им. У. Д. Алиева; 1973–2004 гг.) и третья – главный научный сотрудник КБИГИ (ныне ИГИ КБНЦ РАН; с 2004 г. по настоящее время). Приведенные данные ничего не говорят о тяжелом детстве и юности, о том, что будущий ученый много лет жил в интернате, в студенческом и аспирантском общежитиях, армейской казарме. Эти годы закалили его характер, воспитали в нем трудолюбие и упорство.

Безмерная любовь Хангери Ильясовича к родному языку и литературе передалась от матери, которая обладала редкостным чувством патриотизма, привязанности к своим истокам и выразительностью речи; знала бесчисленное множество народных песен, стихов, сказок, пословиц и поговорок. Все же профессиональный интерес к филологии пробудился в нем позже, в университете, где он активно участвовал в работе научно-студенческого сообщества. По окончании КБГУ на совместном заседании кафедры кабардино-черкесского языка и литературы и кафедры русской литературы Х. И. Баков был рекомендован в аспирантуру. Впоследствии, как показало время, он в полной мере оправдал оказанное ему высокое доверие.

К исследовательской деятельности Х. И. Баков приобщился уже в студенческие годы. За дипломной работой «Лирика Алима Ханфенова», которая была рекомендована к изданию в качестве учебного пособия, последовало исследование на более обширную тему, охватывающую весь адыгский литературный процесс, – «Адыгские литературы и проблемы развития младописьменных литератур», по которой была защищена кандидатская диссертация в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Для ее написания диссертант приезжал из Москвы в командировку в Нальчик, Черкесск, Майкоп. В Майкопе несколько раз беседовал с выдающимся адыгским прозаиком Темботом Керашевым. В результате большую часть диссертации Хангери Ильясович посвятил творчеству этого писателя, хотя к тому времени о Т. Керашеве уже были написаны книги, диссертации, огромное количество статей, проведены научные конференции. Но молодой исследователь продемонстрировал в своей работе собственное видение его творчества. Когда он представил диссертацию на обсуждение

в Адыгейский научно-исследовательский институт, заведующий отделом фольклора и литературы А. М. Гадагатль не только дал положительный отзыв, но и в письме обратился к соискателю: «Если Вы разрешите, то мы опубликуем всю главу о Темботе Керашеве».

После аспирантуры главными направлениями научной деятельности Х. И. Бакова стали литература адыгского зарубежья, проблема национального своеобразия литературы, особенности и закономерности адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской) поэзии. По проблемам национальной литературы и культуры исследователь опубликовал десятки статей, выступал с научными докладами на конференциях.

Над своей докторской диссертацией Хангери Ильясович работал долго, ее завершению препятствовало несколько обстоятельств: продолжительная административная работа в должности декана (более 12 лет), заведующего кафедрой (13 лет), разработка лекций по многим учебным курсам (11 дисциплин). Несмотря на это, защита докторской диссертации по теме «Национальное своеобразие адыгской поэзии и проблемы творческой индивидуальности художника» и монография, ставшая основой диссертации, принесли исследователю известность в литературоведении Северного Кавказа. В 1996 г. монография была удостоена Международной премии имени Иззата Кандура.

Несмотря на то, что Х. И. Баков является одним из ведущих научных сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований и в настоящее время занят плодотворной научной деятельностью, он не забывает кафедру, за которой читал лекции по русской и зарубежной литературе, по истории и теории литературы и другим дисциплинам. Его как лектора почитали не только студенты, но и коллеги. Многие студенты Х. И. Бакова стали докторами и кандидатами наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами, главными редакторами республиканских газет. Среди них проректор по науке КЧГУ, профессор С. У. Пазов, заведующие кафедрами, профессора А. Х. Батчаев и З. Х. Ионов, главный редактор республиканской газеты «Карачай» поэт Х. Капушев, главный редактор газеты «Ногай Давысы» А. Атуова и многие другие. В 1998 году одна из выпускниц КЧГУ, доцент С. С. Джанибекова в Карачаево-Черкесской республиканской газете «День Республики» опубликовала очерк «Профессор» о декане филологического факультета Х. И. Бакове, в котором процитировала многих его коллег, посчитавших своим долгом сказать доброе слово о нем. К этому названию можно добавить эпитет «настоящий», которого достоин известный педагог и ученый.

Уже в самом начале работы в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте Х. И. Баков проявил свои педагогические и организаторские качества. Будучи куратором студенческой группы национального отделения филологического

факультета, он за четыре года вывел ее на первое место в вузе, в качестве поощрения организовал поездку с ними на экскурсию в г. Нальчик, затем в г. Ленинград, где студенты посетили музеи, достопримечательные места, в том числе знаменитый Эрмитаж. Несомненно, такое отношение пробуждало в студентах стремление к знаниям, любовь к искусству, литературе и культуре. Умение выводить вверенный ему коллектив на передовые позиции – одна из бесспорных заслуг Х. И. Бакова. Он избирался деканом филологического факультета два срока подряд, коллектив под его руководством непременно становился лидером в вузе. Когда же факультет был преобразован в Институт филологии, его директором был назначен профессор Х. И. Баков. Усилиями ректора А. Д. Койчуева, проректора С. У. Пазова, а также директора Института филологии Х. И. Бакова в Карачаево-Черкесском госуниверситете на базе Института филологии впервые был создан диссертационный совет по специальности 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа) и его первым председателем был утвержден Х. И. Баков. Совет внес значительный вклад в дело подготовки литературоведов высшей квалификации. К его работе были привлечены известные ученые К. Г. Шаззо (Адыгея), А. Х. Хакуашев (КБР), З. Х. Толгуров (КБР) и мн. др.

Относительно педагогических заслуг к вышесказанному необходимо добавить, что Х. И. Баков разрабатывал лекции и практические занятия как по литературе, так и по языку (несколько лет преподавал кабардино-черкесский язык, будучи заведующим кафедрой черкесской и абазинской филологии), и вводил их в учебный процесс. Он ежегодно организовывал и проводил семинары для учителей родных языков. Надо отметить, что Хангери Ильясович несколько лет был заместителем председателя комиссии РСФСР по работе кафедр и факультетов национальных филологий в вузах субъектов Российской Федерации, обобщал опыт многих кафедр, участвовал в комиссиях по контролю уровня преподавания родных языков. Большую пользу в становлении педагога и ученого принесло то, что он перечитал и переосмыслил множество произведений русской и зарубежной классики, не говоря уже о публикациях местных писателей. Каждые пять лет он проходил курсы повышения квалификации по русской и зарубежной литературе в Москве и Ленинграде. На курсах по зарубежной литературе одним из немногих удаивался отличных оценок, а однажды в Ульяновском госуниверситете провел открытое практическое занятие по произведению «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери на семинаре ведущих преподавателей зарубежной литературы из Москвы, Ленинграда, Иркутска, Киева, Минска и других городов.

На протяжении многих лет Х. И. Баков вел разработанный им семинар «Русско-зарубежные литературные связи», к которому

студенты проявляли большой интерес, поскольку в советское время, когда значительная часть информации была табуирована, на его занятиях они узнавали много интересных фактов из жизни зарубежных, русских и северокавказских писателей. Таким образом студенты вовлекались в исследовательский процесс, им прививалась подлинная любовь к искусству слова.

Трудно определить, в каком качестве (в какой ипостаси) Хангери Ильясович достиг наиболее значимых успехов – как преподаватель и организатор учебного процесса в КЧГУ, которому он посвятил более 30 лет, занимая последовательно должности старшего преподавателя, доцента и профессора, заведующего двух кафедр, декана филологического факультета и директора впервые созданного на базе университета Института филологии, или в академической филологической науке, которой он плодотворно занимался в КЧГУ и продолжает в ИГИ КБНЦ РАН, где на протяжении уже двух десятков лет работает в должности ведущего научного сотрудника сектора кабардино-черкесской литературы. Несомненно, значителен его вклад в сферу образования, за что был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», но немало заслуг и у Бакова-ученого, заслуженного деятеля науки трех республик – Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, прямым свидетельством которых выступают сотни его научных трудов.

Первое монографическое исследование Х. И. Бакова «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» было опубликовано в годы его работы в КЧГУ. В нем автор объединил две актуальные проблемы, за которые берутся лишь немногие ученые. Вопрос национального своеобразия и самобытности – один из самых сложных в теории литературы. Этой проблемой в далеком прошлом занимались лишь единицы: И. Гердер, Г. Белинский, Д. Сикейрос, В. Брюсов, ближе к нашему времени – М. Храпченко, Ч. Гусейнов. Из адыгских исследователей ее затронули только Х. Теунов и Х. Хапсироков. В своей работе Хангери Ильясович смог установить связь между национальным своеобразием литературы и творческой самобытностью отдельных крупных писателей, обладающих яркой творческой индивидуальностью, между «видением мира вещей» народа и его конкретного представителя, создающего художественную литературу. В монографии значительное место отведено анализу творчества адыгских писателей-представителей зарубежных черкесских диаспор. Ко времени ее издания были опубликованы значительные работы о жизни и творчестве зарубежных адыгов (труды М. Хафицэ, А. Схалыхо и др.), но именно в монографии Х. И. Бакова впервые был проведен глубокий научный анализ литературы диаспоры. После выхода этого значимого труда северокавказские литературоведы

активно включились в исследование литературы зарубежных диаспор. Надо отметить, что монография «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» и сегодня остается одним из самых цитируемых исследований.

Научно-исследовательская деятельность Х. И. Бакова активизировалась в 2004 году после его перехода на работу в Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Впервые исследуя творчество талантливого кабардинского поэта, писателя, драматурга и публициста Бориса Утижева, Х. И. Баков провел комплексный художественно-эстетический анализ его лирических произведений, сонетов, стихотворений в прозе, новелл, комедий, трагедий и обширной публицистики, отражающей проблемы развития кабардино-черкесского языка, литературы, драматургии и театра. Вышедшая в свет в 2010 г. монография «Борис Утижев. Поэт. Писатель. Драматург» получила высокую оценку специалистов, положительные отзывы были опубликованы в журналах и газетах, выходящих в разных регионах нашей страны: «Литературная Россия» (Москва), «Адыгское слово», «Кабардино-Балкарская правда», «Литературная Кабардино-Балкария» (Нальчик), «Голос адыга» (Майкоп), «Черкесия» (Черкесск). Книга привлекла внимание широкого круга специалистов, читателей и поклонников творчества Б. Утижева.

Заметным явлением в адыгском литературоведении стала и следующая монография Х. И. Бакова «Юмор и сатира в адыгской литературе» («Адыгэ литературэ. ГушыӀэмрэ ауанымрэ», 2013). В ней исследованы проблемы эволюции комических жанров, выявлены черты сходства и различия юмора и сатиры в кабардино-черкесской литературе. Анализ основных языковых средств создания комического в творчестве современных адыгских поэтов, писателей и драматургов, позволил автору выявить национальное своеобразие кабардинской сатирико-юмористической литературы.

Отличительной чертой Бакова-ученого является то, что в своих исследованиях он опирается на широкий анализ конкретных текстов художественных произведений, избегая общих суждений, не подкрепленных фактами из литературного процесса. Исследователь видит актуальные проблемы и направления, типичные для всего литературоведения Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют его статьи в ведущих российских журналах, посвященные проблемам литературной критики, истории и теории литературы, а также доклады на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, проходивших в России и за рубежом: в Москве, Петербурге, Нальчике, Владикавказе, Майкопе, Карачаевске, Черкесске, Грозном, Магасе, Ставрополе, Цхинвале, Анкаре (Турция), Аммане (Иордания).

В многолетней научно-педагогической деятельности профессора Х. И. Бакова значительное место занимают пропаганда научных знаний, консультации докторантов и руководство аспирантами, участие в советах по защите докторских и кандидатских диссертаций (АГУ, Майкоп; КБГУ, Нальчик), в работе Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (действительный член АМАН с 1995 г., в настоящее время академик-секретарь филологического отделения АМАН), выступает в роли официального оппонента по защите диссертаций, а также редактора и рецензента научных трудов известных ученых.

Х. И. Баков часто выступает в СМИ по актуальным вопросам истории, культуры, сохранения и развития родного языка, проблемам литературного процесса. Обширна и многообразна его публицистика, им опубликовано множество статей в газетах и журналах КБР, КЧР, РА, посвященных творчеству писателей, их юбилейным датам, общекультурным проблемам, вопросам сохранения и эволюции национальных языков и литератур.

Хангери Ильясович принимает активное участие во всех мероприятиях и научных проектах, осуществляемых сектором кабардино-черкесской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Он один из редакторов и авторов академического издания «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» (в 3-х томах на кабардино-черкесском языке – 2010, 2013, 2017 (переизд. 2021); 1 том на русском языке – 2019), один из авторов-составителей библиографического словаря «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели» (в 3-х томах – 2021, 2022, 2023). В рамках последнего проекта им написаны десятки статей-персоналий о жизни и творчестве адыгских писателей, фольклористов, публицистов, критиков и литературоведов.

За многолетний добросовестный труд Х. И. Баков награжден почетными званиями, многочисленными грамотами и дипломами. О его научно-педагогической деятельности написаны десятки статей. Все это он заслужил своим усердием, талантом, умением работать в коллективе и делиться своими знаниями и ценным опытом, накопленным за более чем полувековой период упорного труда.

Выражаю благодарность моему уважаемому наставнику, официальному оппоненту по кандидатской диссертации, научному консультанту по докторской диссертации и коллеге за помощь в исследовательской деятельности и организации работы сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Желая новых научных открытий и творческих успехов на его трудном, но благородном пути.

ДОСТИГ СВОЕЙ ЦЕЛИ

Годы перестройки сыграли важную роль в жизни предпринимателя и мецената Исмаила Мухамедовича Кайтаева. Шла коренная ломка общественно-политического устройства СССР, и он вольно или невольно оказался втянутым в этот процесс. Именно в это время он обрел весомый авторитет в Кабардино-Балкарии и прежде всего у своего родного балкарского народа. В отличие от многих общественно-политических деятелей, он не просто говорил о необходимости возрождения исконных духовных ценностей балкарцев, а внес реальный, весомый вклад в их сбережение и дальнейшее развитие. Он прекрасно понимал, что для сохранения этнической культуры и традиций от ассимиляции необходимо целенаправленно пропагандировать и развивать свои культурные ценности. Прежде всего, это касается народной хореографии, которая, как и героический эпос балкарцев и карачаевцев «Нарты», стала одной из вершин народного искусства этноса. Балкарцев в мире знают прежде всего по этим фрагментам их культуры, поскольку они достигли мирового уровня, получили международное признание и позволяют этносу сохранить свои национальные особенности. Танцы – один из наиболее оригинальных и значительных проявлений национального духа балкарцев. Именно благодаря этому виду искусства в первую очередь прославился балкарский народ во всем мире, именно танцы позволили ему выйти на мировую культурную арену.

И. М. Кайтаев

Каждый исторический период выдвигает своих героев на авансцену культурной жизни. Перестройка стала эпохой национального романтизма с присущей ей идеализацией этнических ценностей, поисками различий между своим и чужим, возможностью показать свою национальную сущность. Исмаил Кайтаев именно в годы перестройки вышел на передний план общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии.

Родился он в 1942 году в селе Думала Кабардино-Балкарии, и двухлетним ребенком вместе со всем балкарским народом был депортирован в Среднюю Азию. По его воспоминаниям, он никогда не чувствовал себя на чужбине обиженным или ущемленным, и до сих пор благодарен коренным народам Казахстана и Киргизии (он успел пожить в обеих республиках) за то, что помогли депортированным

народам выжить в тех непростых условиях. Еще в Средней Азии И. Кайтаев добился первых успехов. Окончил Киргизский торговый институт товароведения, после чего получил очень престижную должность главного эксперта в Торгово-промышленной палате Киргизской ССР, где его высоко ценили и даже стремились удержать, когда балкарцы стали возвращаться на Кавказ. Именно поэтому он вернулся на историческую родину, так сказать, с большим опозданием, только в 1984 году.

Новые времена давали надежду на открытие собственного бизнеса. Исмаил Мухамедович надеялся, что сделать это на родине будет легче. Как только прослышал о подготовке правительством страны закона о кооперации, загодя тщательно разработал устав своей будущей фирмы, четко продумал план работы. Буквально в первый день принятия закона – 1 апреля 1987 года – Кайтаев официально зарегистрировал свое детище. От природы у него была предпринимательская жилка, так что дела сразу пошли в гору. Учрежденный им кооператив «Алтын кол» начал давать ему стабильный доход. Только на первый взгляд кажется, что вид деятельности, которому он посвятил себя, слишком прозаичен. Жизнь доказала обратное.

Исмаил Мухамедович был одарен прекрасными организаторскими качествами, был отличным хозяйственным руководителем. Предприниматель сумел окружить себя единомышленниками, которых глубоко уважал и доверял им, и они отвечали ему тем же. Обладая трезвым, ясным умом, рассудительностью, огромным трудолюбием, он сумел добиться в бизнесе многого. В первую очередь, был требователен к себе, это позволяло ему поддерживать дисциплину и порядок и в трудовом коллективе. Одаренный природой гибким умом, он легко впитывал в себя все новации и внедрял их в свое производство. Всегда проявлял заботу о своих работниках: выплачивал большие по тем временам зарплаты, причем без задержек, что было тогда редкостью. Его очень волновала демографическая проблема балкарского народа, ведь в результате депортации погибло огромное количество людей, и важно было восполнить эти потери. Потому он выплачивал женщинам пособия на детей, вплоть до их совершеннолетия, поддерживал материально студентов и очень заботился об условиях труда своих подчиненных. Его работники высоко ценили его заботу о себе, так что о дисциплине говорить не приходилось: каждый из них добросовестно и ответственно относился к своим обязанностям. В общем, будучи прекрасным организатором, он сумел создать сильный, дееспособный коллектив.

Строя свою предпринимательскую карьеру, И. Кайтаев стремился быть в добрых, деловых отношениях со всеми государственными органами, старался работать без замечаний со стороны налоговых

органов. Чтобы его бизнес процветал, ему приходилось контактировать с большим кругом людей, с которыми он умел договариваться. До поры и времени это ему удавалось. Нельзя не отметить, что он был весьма далек от чиновничества, оценивал людей исключительно по их реальным делам и душевным качествам.

В то время он еще не думал о проблемах балкарской культуры, целиком сосредоточившись на своем бизнесе. А вот балкарская творческая интеллигенция задумалась о создании ансамбля балкарских народных танцев, но прекрасно понимала, что без денег эту проблему не решить. В поисках спонсора остановили свой выбор именно на Кайтаеве, поскольку были наслышаны о его щедрости, а главное, желании способствовать развитию балкарской культуры. Зная о том, что Исмаил был не только мыслящим человеком, но и умел реализовать свои идеи, они не сомневались в том, что, если возьмется за это дело он, успех ему будет обеспечен.

По воспоминаниям Кайтаева, 28 августа 1987 года к нему домой пришли писатель Алим Теппеев, хореограф Мухтар Кудав и художник Ибрагим Джанкишиев с просьбой помочь материально в создании балкарского ансамбля народного танца.

«У всех народов Северного Кавказа есть свои ансамбли народного танца, только у балкарцев его нет, – сказал Мухтар Кудав. – Обращение к тебе связано с тем, что мы надеемся, что ты поможешь нам финансово».

Будучи патриотом своего народа, Кайтаев без колебаний принял это предложение. Правда, потом убедился в том, что недостаточно иметь только финансовые средства. Буквально с первых дней основания творческого коллектива «Балкарии», начались преследования И. Кайтаева со стороны чиновников. И нужно было обладать смелостью и упорством, чтобы довести это дело до конца. Конечно, весомую моральную поддержку ему оказали единомышленники, поддерживавшие его во всех его начинаниях.

Исмаил Мухамедович никогда не гонялся за материальными благами, а стремился реализовать свой духовный потенциал. Не удивительно, что он сразу откликнулся на просьбу помочь в организации балкарского национального ансамбля танца. Несомненно, надо отметить заслуги И. Кайтаева перед своим народом, поскольку без его финансовой поддержки вряд ли бы «Балкария» появилась на свет, а ведь она заложила базу для дальнейшего развития национальной хореографии.

Исмаил Мухамедович активно участвовал в формировании «Балкарии», в подготовке профессиональных кадров танцоров, способствовал объединению, сплочению коллектива. Предприниматель сумел создать благоприятные, комфортные условия для работы ансамбля. Вообще свое жизненное кредо Исмаил Мухамедович

выразил такими словами: «Сделать приятное, радостное одному человеку – это хорошо, а сделать это целому народу – какой это суап».

Кайтаев не обманул ожиданий, взяв на себя все расходы по содержанию ансамбля. Приобретение реквизита, аксессуаров, изготовление костюмов, декораций и т. д., в общем, всего, что касается материального обеспечения ансамбля, легло на его плечи. Вопрос с репетиционным залом он решил сам, договорившись с главным врачом санатория «Терек» Валерием Ботгаевым. Для работы с артистами «Балкарии» был приглашен знаток национальной хореографии, талантливый балетмейстер Мутай Ульбашев, а директором назначен опытный руководитель, бывший директор ансамбля «Кабардинка» Евгений Аронов. В ансамбле к тому времени работали 22 пары танцоров, директор, балетмейстер, художественный руководитель, всего 53 человека, а также функционировала студия, которую посещали 11 человек. Для реализации балкарской мечты о создании «Балкарии» потребовалось два года.

Исмаила Мухамедовича воодушевляло то, что творческий коллектив, родившийся благодаря энтузиазму и усилиям Мухтара Кудаяева, в самые короткие сроки сумел решить целый ряд проблем балкарского народа. Уже через два года после возникновения «Балкария» была удостоена диплома международного фестиваля тюркоязычных народов в Турции, стала лауреатом Первого фестиваля горских народов Кавказа в Сухуми, получив главный приз «Золотой шлем», что сыграло позитивную роль не только в развитии балкарского искусства, но и всей культуры Кабардино-Балкарии. Возможность участвовать в конкурсах несомненно играет важную роль в росте профессионального уровня любого творческого коллектива, поскольку знакомит его со всеми новациями в конкретной сфере. А танцоры «Балкарии» чутко реагировали на новые веяния.

Успешно функционирующее производство Кайтаева – фирма «Алтын кол» – было вполне способно покрыть все затраты на содержание ансамбля. В то время в кооперативе числилось 600 человек. Мало того, образовалась огромная очередь желающих трудиться у Кайтаева, поскольку он обеспечивал людей стабильным, причем высоким заработком. Кроме того, у них шел стаж работы. По словам Кайтаева, он мог бы увеличить численность работников до 3-4-х тысяч, если бы не преследования со стороны некоторых чиновников.

К тому времени у предпринимателя появилось немало клиентов и заказчиков, готовых приобретать изделия «Алтын кола», не только в нашей стране, но и за рубежом. Кайтаев загорелся желанием расширить производство, к примеру, за счет изготовления полушубков из овчины, благо был большой спрос на них как в республике и стране, так и за рубежом.

Он много натерпелся от недобросовестных чиновников, организованных ими многочисленных комиссий, которые проверяли его деятельность с целью закрыть успешный кооператив. После их проверок исчезали документы, составлялись справки с недостоверными сведениями о деятельности фирмы и т.д. Обращения к местным властям с просьбой огородить его от недоброжелателей, не увенчались успехом. Не нашел он реальной поддержки и в Москве. И хотя его высоко ценили в Центросоюзе, неоднократно заявляя: «Вы просто великий человек. Балкарцы должны Вам памятник поставить», на деле ничем ему не помогли. О преследованиях он писал в различные инстанции в Москве, вплоть до самого Горбачева, вместе со своими работниками устраивал пикеты в Останкино, однако проблема так и не была решена. Даже в новые времена, после распада СССР, дело не сдвинулось с мертвой точки, поскольку прежние власть предержащие сумели удержаться на своих местах.

А сколько инициатив Кайтаева, весьма полезных для республики, губилось на корню, как, к примеру, организация разлива нарзана в Приэльбрусье. И хотя дело было прибыльным не только для предпринимателя, но и республики, ему так и не дали ходу. Все мытарства, связанные с созданием ансамбля «Балкария», он описал в своей книге «В каких муках рождался ансамбль Балкарии», написанной эмоционально, с множеством фактов из истории его становления.

Между тем, несмотря на давление, оказанное чиновниками, он успешно завершил главное дело своей жизни – создание танцевального ансамбля, ныне Государственного фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария», который продолжает укреплять свои позиции на мировой культурной арене.

«К ИСТОРИИ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ)»

С. Т. Катанчиев

В октябре 2023 года в Нальчикской типографии «Принт Центр» (А. А. Бекулов) в прекрасном оформлении вышла в свет книга «К истории адыгов (черкесов)» в 3-х томах. В ней читатель познакомится с систематизированными научными историческими, генеалогическими, этногенетическими, архивными и другими данными по истории адыгов (черкесов). Издание является самым большим по объему и элементам новизны, содержит труды известных адыгских, отечественных и зарубежных исследователей.

Книга состоит из 6-ти глав, объединенных в 3 тома объемом в 2268 с., где имеются выделенные каллиграфией и пронумерованные выводы и версии, в т.ч.: 478 – по истории адыгов (черкесов), 37 – Боспорского и Синдского царств; 46 – по установлению начала образования государственности у народов, проживавших на территории бывшего СССР и России; фундаментальных – 177).

В 1-й том (564 с., 111 выводов и версий, фундаментальных – 22) вошли: Глава I (Древний период) и Глава II (Античный период); во 2-й (892 с., 283 вывода и версии, фундаментальных – 93) Глава III (Средневековый период), в 3-й (812 с., 204 вывода и версии, фундаментальных – 62) Глава IV (Новое время), Глава V (Новейшее время) и Глава VI (Установление начала образования государственности у народов, проживавших на территории бывшего СССР и России).

Многие данные почерпнуты из Википедии – материалов свободной энциклопедии. Многочисленные научные статьи и исследования работников ИГИ КБНЦ РАН включены в соответствующие разделы книги с соблюдением хронологии, что значительно дополняет и конкретизирует рассматриваемые вопросы.

Подробное «Оглавление» позволит читателю ознакомиться с содержанием книги.

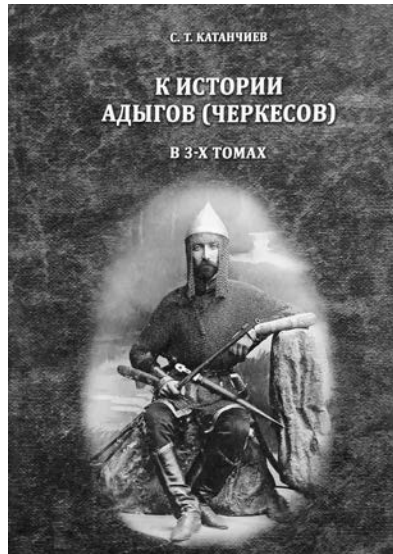
Об авторе: Катанчиев Султан Талевич (родился в 1949 г. в Кызбуруне-1 (ныне Атажукино)). Проживает в г. Нальчике. Работал в комсомольских органах, Совете министров республики и Кабардино-Балкарском обкоме КПСС. Является автором 4-х исторических научно-популярных книг, из которых 3 вышли за рубежом. Он – единственный из исследователей КБР, чьи 2 книги переведены и изданы за рубежом (в Венгрии и Болгарии) в академических издательствах, что считается

престижным. В 2000 г. стал лауреатом научного гранта Д. Сороса и работал в Архивах Открытого Общества г. Будапешта. Имеет около 30 публикаций и выступлений, в т.ч. в венгерском журнале «Туран»: Szultan Katancsiev. Kotony kan Oroszorszagi, Eszak-Kaukazusi es Magyarorszagi leszarmazottai. // Turan. (XXXI) Uj IV. Evfolyam, 6. szam 2001. December – 2002. Januar.

В Государственной национальной библиотеке им. Т. К. Мальбахова 15 ноября 2023 г. состоялась презентация книги. Высокую оценку ее содержания дали: Анатолий Гузерович Емузов – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР, заслуженный работник культуры КБР, дипломатический советник первого класса; Ануар Алексеевич Бекулов – директор издательского центра «Принт Центр»; Каншобий Музаринович Ажахов – экс-президент Международной черкесской ассоциации; Юрий Петрович Пилипенко – коллега и друг автора книги; Анатолий Назирович Шарданов – заслуженный работник образования КБР, отличник профессионально-технического образования РФ, кандидат философских наук, и другие.

Означенный трехтомник значительно дополняет и расширяет ранее известные данные по истории адыгов (черкесов). В нем, в частности, приводятся научные доказательства о генетическом взаимосмешении адыгов (черкесов) с русскими, образовании казачества, подтверждающие его выводы: «Копни любого русского – найдешь татарина, копни глубже – найдешь адыга».

Книга будет способствовать интернациональному воспитанию, укреплению братских связей между адыгским (черкесским) и другими народами Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ АДЫГАМИ (ЧЕРКЕСАМИ) И КАЗАКАМИ

История призвана освещать в полном объеме и объективно все этапы жизни каждого народа и социальной прослойки любого государства.

В этом плане российско-украинское многомиллионное казачество в целом, в особенности Днепровское (Малоросское), Донское, Кубанское и Терское казачества, занимают исключительно важное место в истории России и Украины. История казачества, начиная от этногенеза до его роли и места в обществе на протяжении многих столетий, уникальна и неповторима.

Справедливо ради необходимо признать, что существует немалое количество самой разнообразной литературы по истории этого феномена.

Разброс мнений авторов по этой проблеме велик, начиная от этимологии слова «казак», кончая тем, как назвать казачество в настоящее время (отдельный народ или особая прослойка русского, украинского народов).

В этой связи, следует также признать, что не совсем объективно и в полном объеме освещаются проблемы роли адыгов (черкесов) в формировании казачества, об их генетических связях. Некоторые авторы стоят на позиции тюркского или славяно-русского его происхождения. Другие авторы утверждают, что казачество возникло в результате миграций тех или иных народов в места его первоначального формирования, то есть в регион Приднепровья.

Однако необходимо учитывать, что самые первые авторы по истории казачества стояли на позиции черкесского происхождения его первоначального ядра. К ним относятся основатели российской исторической науки И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, В. Н. Татищев и др.

Чтобы ответить на многие вопросы истории казачества, необходимо раскрыть некоторые важные аспекты, связанные с историческими условиями, географией и временными рамками формирования основного и первоначального ядра казачества. Следует здесь учитывать при его исследовании, что исключительно важное значение имеют такие вопросы: какие народы проживали в местах формирования казачества и какую роль играл каждый из них в политической, социально-экономической и культурной жизни в этом регионе в тот период.

Почему именно на берегах Черного и Азовского (Меотиды) морей,

Днепра и Дона первоначально сформировалось казачество, а не где-нибудь в Сибири или на Дальнем Востоке?

Как «гулящие», «бездомные», «беглые преступники» из разных областей Московского и Литовско-Польского государств, искавшие «дикой воли», могли создать свой неповторимый общинно-казацкий строй, собственный казачий говор, свои собственные обычаи и традиции, свою национальную одежду, особую военную культуру, собственный семейный быт ¹, не похожий на сугубо русский, а напоминающий, в основном, черкесский?

Этническая история давно исчезнувших и ныне существующих народов показывает, что в этногенезе любого из них принимали участие различные этносы и роль каждого из них в этом длительном и сложном процессе неодинакова.

Как правило, на начальных этапах формирования любого народа выступает в качестве основы (субстрата) его образующего компонента тот или иной этнос, который являлся наиболее многочисленным населением, который постоянно проживал на протяжении долгого исторического времени в этом регионе, со своими социально-политическим, экономическим укладом, традициями и обычаями, семейным бытом и т. д.

Таким образом, прежде чем рассмотреть вопрос этногенеза казачества, на наш взгляд, необходимо ответить на вопросы: какие народы проживали и какие этнические процессы происходили в далеком прошлом в тех местах, где сформировалось первоначальное ядро казачества, то есть в Северном Причерноморье и в Приазовье?

По признанию многих авторитетных ученых, несколько тысяч лет тому назад этот регион населяли близкородственные представители предков кавказских народов, в частности адыго-абхазов.

Ещё Н. Я. Марр, например, отмечал, что в Восточной Европе «яфетические», то есть кавказские, языки предшествовали появлению индоевропейских и алтайских ².

Г. В. Губарев утверждал, что русские источники относят меотов к потомству Иафета, сына Ноева, наравне с другими племенами Кавказа. Меоты (предки адыгов – К. У.) всё же принадлежали к миру античной Эллады ³.

Многие другие украинские и российские исследователи тоже писали о доиндоевропейском кавказском населении в Северном Причерноморье и Приазовье. Доказательство этого они видели в гидронимах Украины, которые, по их мнению, имели древнее

¹ Савельев Е. П. Казаки. История. Т. 1. Владикавказ, 1991. С. 1-3.

² Марр Н. Я. Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. 688 с.

³ Губарев Г. В. Книга о казаках. Париж, 1957. С. 67.

происхождение. Однако эти суждения ученых были преданы забвению. Первым, кто возобновил это направление исследований, был украинский филолог Василий Кириллович Чапленко.

Он считал, что «адыгейские языки» были для славянских и балтских языков «субстратными языками». Доказательства этого он находил, прежде всего, как в лексике украинского языка, так и в названиях рек на территории Украины. Например, название реки *Самара*, которая является притоком Днепра, он выводил от адыгейского слова *сам* (кабардинское слово *самэ* – К. У.) – «собранная вместе». С кавказскими языками он также связывал гидронимы *Дон, Дунай, Днепр и Азовское море*.

Идею кавказского (адыгского) происхождения многих гидронимов и топонимов в районе Северного Причерноморья и Приазовья поддерживали такие крупные ученые, как Л. И. Лавров, В. П. Кобычев, К. Н. Тищенко и др.

К. Н. Тищенко приводит примеры древних адыгских гидронимов, которые имеются в Северном Причерноморье. К ним он отнёс, например, названия рек: «Псло (Псёл, Псиоль, Псль, Песель), а также и Пселець, Псоля», которые «этимологически приближены к адыгейскому псы “вода”». Как доказательство этого исследователь привёл такие примеры: «Адыг [ское] псы, убых [ское] bze “вода” и груз [инское] диал [ектное] р̄ša “источник” часто встречаются в топонимии Кавказа, например, Псе шебс, Пс ьш, Пш иш, Пс оу, Пс ху, Псы гансу, Туа псе, Мако псе, Пш еха, Пш авели и т. п.»⁴.

Он также утверждал, что гидронимы континентальной Украины, которые имеют кавказское происхождение, появились в глубокой древности.

По его мнению, в далёком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая «по крайней мере с III тыс. до н. э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур». Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины топонимов и гидронимов кавказского происхождения⁵.

Л. И. Лавров тоже не исключал возможности, что предки адыгов проживали в районе Северного Причерноморья и Приазовья ещё с доисторических времен. Он отмечал, что слово «псы», «существует здесь не с XIV в., а с доисторической эпохи, когда на Украине могло проживать население, которое говорило на языке, родственном с адыгским»⁶.

Эти важные выводы Л. И. Лаврова были высказаны ещё В. О. Ключевским задолго до него, где он исследовал процесс колонизации

⁴ Цитируется по работе: О. Б. Бубенок. Адыги в Северном Причерноморье. Киев, 2019. С. 35-38.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С.45-46.

восточными славянами восточноевропейской равнины. Он отмечал, что на этом географическом пространстве до восточных славян проживали другие народы. «Наша история, – писал он, – открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на Русскую равнину из одного её угла, с юго-запада, со склонов Карпат»⁷.

В. О. Ключевский далее отмечал, что заселение происходило путем колонизации новых территорий. При этом они попадали под влияние тех народов, которые там проживали до них. Он пишет, что приблизительно с VIII века нашей эры, не раньше, восточные славяне заняли равнину. «Итак, с VIII до XIII веков, – пишет он, – масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением – линией Ловать–Волхов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период были внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь Днепровская, городовая, торговая»⁸.

Семен Броневский прямо указывал, что в архиве Государственной коллегии иностранных дел находятся сведения, что кабардинцы жили на Украине в Малой России. Он так же отмечал, что там встречаются черкесские названия местностей, рек. Например: «Черкесъ – ТюсЪ, и рѣчка Кабарпга близъ древняго Херсона»⁹.

Он отмечает, что в русских архивах упоминаются кабардинцы как украинские жители¹⁰.

Первые славянские поселенцы в районе Приднепровья поселились примерно с VIII в. и они тогда еще не занимались сельским хозяйством. С ним они познакомились от автохтонных жителей этого региона, которые проживали здесь с незапамятных времен. Как известно, ими были предки адыгов.

Французский ученый Леклерк пишет по этому поводу, что «прежде прихода Рурика в Россию, последовавшего в 862 году, русские не имели других ремесел кроме тех, коими могли исполнять первоначальные их потребности. Земледелие их было без начал и шалаши были домами»¹¹.

⁷ Ключевский В. О. Русская история. М., 2005. С. 5.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Текст воспроизведен по изданию: С древностей покров сняла его рука // Родина, № 6. 1989; Болтин, Иван Никитич (1735-1792). Примечания на Историю древней и нынешней России Г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Санкт-Петербург. 1788.

Одними из первых жителей Приднепровья были киммерийцы. Позже сюда пришли скифы, сарматы и другие племена ¹².

А. К. Ленивов справедливо отмечает, что до появления славян в Восточной Европе в этом регионе проживали предки казаков, первоначальное ядро которых образовались от адыгов.

«Автохтонное владение огромными земельными пространствами на Юго-Востоке Европы со стороны казаков, – писал он, – имело своим прямым следствием, что первые казачьи насельники таковых, как и их последующие казачьи, поколения, являлись аборигенами этой казачьей территории, закрепляя таковую за собой в политическом, экономическом и духовном отношении. Имея свою собственную Казачью Державу, казаки прошли в последовательном порядке все основные этапы развития и утверждения в жизни государственно-политического права, как-то: 1 – полный суверенитет, 2 – федерация и 3 – автономия.

В течение последнего тысячелетия казаки были самыми близкими соседями славянского мира, находились в тесном общении с восточными славянами и, может быть, поэтому в казачьем обиходе оказался господствующим наречием древнеславянский язык некоторых меото-казарских племен (то есть адыгских племен – К. У.)» ¹³.

Немалое количество ученых отмечает, что украинские фамилии с окончанием «ко» и «енко» происходят от адыгского (черкесского) слова «кбуэ» или «икбуэ», то есть «сын» или «его сын». При этом следует отметить, что это произошло несколько тысяч лет тому назад, а не в период средневековья, в результате миграций адыгов с Северного Кавказа в Северное Причерноморье ¹⁴.

Здесь необходимо отметить еще один важный момент.

Дело в том, что не только украинские фамилии, которые оканчиваются на «ко» и «енко», являются адыгскими, но и фамилии, которые оканчиваются на «унк», «юк» или «юнк» (например, Гуменюк, Хандюк, Васюк и т.д.). Правда, фамилии с этими окончаниями, утверждают некоторые авторы, могут иметь тюркское происхождение. Но тюрки появились в районе Причерноморья гораздо позже, чем адыги, которые проживали в этих краях несколько тысячелетий. Когда тюрки столкнулись с ними, они переняли у них фамилии с окончаниями «енко», «ко» и стали произносить вместо них «унк», «юк» или «юнк».

¹² *Ключевский В. О.* Русская история. М., 2005. С. 9.

¹³ *Ленивов А. К.* Материалы по казачьей истории. Исторические исследования. Нью-Йорк. 1966. С.9.

¹⁴ Цитируется по работе О. Б. Бубенок. Адыги в Северном Причерноморье. Киев, 2019. С. 50-55.

Во всех этих произношениях присутствует адыгские слова «икъуэ», «ико», то есть «его сын». Просто тюрки переделали это адыгское произношение на тюркский лад. По этой причине, многие авторы ошибочно утверждают, что эти фамилии тюркские.

Таким образом, все фамилии с окончаниями «унк», «юк», «юнк», «ко», «енко» имеют адыгское происхождение.

Ф. К. Волков (Вовк) не без основания считал, что украинцы этнографически очень близки к черкесам¹⁵.

Археологические, письменные, лингвистические, этнографические, фольклорные и иные материалы подтверждают мнение многих ученых, что в далеком прошлом, несколько тысяч лет тому назад, в регионе Северо-Западного Кавказа, Северного Причерноморья, Крыма и Приазовья проживали близкородственные народы, и наиболее многочисленным этносом были далекие предки адыго-абхазов. Скорее всего, это были меоты, синды, зихи, гениохи, торки, берендеи, тореты, керкеты, псессы, киммерийцы, касоги и другие.

Константин Багрянородный тоже указывает, что в этих краях есть страны Зихия, Папагия, Касахия¹⁶. Все они были адыгскими.

Михаил Крайсветный отмечает, что присутствие на Нижнем Дону меотского (адыгского) населения в античный период ни у кого не вызывает сомнений. Однако роль меотов в этнополитических процессах, пишет он, незаслуженно умалется. Меоты – автохтонное население Северо-Западного Кавказа, были одними из древних предков адыгов¹⁷.

Теперь относительно происхождения казачества. Как было отмечено выше, оно сформировалось впервые в районе Северного Причерноморья и Приазовья. Поэтому надо полагать, что первоначальное ядро казачества составляли черкесы, предки которых там проживали с древнейших времен. И неслучайно в культуре казаков так много черкесских элементов.

По мнению многих авторов, формирование первых общин казаков Приднепровья началось до нападения татаро-монголов на Русь. Его основателями были торки и берендеи (слово торки от названия тореты – тореаты, торпеты – предки черкесов – К. У.), которые проживали на берегах Днепра, ниже Киева. Именно там находились первые поселения малороссийских казаков.

Крупный специалист по казачеству А. И. Ригельман пишет, что

¹⁵ Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа. // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т.2. Петроград, 1916. С. 455-647.

¹⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М, 1991. Гл. 42. С. 400-404.

¹⁷ <https://zen.yandex.ru/adygiru>.

казаки первоначально произошли «от неких вольных людей, а более от черкас и горских народов и для того считают себя природою не от московских людей и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не русскими людьми быть»¹⁸. Далее он объясняет, откуда пошло название «казак». Он отмечал, что «Греческий царь Константин Порфиригенет (Константин VII Багрянородный – К. У.) упоминает, что начало козаков происходит со времени 948 году, от славного победителя татар, Косака, и по его имени проименовалось воинство его Козаками, о чем и Синописис Киевский пишет также, что победивши татар, казаки жительствовавшие остались между реками Доном и Днепром¹⁹».

Далее в своей другой работе о казачестве он пишет: «Синописис же Російской описуетъ ихъ (козаков – К. У.) по имени перваго того народа Татаръ побѣдителя, Касака, Касаками, или Козаками проимевавшимся.

Отъ сихъ то точно времянь, какъ то отъ 948 году, должно вѣрить по выше объявленнымъ обстоятельствамъ, началу Козачества быть, и отъ оныхъ дѣтъ, когда историки увѣдомляютъ, что Косаки Татаръ побѣдили, дошли и до здѣшнихъ мѣсть, слѣдовательно и оставались тутъ жительствовавъ своимъ, гдѣ, прославившись дѣлами и храбростію своею, стали быть извѣстны не только въ сосѣднихъ, но и во отдаленныхъ мѣстахъ.

Во время житія и пребыванія Косяковъ оныхъ при мѣстахъ около Борастена, или нынѣшняго Днѣпра, и прочихъ рѣкъ, сосѣдственные владѣльцы, по храбрости и силѣ ихъ, всемѣрно искали ихъ дружбы и, ласкаячися къ нимъ, склоняли и приводили къ своей сторонѣ²⁰».

Следует здесь отметить, что до 1060 г. Томаторкань (Тмутаракань – К. У.) объединяла в своих границах все племена коссаков (касогов – К. У.) и простиралась от Кубани по всему Подонью, Донцу и Северщине, включая Курск и Рязань²¹. В этнической разнообразии и социально-политическом устройстве Тмутараканского княжества главенствующее место занимали касоги (черкесы) и славяне.

По этому поводу интересные и убедительные сведения дает А. К. Ленинов: «Что представляет собой название ТОМИТАНА или ТОМИ?» Ссылаясь на Г. В. Губарева, на этот вопрос отвечает так: «Иногда приходили эпохи, когда восточные берега Азовского моря целиком

¹⁸ Ригельман А. И. История или повествование о Донских казаках. М., 1846. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847. Ч. 1. С. 9.

²¹ Казачий словарь-справочник. Том II. Составитель Г. В. Губарев. Сан Ансельмо, Калифорния, США. – 1968. С 20-21.

освобождались от власти правителей Боспора – древнее Царство Боспорское или Кайсария, разделенное Азовским и Черным морями на две составных области: европейскую – Керченский полуостров, в основном и азиатскую – Меотиду, т. е. прибрежный район побережья Азовского и Черного морей, и связывали свои судьбы с одним из государств Кавказа. В это время некоторые приморские города и селения Меотиды приобретали особенный торговый вес, а корабли с заморскими товарами приплывали прямо в их затишные гавани, минуя царственную Пантикапею – Керчь.

Одна из таких эпох морского и торгового торжества Меотиды началась в седьмом веке, с выходом Хозарии к берегам Черного и Азовского морей. Тогда-то одно из приморских селений, лежавшее в глубине Таманского залива – Томи, начало быстро разрастаться в крупный торговый и административный центр, т. е. город. Его непосредственная связь с Кубанским водным и Черноморским и Каспийским сухими путями, так же, как и его положение на берегу огромного и закрытого, как озеро, залива, открывало перед ним большие торговые возможности. Томи издавна было значительным приморским поселением и уже несколько веков его название входило в титул Митрополитов Томи и Таны.

Томи вспоминается под 704 годом. Знали его и арабы. В частности, Али бен Сайд Магриби, указав город Судак и Россию в Таврии, полагает на восток от них озеро Тома и добавляет: "Знаменитый главный город в этом округе, называется Тома". С того времени, как Томи включилось в широко поставленные торговые обороты Хозарии, оно стало сильным конкурентом Корчева (славянизированное название Керчи, в Крыму), прежней Пантикапеи. С ростом торгового и административного значения города множилось и его население, а вместе с тем, надо полагать, выросло влияние местных Ториатов, Торков или Торыков (то есть адыгов – К. У.). Вероятно, по этой причине, к основному названию города, приросло окончание ТОРКАНЬ. Поселение Томи обратилось в город ТОМАТОРКАНЬ, что в греческом произношении дало ТАМАТАРХУ – Тьму-Таракань. Уже в 800 году здесь уже упоминается не Томитанское архиепископство, а Таматарханское»²².

Он далее пишет, что часть населения Таматаркани в своих корнях уходила в славянское происхождение. Это были не те же самые славяне, что на Днепре или на Оке. Там в их росте и развитии принимали участие местные племена и соседи. Все эти влияния оставили неизгладимый след в их психике, языке, народном эпосе и быте. Жители же Таматаркани в своей славянской части непрерывно

²² *Ленивая А. К.* Материалы по казачьей истории. Исторические исследования. Нью-Йорк. 1966. С. 46-47.

принимали в себя кровь её азиатской или черкесской половины и потому, укрепившись в славянской речи, остались по её этническому типу всё же ближе к своим древним соседям и родственникам – вооруженным племенам кавказских горцев. Часть жителей Таматаркани, наверное, была славянской, ибо в другой среде не чувствовали бы себя своими поставленные туда русскими князьями посадники, не бежали бы туда князья-изгои. Как сын Владимира Святого, который громит соседние народы, одолевает своего старшего брата Ярослава Киевского и захватывает себе все русские области на восток от Днепра.

Таматарха–Тамань, так же, как и весь Кавказ и Крым, к моменту прихода туда славянских князей, в большей своей части, были христианами уже продолжительное время. Славянский элемент в Таматаркани и двойственная славяно-черкесская сущность казаков имеют все основания для своего признания.

В этом отношении не лишена интереса выдержка из монографии проф. Н. Костомарова. А. К. Ленивов, ссылаясь на него, отмечает, что «...целый ряд географических названий в местах расселения Черных Клобуков и казаков принадлежит языку черкесскому. Например, река Псёл на старых картах обозначена как “Псё”, что по-черкесски значит “река”. Станицы на Дону: Мигулинская и Гундоровокая происходят от черкесских слов “Мигу” и “Гунды”. Хутор на Азовском море, в устье Мертвого Дона, Морской Чулек происходит тоже от слова «чуле» («поселение» по-черкесски). Имена казаков города Рязани звучат по татарски-черкесски. Часть этих имен являются корнями современных нам казачьих фамилий и названий станиц, и все они обычно носят отпечаток азиатский. Многие из них обычно принадлежат именам черкесов или обозначают по-черкесски какое-либо качество. Например: Смагин – черкесское имя Смаун, Севрюк – черкесское имя Саверук, Гарзинс с мягким “г”, – по-черкесски значит “хороший”. Мурашко – уменьшительное имя от черкесского имени Мурат. Собырев – по-черкесски Сабыр – спокойный. Мелех – черкесское имя Мелеч. Ратька – от черкесского имени Рат, а Сусар – от имени Сусарук (Сосрыкьюэ – К. У.).

Казаки – это потомки славянской части Таматаркани, а что касается Черкесов, всё же можно сказать утвердительно, что они не Славяне. Однако совместная жизнь в древности породнила эти племена кровно. Поэтому казаки вправе считать себя близкими родственниками северокавказских горцев не в меньшей степени, чем они привыкли себя считать связанными кровными узами с русскими или украинцами».

Далее А. К. Ленивов пишет, что историю казаков в эпоху от 966 года и до начала XVI века, то есть в средние века, необходимо изучать в комплексе истории народов Западного Предкавказья, или удела Тмутараканского. «Раньше этой эпохи жизнь наших казачьих предков связана с теми же местами: азиатской стороной Царства Боспорского (в Крыму). В греческих источниках, еще до Р.Х., здесь указывались

“керкеты” и “зюха” (зихи – К. У.). Если вспомнить, что в греческом языке не существует звука “ч”, а его обозначение – буква “ч”, в иностранных языках заменяется иногда буквой “к”, иногда буквой “з” или “дз”, то в керкетах можно было бы обнаружить черкетов, а в зюхе – чиху (цыху – К. У.), что было бы близко к черкесам и чиге. Старинная кличка донских казаков: “чига востропузая”. Наименование “зихи” встречаем ещё в другом месте, в связи с Таманью. С IV по IX века исторически известен почти непрерывный ряд иерархов, живших в разных местностях Таврического полуострова: в Боспоре, Херсонесе, Судаке, Кафе, Дори, Мангупе, Фули и Томи, именовавшихся нередко в дополнение к местной епархии: “Томптанский и всей Готфии”, “Зихии и всей Готфии”. “Зихия” в этом случае – страна “Зюхи”, или “Зихи”, то же, что Томитань или Таматоркань, то есть восточная часть царства Митридата»²³.

Таким образом, к топониму Тмутаракань адыги имеют непосредственное отношение, и они здесь проживали с незапамятных времен. Это название происходит от слов: 1 – Тома и 2 – тореты, торки, ториаты. А они, как известно, являются одними из предков адыгов.

Василий Никитич Татищев пишет, что в XIV столетии в Княжестве Курском (тогда оно находилось под властью татар под руководством губернатора Баскака – К. У.) происходили частые нападения кабардинцев на татар и они их грабили. Из-за многочисленных жалоб татар на них Баскак переселил черкесов из прежнего местожительства подальше от последних по Днепру, «...и город Черкас построили, и там пребывание свое иметь стали. Живши же в тамошнем месте, через многие лета смешались с пришедшими к ним русскими и украинскими людьми, и кои удалялись от поляк из Красноруссии. Татары по правую сторону Днепра в Украину к ним близко приселяться стали, и желали тем местом обладать, через что восстала между ними вражда, они часто зато делали на татар, а потом и на самих турок, нападения, побеждая, получали знатные от них добычи, и тем себя прославляли, и так умножились, что невместительно стало, наконец, они прогнали со своего пути татар и турок, и дошедши на Дон, стань свой утвердили»²⁴.

Он же в своей работе «История Российская» пишет, что казаки перешли на Днепр, где они черкесами звались и город Черкасы построили. В 16-м веке вместе с Вишневецким князем Михаилом «...вскоре, перешед на Дон и в протчих местех поселясь, от сброду и беглецов умножились»²⁵.

²³ Там же. С. 54-55.

²⁴ Татищев В. Н. История или повествование о Донских казаках. М. 1848. С. 6-7.

²⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. История Российская. Часть вторая. М., 1995. Примечание к главе 8. С. 419.

А Семен Броневский пишет по этому поводу, что «Тюменские (адыгские – К. У.) князья временами приходили на службу, хотя в малом числе, но с отборною конницею.

Когда турецкое войско в 1569 году напало на город Астрахань, тогда призван был с Днепра из Черкес Князь Михаил Вишневецкий с 5000 запорожскими казаками, которые, соединившись с донскими, «великую победу на сухом пути и на море в лодках над турками одержали. Из сих Черкасских Козаков большая часть остались на Дону и построили себе городок, назвав его также Черкасским, что и было началом заселения Донских казаков». Многие из них возвратились также на родину свою. Вероятно, по этой причине кабардинцев называли Украинскими жителями, бежавшими из России. Об этом есть упоминание в русских архивах»²⁶.

Украинский ученый Сергей Плохий отмечает, что вылазка казаков в окраины Великого княжества Литовского в источниках впервые упоминается именно в связи с налетом на торговцев. Казаки заявили о себе на Украине. Согласно жалобе, высланной крымским ханом великому князю Александру, подданные Литвы из Киева и Черкас захватили и ограбили татарский корабль в низовьях Днестра. Александр в ответном письме не доказывал, что те явились из какой-то другой страны, не придумывал им оправдания. Он уверил Менгли-Гирея, что велел “украинным” (пограничным) чинам расследовать это дело. При поимке разбойников следовало казнить, имущество же их – видимо, включая награбленное – передать представителю хана. Если даже слуги великого князя выполнили его приказ, на становлении казачества это никак не отразилось. На следующий год Менгли-Гирей обвинил казаков из Черкас в нападении на посла Ивана III. В 1499 году казаки “гуляли” у побережья Черного моря, в окрестностях Очакова. Хан подумывал о том, чтобы протянуть цепь от этого города через Днепровский лиман – чтобы закрыть казакам выход в море. У нас нет оснований думать, пишет Сергей Плохий, что его намерение, будь оно даже воплощено в жизнь, сколько-нибудь помешало казацким рейдам²⁷.

После того, когда в 1340 г. Малороссия с Киевом попали в зависимость от поляков, запорожские казаки массово начали переселяться вверх и вниз по обоим берегам Днепра, чтобы не попасть под их иго. Еще польский король Сигизмунд I подарил эти земли казакам в вечное пользование, чтобы они не позволяли татарам и туркам нападать на русско-польские земли²⁸.

²⁶ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 81.

²⁷ Сергей Плохий. Врата Европы. История Украины. М., 2018. С. 127-128.

²⁸ Эварницкий Д. И. История запорожских козаков в 3-х томах. Т. 1. С-Петербург., 1892. С. 1.

Н. М. Карамзин писал, что «Торки (тореты-тауреаты – К. У.) и Берендѣи, называясь Черкасами, назывались и Козаками; что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ Козаковъ составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ»²⁹.

Из этих его высказываний четко видно, что на берегах Днепра ниже Киева образовалось казачество и создателями его первоначального ядра были адыги (черкесы).

Позже к ним стали примыкать в основном представители русского населения и в конечном итоге господствующим языком запорожских казаков стал русский, но многое из материальной и духовной культуры адыгов сохранились до наших дней.

Торки (тореты-тореаты – К. У.) и берендеи жили недалеко от Киева и столицей торков был Торческ. Он был разрушен татаро-монголами. Это название он получил от слова торки (а оно от слова тореты – К. У.). Они всегда защищали свою землю от врагов в союзе с остальными жителями Древней Руси. Вот что сказано по этому поводу в Повести временных лет: «Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов»³⁰. Эта битва произошла между войсками Святополка и половцами в мае 1093 г.

Торки (тореты-тореаты) оставили немало следов в топонимике и гидронимике современной Украины: речки Торец и Торч, Торский шлях вдоль реки Тетлиги, города Торческ и Торецк, села Торец, Торки, Торков, Торецкое, Торчин, Торчица и др.

Далее Н. М. Карамзин подробно описывает место, условия и причины образования казачества, за счет каких людей и представителей какого народа его численность увеличивалась, какие функции они выполняли и т. д. Вот что он пишет по этому поводу: «Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ Черкасы названъ ихъ именемъ. – Собственно такъ называемые Козаки Запорожскіе были частію Малороссійскихъ: Съча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ

²⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т.5. Гл. IV. Санкт-Петербург. 1817. С. 231-232.

³⁰ Повесть временных лет. Санкт-Петербург, 2012. С.142.

Козаковъ. Въ Исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ Козаковъ Ординскихъ, Азовскихъ, Ногайскихъ и другихъ: сіе имя означало тогда вольницу, наѣздниковъ, удалцевъ, но не разбойниковъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій»³¹.

На наш взгляд, Н. М. Карамзин здесь объективно и подробно объяснил историю образования казачества.

Таким образом, казачество впервые зародилось на берегах Днепра и создателями первоначального его ядра были адыги (черкесы). Из первых его отрядов образовалась Запорожская Сечь. Позже она преобразовалась в государственное устройство – Войско Запорожское. Доминирующим населением днепровского казачества на начальных этапах его существования были адыги (черкесы) и первой столицей Запорожской Сечи был город Черкасы. Он основан черкесами в 1023 г.

В. Н. Татищев отмечает, что «козары и косоги по завоевании переведены были и поселены около Киева, где именованы торки, что они от проторча, или порогов Днепрских, торки, как и ныне казаки запорожские от порогов же имянутся; а иные в Тмуторокань переведены, и часто их в тех местах упоминают, но обче часто имянуют их черные клобуки»³².

Украинский ученый В. Гацук отмечал, что «города Канев, Черкасы, Чигирин основаны и населены касогами, и все сельское, хуторское поселение по обеим берегам Днепра к югу от Киева состояло тогда из касогов... Мало-помалу касоги-черкесы слились с полянами и образовали вместе с ними так называемое малороссийское племя». Слово «казак» имеет адыгское происхождение³³.

Г. В. Губарев по поводу изменений названия народов, в том числе адыгов, пишет следующее: «У всех народов из эпохи в эпоху племенные названия претерпевают своеобразные изменения. Такие же изменения произошло с названием Касог. Поэтому нельзя опровергать тождественности имен Коссай, Кэса, Косаг, Казах, Касак и Казак только потому, что некоторые из них отклоняются от привычной формы»³⁴.

Далее он пишет, что из касаков, касогов и казаров выковалось основное ядро казачьего народа, выковалось и единое имя – казаки. После эпохи Мстислава соседняя Русь уже не видела в них больших

³¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Гл. 4. Санкт-Петербург. 1817. С. 232.

³² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. История Российская. Часть вторая. М., 1995. Примечание к главе 4. С. 405.

³³ Цитируется по работе П. М. Иванова. Адыги (черкесы) и казаки в истории и политике России: Опыт нравственного прочтения. Нальчик, 2020. С. 79-80.

³⁴ Губарев Г. В. Книга о казаках. Париж, 1957. С. 28.

различий и потому окрестила их всех одним прозвищем – черные клобуки. Позднее оно претворилось в другое, общее для всех черноклобуцких племен, поясняющее имя – черкасы³⁵.

Имело место широкое употребление в XVI–XVII вв. названия черкасы по отношению к украинцам Поднепровья. Черкасами называли население Поднепровья. Например, Герберштейн, проезжавший через Украину во время своих путешествий в Россию в 1516–1518 и 1526–1527 гг., упоминал об этом. Правда, он оговаривался, что это «черкасы русские», то есть украинцы. Черкасами официально именовались украинцы указанной территории в актах Русского государства, начиная с XVI и вплоть до первой половины XVIII в. При этом в России существовало представление и об определенной, только для них характерной культуре и обычаях – «старочеркасская обыкность» Дабы не смешивать их с черкесами Кавказа, к названию прибавлялось часто слово «запорожские» («черкасы запорожские»). Следует при этом указать, что черкасами называли не всех украинцев, как это склонны считать некоторые исследователи. Этноним черкасы никогда не применялся, например, к украинцам Западной Украины, Волыни. Употребление его зафиксировано главным образом в двух значениях и формах: первоначальном, узком, относившемся к населению сравнительно ограниченной территории, преимущественно Запорожья (черкасы запорожские), и более позднем, широком, относившемся ко всему населению Среднего Поднепровья и Левобережной Украины (черкасы)³⁶.

Ригельман отмечал, что черкесы «на Днѣпръ переведемы, я городъ Черкасы они “построили”, которой я донынѣ яа томъ же мѣстѣ и тѣмъ же названіем именуется, состоящий на правой сторонѣ рѣки оной, ниже города Канева, почему всё Козачество, да и вся Малороссія, потомъ Черкасами проименовалась, и не Козаками»³⁷.

А В. Н. Татищев отмечал, что козары, торки, берендеи и черные клобуки – один и тот же народ – адыги. Плиний Старший и Птолемей отмечали, что торки (тореты, тауреты-тореаты – К. У.) проживали между Днепром и Доном возле Крыма³⁸.

Таким образом, с определенной уверенностью можно утверждать, что между адыгами (черкесами) и казаками существует прямая генетическая связь. Еще в глубокой древности на всем географическом пространстве от Северо-Западного Кавказа до Северного Причерноморья,

³⁵ Там же. С. 47.

³⁶ Горленко В. Ф. Об этнониме «черкасы» в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. 1982, № 3. С 96-104.

³⁷ Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847. Ч. 1. С.11.

³⁸ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. История Российская. Часть вторая. М., 1995. Примечание к главе 6. С. 410-411.

Крыма и Приазовья проживали близкородственные народы – далекие предки адыгов (черкесов). Кровную связь казаков с черкесами доказывали А. И. Ригельман, Г. В. Губарев и другие ученые³⁹.

Адыги, создав на берегах Днепра первоначальное ядро казачества, как наиболее многочисленное и доминирующее население этого региона смогли сохранить за собой многие элементы своей материальной и духовной культуры. Они также сохранили за собой многие свои антропологические черты, свой менталитет. Больше всего все эти элементы сохранились у кубанских и терских казаков.

В частности, они сохранили форму одежды: бурка, черкеска, рубашка, штаны, папаха, пояс, обувь, башлык («щхьэхъуэн» по-адыгски – *К. У.*) и др.

Д. И. Эварницкий отмечал, что главным одеянием запорожских казаков были каптан, черкеска, шаровары, шапка-кабардинка, бурка и т.д. Последнюю запорожцы носили и дома и во время военных походов⁴⁰.

В этом плане один из первых исследователей Кубанского и Терского казачества, генерал-лейтенант Иван Диомидович Попко дает много интересных и любопытных сведений. Несмотря на объемность этого материала, мы приводим эту цитату: «Внѣ строя, въ походномъ и домашнемъ быту, козаки носятъ черкесскую одежду, предпочитая ее своей формѣ, какъ за легкость и удобство покроя, такъ и за прочность сукна. Въ черкесской одеждѣ, какъ бы тепло ни одѣлся козакъ, онъ одинаково будетъ поворотливъ и проворенъ. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружіе, черкесскій конь составляютъ предметъ военнаго щегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уваженіемъ и предпочтеніемъ между козаками. Да оно и справедливо: «что хорошо выдуманно, то полезно и перенимать». Въ похвалу изобрѣтательности и тонкому вкусу Черкесъ слѣдуетъ сказать, что у нихъ, не только воинское снаряженіе, но даже земледѣльческія орудія, не только подсошки приружѣ, но соха и вилы на гумнѣ, отличающіяся легкостью, удобствомъ и пріятной отдѣлкой. На самыхъ пустыхъ мелочахъ, выходящихъ изъ ихъ рукъ, лежить граціозный отпечатокъ. Присоединивъ къ этому ихъ утонченный этикетъ, ихъ уваженіе къ женщинѣ, пороховую воспламеняемость ихъ самолюбія, наконецъ ихъ физическую и нравственную легкость, мы не рѣшимся противорѣчить тѣмъ, которые между адыгами селятъ бургундскихъ и лотарингскихъ крестоносцевъ...»⁴¹

³⁹ Ригельман А. И. История или повествование о Донских козаках. М., 1846; Он же. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847; Г. В. Губарев. Книга о казаках. Париж, 1957. С. 147.

⁴⁰ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков в 3-х томах. Т. 1. С.-Петербург, 1892. С. 253.

⁴¹ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Санкт-Петербург, 1858. С. 199-200.

В номере:

Зарина Канукова. Твой мой дом. Пьеса	2
Алим Алафаев. Стихи	28
Анатолий Шарданов. Во дворце хана. Устархан. Гл. из повести.....	36
Фатима Байрамукова. Стихи (предисловие Н. Хубиева)	52
Мадина Хакуашева. Счастливая. Рассказ.....	57
Марина Битокова. Майкопские хроники Ибрагима Шаова. Статья	70
Ибрагим Шаов. Троллейбус. Похороны. Рассказы	73
Азгюр Сарбашев. Переводы (Х. Акбаев, С. Ахматова, А. Байзуллаев, Л. Ахматова. Стихи)	82
Леонид Фомин. Гравитация. Бетонные башни... Рассказы	86
Наталья Шинкарева. Перезагрузка. Рассказ	108
Ирина Одинцова. Разговор с настольной лампой. Рассказ	123
Тахир Толгуров. «Кровь, слезы и чернила разложимы...» Статья	127
Георгий Яропольский. Стихи. Переводы	136
Арнольд Баскаев. В морозный зимний день... Рассказы	150
Олег Ошноков. Танкисты – не подвели. Очерк	156
Людмила Хавжожкова. Благородный путь ученого и педагога. Статья	162
Жаухар Анпаева. Достиг своей цели. Очерк	169
Книжные новинки. «К истории адыгов (черкесов)» Инф.	174
Кашиф Унежев. Генетические связи между адыгами (черкесами) и казаками. Статья.....	176

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.12.2023. Подписано к печати 03.02.2024.
Выход в свет 22.02.2024. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1028 экз. Заказ №223. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 46,45 руб., за 6 мес. – 139,35 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-25-81,

редакторы – 42-75-22,

сайт: smikbr.ru/lkb,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» –

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» – 46,45 руб., за 6 месяцев – 139,35 руб.,
за год – 278,7 руб.

В розницу – цена свободная.

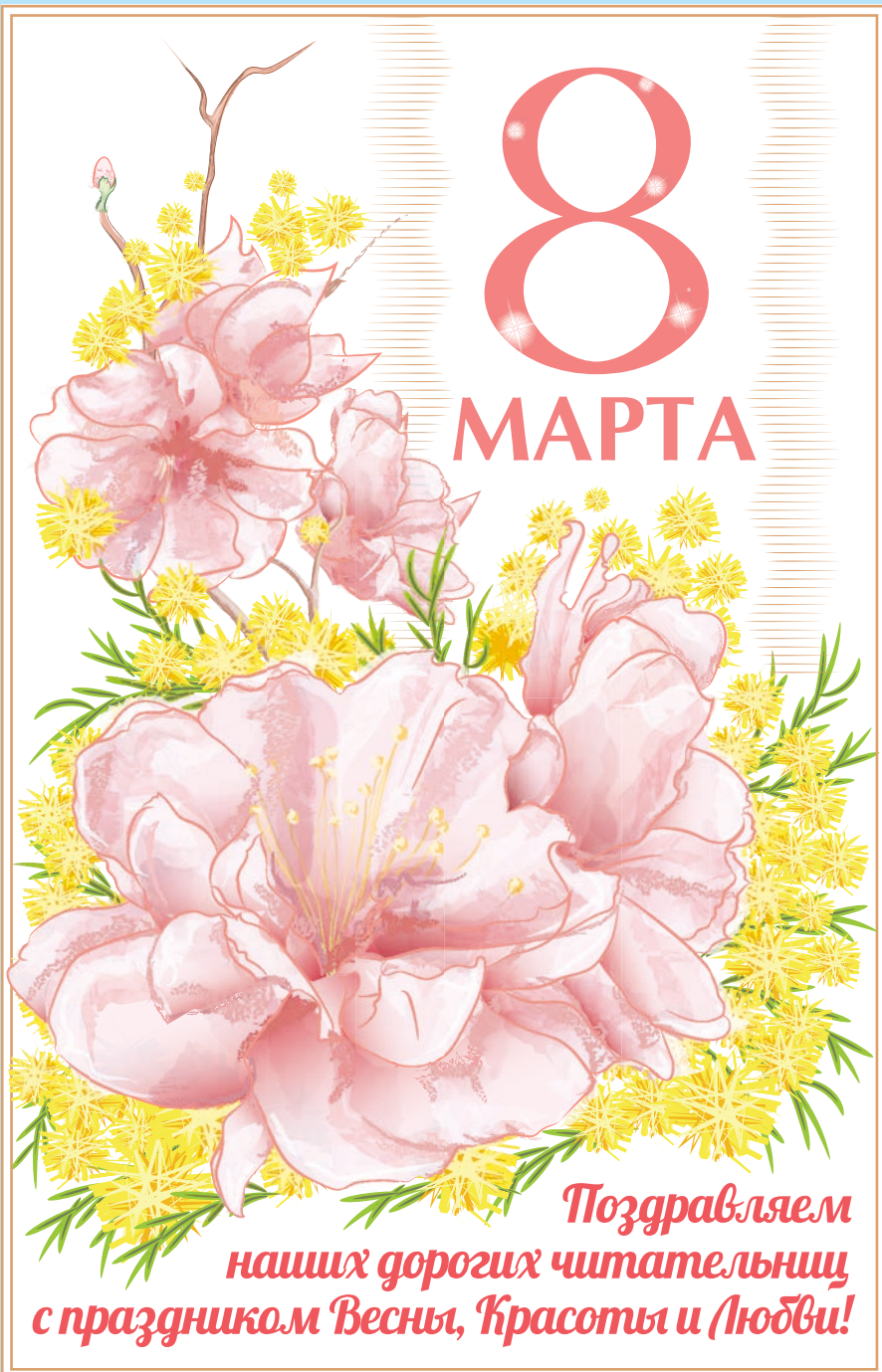
Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 42-75-22; 40-25-81.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

8

МАРТА

*Поздравляем
наших дорогих читательниц
с праздником Весны, Красоты и Любви!*